

Сохрани мою речь
Сохрани мою речь

4/1

Российский государственный гуманитарный университет

Мандельштамовское общество

Кабинет мандельштамоведения
научной библиотеки РГУ

Записки Мандельштамовского общества

«Сохрани мою речь...»

Выпуск 4/1

Москва 2008

УДК 821.161.1
ББК 83.3 (2 Рос-Рус) 6
С 54

Редакторы-составители:
*И. Делекторская, О. Лекманов,
Д. Мамедова, П. Нерлер*

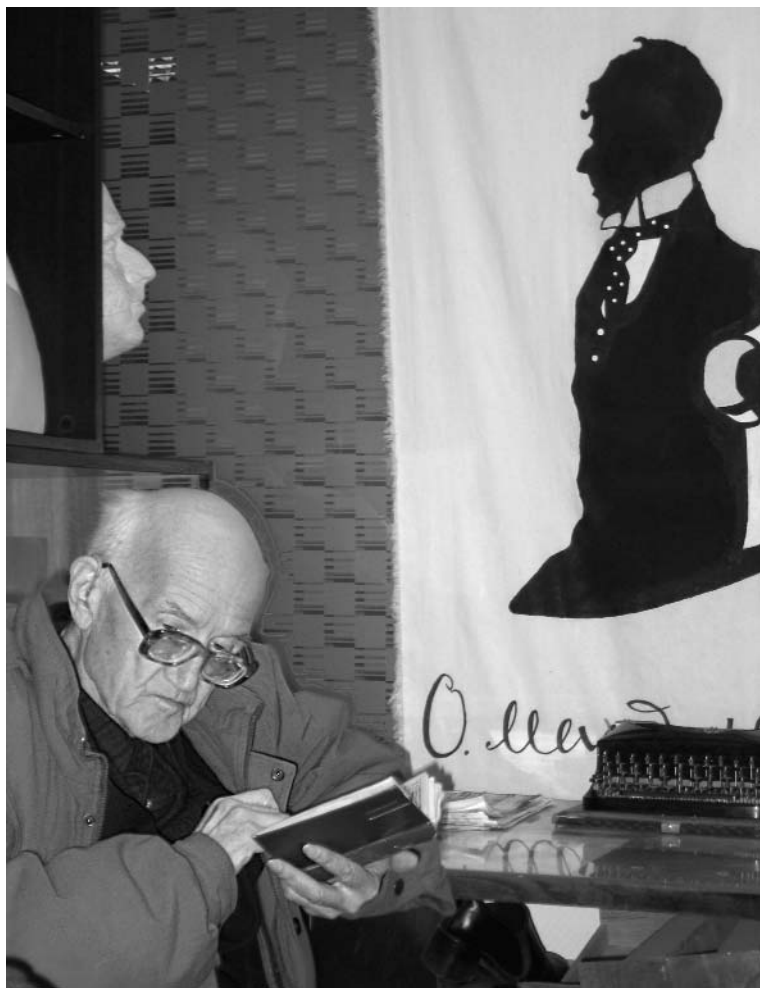
Художник *М.К. Гуров*

Статьи *Э. Вайсбанда, Л. Видгофа, А. Галушкина, В. Калмыковой,
Е. Куранды, Э. Мачерет, В. Микушевича, П. Нерлера,
Ю. Орлицкого, Б. Фрезинского, Д. Фролова,*
публикации *С. Василенко, В. Волошиновой, С. Гардзонио,
М. Котовой, О. Лекманова, Н. Леонтьева и П. Нерлера,*
а также новый конкорданс к стихам О.Э. Мандельштама
(подготовлен *Л. Митюшиным*) выполнены в рамках проекта
«Мандельштамовская энциклопедия: компендиум знаний
о жизни и творчестве поэта»
(гранты РГНФ № 03-04-00164а, 05-04-04-361а
и 07-04-00279а)

ISBN 978-5-7281-1043-9

© Коллектив авторов, 2008
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2008

Памяти Михаила Леоновича Гаспарова

М.Л. Гаспаров. Февраль 2005 г. (фотография О. Шамфаровой)

Предисловие*

Четвертый выпуск традиционного сборника или, точнее сказать, альманаха Манделъштамовского общества «Сохрани мою речь...» посвящен памяти *Михаила Леоновича Гаспарова* – великого русского филолога и великого любителя, знатока и исследователя творчества Манделъштама, второго, вслед за С.С. Аверинцевым, председателя Манделъштамовского общества. Он открывается статьей *П. Нерлера* о М.Л. Гаспарове, библиографией его работ, обращенных к творчеству О.Э. Манделъштама (подготовлена *О. Лекмановым, Д. Мамедовой и П. Нерлером*) и гаспаровской рецензией на разбор одного стихотворения О.Э. Манделъштама *П. Заславским*, юным филологом из Воронежа.

Далее сборник делится как бы на три неравные части. Первая, условно говоря, текстолого-биографическая: она предлагает читателю неизвестные или малоизвестные тексты О.Э. Манделъштама, а также материалы к его биографии, к биографиям близких ему современников, а также к биографии *Н.Я. Манделъштам*.

В первой части несколько разделов, внутри которых материалы сгруппированы по хронологическому признаку. Часть этих материалов представляют собой републикации из труднодоступных источников, как правило, заново просмотренные и переработанные авторами или публикаторами. Вторая часть – чисто исследовательская: она состоит из оригинальных статей, анализирующих твор-

---

* От имени редколлегии благодарю *Л. Брусиловскую, С. Василенко, С. Гардзонио, Н. Поболя, Г. Суперфина* и *Ю. Фрейдина* – за ту разностороннюю помощь и постоянную поддержку, которую они оказывали этой книге на всех этапах ее подготовки, *О. Шамфарову* – за предоставленные фотографии *М.Л. Гаспарова*, а *И. Бружеставицкого, С. Глушкова, В. Литвинова* и *А. Тайх* – за советы в работе над отдельными материалами.

чество О.Э. Мандельштама, также сгруппированных в разделы. В третью вошли традиционные разделы сборника «Сохрани мою речь...» – «Венок поэту» и «Varia».

Авторский коллектив сборника как никогда многочислен и интернационален. Среди наших авторов – представители России, Украины, Австрии, Германии, Франции, Израиля и США.

Первая часть открывается разделом, отыскивать материалы к которому становится все трудней и трудней – текстами самого Осипа Эмильевича. В предыдущем выпуске «Сохрани мою речь...» (М.: РГГУ, 2000) были опубликованы пять писем и один инскрипт поэта. В нынешнем, четвертом, увидели свет неизвестный прозаический набросок Мандельштама «Брат т. Назарова» (публикация *С. Василенко* и *П. Нерлера*), внутренняя рецензия на сборник новелл Рюрика Ивнева (публикация *Н. Леонтьева*), начало перевода сказки Э.Т.А. Гофмана «Золотой горшок» (публикация *П. Нерлера*) и три новонайденных письма Мандельштама (публикации *П. Нерлера*): одно из них – А.Б. Халатову – уже было известно в неокончатальной редакции, а оба письма Б.С. Кузину публикуются впервые. Кроме того, *С. Гардзонио* впервые публикует все черновые варианты мандельштамовских переводов «Неаполитанских песенок», предоставленные ему, к слову сказать, М.Л. Гаспаровым. Порядок расположения публикуемых текстов – хронологический.

Раздел «*Материалы к биографии О.Э. Мандельштама*» состоит из весьма разнообразных по характеру документов (переписка, постановления контрразведки, воспоминания и заметки), охватывающих период времени с 1913 по 1937 г. Его открывает публикация *М. Котовой* и *О. Лекмановой* писем В. Нарбута к М. Зенкевичу 1913–1922 гг. (тем самым «отменяется» предыдущая и весьма несовершенная публикация В. Пустильник в журнале «Арион»). Студенческой артели в Белом Валу, организованной Евгением Мандельштамом, младшим братом поэта, и эпизоду с приездом в нее старшего брата, Осипа, посвящена публикация *Т. Мандельштам* трех писем Н.Г. Григорьевой, будущей жены Евгения.

Много ценных деталей содержит новелла Рюрика Ивнева о неделях, проведенных с Мандельштамом на Украине в 1919 г. (публикация *Н. Леонтьева*). Два постановления чинов врангелевской контрразведки, проливающие свет на арест и освобождение Осипа Мандельштама в Феодосии в 1920 г., републикуются – впервые в Москве – симферопольским историком *В. Зарубиным*. Воспоминания Нины Александровны посвящены приезду О. Мандельштама в Ростов в 1922 г. (публикация *В. Волошиновой*). *Л. Лосев* рассказывает об истории тетрадки со стихами, присланными Мандельштамом из Воронежа в редакцию журнала «Звезда» и унаследованными им от отца, в то время – сотрудника «Звезды». Далее следуют подборки материалов о пребывании О.Э. Мандельштама в Воронеже (воспоминания *Д. Штейнман*, дочери журналиста из газеты «Коммуна», и *А. Глаубермана*, сына врача-ларинголога, пользовавшего Мандельштама) и в Калинин (заметки *М. Колкера* и *С. Глушкова*). В подборку историко-библиографических разысканий об О.Э. Мандельштаме *А. Галушкина* включены выдержки из дневника И.Н. Розанова за 1921–1922 гг., неизвестная рецензия на книгу «О природе слова» (1922) и новелла о «бухаринском следе» в истории издания книги «Стихотворения» (1928).

В раздел «Современники» вошли статьи *Л. Видгофа* и *Л. Рыбиной*, посвященные пребыванию А. Ахматовой и В. Шилейко в Москве и их вероятной встрече с Мандельштамом в 1918 г., а также обстоятельный очерк *Б. Фрезинского* о младшем современнике поэта – Борисе Лапине.

Представительным получился и раздел «Материалы к биографии Н.Я. Мандельштам». Его открывают избранные письма А.Г. Усовой к Л.В. и А.В. Горнунгам (публикация *Т. Нешумовой*), продолжают две подборки писем самой Н.Я. Мандельштам – к Н.Я. Берковскому (публикация *М. Виралайнен*, подготовка *Л. Дубшана*) и А.К. Gladкову – своеобразный спор об И. Бродском (публикация *С. Шумихина*), – и завершают мемуары *И.П. Сиротинской* о походе Н.Я. Мандельштам к Н.И. Харджиеву за мандельштамов-

скими рукописями и *А.И. Немировского* о Н.Я. Мандельштам и Н.Е. Штемпель.

Часть вторая – «*Статьи и исследования*» – состоит из разделов «Мандельштам и мировая культура», «Поэзия и поэтика Мандельштама», «Разборы и анализы», «Диалоги с современниками» и «Мандельштам и дискурс немецкого языка».

Раздел «*Мандельштам и мировая культура*» открывается статьей Э. Вайсбанда «Орфей». В контексте мифа об Орфее с его выдающимися «смыслопорождающими возможностями» раскрывается как усвоение Мандельштамом идей символистов (искусство как религия, поэт как жрец, орфическая церковь как форма протохристианства), так и его внутренняя полемика с ними, приводящая в итоге к освобождению от их влияния и к экзистенциальной витальности его поэзии и мировосприятия – при сохранении культуроцентризма и творческой опоры на миф об Орфее. Сложные отношения Мандельштама с символизмом и антропософией Штайнера стали предметом проблемной статьи базельского философа *К. Свасьяна*.

Статья *Л. Кациса*, опираясь на реконструкцию реальной и семейно-мифологической генеалогий поэта, пускай и периферически, но восходящей к Царю Давиду, выводит на проблему его культурно-поэтической родословной, охватывающей как ашкеназские, так и сефардские пласты, а также представления начала XX в. об истории ассимилированного армянского еврейства (что нашло свое отражение в стихотворении «Канцона», чрезвычайно насыщенном еврейскими коннотациями). Подчеркнем, что речь ведется не о еврейской доминанте, а о еврейской составляющей «духовной родословной» поэта, среди «предков» которого мы встречаем Пушкина и Тютчева, Вийона и Данта.

Со времен *К. Тарановского* утвердилось отношение к корпусу произведений Мандельштама как к единому и непротиворечивому тексту, взыскующему о своего рода экзегезе, т. е. о толковании и интерпретации. Статья *А. Ковельмана* обогащает этот подход представлением о том, что и сам Мандельштам, при создании своих произведений,

пользовался закономерными, а не случайными аллюзиями и до некоторой степени был тоже экзегетом, т. е. толкователем и интерпретатором.

Итальянский культуролог *Ч. де Микелис* посвятил свою статью факту крещения поэта в методистской церкви в 1911 г. Он не приемлет ни прагматически-бытовую интерпретацию этого эпизода, ни культуро-центрическую, когда самый выбор именно методистской конфессии связывается с наибольшим ее соответствием с представлениями поэта о «культуро-христианстве». Автор статьи считает наименьшей дистанцию между либеральной теологией методизма и еврейским просвещением, а сам методизм – наиболее пан-христианским из всех конфессий, что и предопределило сознательный выбор поэта в его пользу.

В статье *Э. Мачерет* «Египет Осипа Манделъштама: De nobis fabula narratur» тема «Манделъштам и Египет», сопровождавшая поэта на протяжении всей жизни, раскрыта во всей ее симфонической широте и взаимосвязи с другими мотивами. Автор последовательно анализирует разные «Египты» поэта – Египет исторический, или Древний, Египет современный, или государство на карте мира (со своими пирамидами и марками), Египет личный (как олицетворение деспотии) и Египет легендарный, или фольклорный.

Сразу две статьи сборника посвящены проблематике соотношения творчества О. Манделъштама с Востоком, с исламом и мусульманской культурой. Ни *В. Микушевич*, ни *Д. Фролов* не усматривают здесь и тени конфессиональности, оба автора отмечают сравнительную редкость мусульманских мотивов и аллюзий в творчестве поэта. *Д. Фролов* выделяет биографические фазы его интереса к исламу и прослеживает своеобразный зазор между личным и творческим контактом с ним. *В. Микушевич* усматривает своего рода парность, или «завернутость» мусульманских мотивов в другие «восточные одежды» (например, в армянские), а также социальные коннотации: в СССР муллу и поэта-отщепенца объединяет их маргинальность. Оба исследователя сходятся в том, что своего апогея

мусульманские мотивы находят в стихах Мандельштама 1933–1934 гг. – в «Восьмистишиях» и двух стихотворениях, посвященных М. Петровых. При этом статьи не повторяют, а дополняют друг друга.

Раздел «*Поэзия и поэтика Мандельштама*» открывается статьей В. Калмыковой о концептуализации авторской личности в творчестве О.Э. Мандельштама. Его видение авторской личности базируется на новом, по сравнению с символистским, представлении о единстве творчества и жизни, и понятие «лирического героя» оказывается ему не нужным – «благодаря непрерывной рефлексии и саморефлексии, при которой поэт выступает и как создатель художественного целого, и как субъект, оценивающий его “со стороны”». «Мандельштам, – заканчивает В. Калмыкова свою статью, – никогда не отделяет свою “литературную личность” от реальной, биографической, человеческой, – и творчество – от планетарных и космических процессов, происходящих в мироздании».

Статья Ю. Орлицкого посвящена свободному стиху у Мандельштама (стихотворение «Нашедший подкову», верлибры из середины цикла «Армения», некоторые переводы). Он отмечает «общую черту всех мандельштамовских верлибрических переводов – использование в них отдельных метрических строк и акцентную урегулированность отдельных фрагментов текста».

Две статьи посвящены вопросам композиции во втором издании «Камня» (1916), а точнее – двум обособленным сегментам из поэтического корпуса этого издания, избранным по основанию единства года их датировки. Д. Фролова, в частности, заинтересовали три стихотворения, датированные 1908 г., – годом, который в издании 1916 г. Мандельштам решил как бы «реабилитировать»: ведь в издании 1913 г. не было буквально ни одного стиха с такой датой, что сдвигало начало мандельштамовской поэзии в 1909 год! Однако, как показывает Д. Фролов, литературная эта «реабилитация» на поверку оказывается литературной же «мистификацией», а сами стихи «скорее всего, взяты из творческого порыва, относящегося

к 1909–1910 годам». Прибегая к означенной мистификации, Мандельштам пытался представить «не то, что было, а то, что должно было бы быть».

С. Голдберг сосредоточил свое внимание на дюжине стихов, датированных 1912 г. Анализируя их попарно и по отдельности, автор приходит к выводу, что общий принцип группировки стихотворений по годам (и только по годам) и позволил Мандельштаму выстроить утонченную, полную внутреннего движения структуру «Камня».

Три статьи составили раздел «Разборы и анализы», посвященные постижению отдельных произведений Мандельштама. Так, статья *М. Спивак* посвящена сложнейшему вопросу истории, текстологии и прочтения стихотворного цикла Мандельштама «Памяти Андрея Белого». Анализируя заново все известные источники этого цикла, вкупе с новыми материалами из архива П.Н. Зайцева, ныне хранящимися в Музее-квартире Андрея Белого в Москве, она не только сумела убедительно реконструировать этапы становления цикла, но и внесла свой вклад в текстологию поэтического корпуса Мандельштама.

Заметки *Д. Лахути* посвящены стихотворению «Вы, с квадратными окошками, невысокие дома...» (1924), они полемичны по отношению к интерпретации этого текста в книге Г. Амелина и В. Мордерер «Миры и столкновения Осипа Мандельштама». Статья *М. Пироговской* представляет собой полноформатный разбор того, что автор обозначает как «авиастихи» Мандельштама – стихотворений «Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый...», «А небо будущим беременно...» и некоторых других.

Античности в так называемых крымско-элинских стихах Мандельштама периода «Tristia» посвящена и статья *А. Фэвр-Дюпэвр* «В поисках Эвридики: Мандельштам и Глюк». В центре статьи – стихотворение «Чуть мерцает призрачная сцена...» 1920 г., как бы пропущенное через музыкальную призму постановки оперы Глюка «Орфей и Эвридика» в Мариинском театре в 1911 г.

А. Сергеева-Клятис, указывая на шекспировское происхождение мандельштамовского образа века с переби-

тым позвоночником и переломанными позвонками, ставит стихотворение «Век» в контекст русских переводов знаменитой концовки первого акта «Гамлета». Результат прелюбопытнейший: позднейшим переводчикам шекспировской трагедии, А. Радловой и Б. Пастернаку, как показывает автор статьи, стихотворение помогло приблизиться к наиболее точному и поэтичному переводу.

Завершает раздел заметка *М. Давыдова* «Я дружбой был, как выстрелом разбужен...» (Об одном подтексте в стихотворении О.Э. Мандельштама «К немецкой речи»). Он указывает на параллелизм в дружеских отношениях Мандельштама и Б.С. Кузина (с последним М. Давыдов и сам дружил!) и немецких поэтов Э.-Х. Клейста и И. Глейма. Н.И. Харджиев, сосед М.А. Давыдова по лестничной площадке, говорил ему уже после выхода томика Мандельштама в «Библиотеке поэта», что с удовольствием бы использовал это открытие в комментариях.

Две статьи вынесены в отдельный раздел «Диалоги с современниками». Статья *Е. Куранды* посвящена своеобразному диалогу О. Мандельштама и В. Шилейко, раскрываемому на примере стихотворения Шилейко «Смущенно думаю о нем...», существующего в пяти редакциях, основная из которых увидела свет и без заголовка («Другу»), и без эпиграфа из Мандельштама («Так вот кому летать и петь...»). Анализируя цикл Б. Лившица «Эсхил», *П. Успенский* обнаруживает и разбирает скрытую перекличку и отчасти полемику Лившица с Мандельштамом, развернувшуюся в их стихах, посвященных античности.

Раздел «*Мандельштам и дискурс немецкого языка*» открывается статьей *Л. Городецкого* «Немецкий язык в дискурсе Осипа Мандельштама». Более точным представлялось бы название «Германизмы и идишизмы у Осипа Мандельштама», ибо именно этому статья и посвящена.

Дискуссионна и статья *Г. Киришаума*, посвященная Мандельштаму как переводчику немецкой революционной поэзии. Автор исследует идейно-образную взаимозависимость метафорических решений в переводах из Бартеля

с немецкой темой у Мандельштама. Пытаясь заново определить место переводов Мандельштама из М. Бартеля в творчестве поэта, он рассматривает их как сознательную попытку «поработать в актуальном гражданственно экспрессионистском стиле» и полемизирует с легендой о «поденщине» этой работы.

Иной подход у *С. Симонека*, педантично сличающего мандельштамовский перевод повести Артура Шницлера «Traumnovelle» с оригиналом, ищущего и находящего у переводчика языковые несоответствия. Мало того: Мандельштам, по его мнению, не только не вник в художественную систему подлинника, но и не встроил его в свою собственную поэтику. Однако именно в дотошности и придиристичности – основная ценность этой статьи.

Завершают четвертый выпуск «Сохрани мою речь...» два традиционных раздела – «*Венок Мандельштаму*» и «*Varia*», составившие его третью часть.

«Венок», по определению, состоит из стихотворений, посвященных поэту. Но на этот раз он открывается довольно необычно – собранием прижизненных «посвящений» столь непочтительного свойства, как пародии и эпиграммы (публикация *О. Лекманова* и *П. Нерлера*). Среди семерых «непочтительных» большинство составляют известные имена – *Николай Адуев*, *Илья Сельвинский*, *Александр Архангельский* или *Павел Васильев*; но есть и востоковед *Лев Эйдлин*, и некий *Вазминский* (реальное лицо? псевдоним?), и вовсе анонимный автор. В рубрику также вошли «серьезные» стихотворения, посвященные Мандельштаму или упоминающие его имя. Вслед за стихотворением эмигрантского поэта *Василия Сумбатова* «Гиперборей», напечатанного в 1954 г. в одном из эмигрантских изданий (републикация *П. Нерлера*), помещается цикл московского поэта *Николая Кишилова*, незадолго до смерти эмигрировавшего во Францию (публикация *А. и П. Кишиловых*), а также републикации стихов *Рины Левинзон* (Иерусалим), *Вячеслава Станинова* (Уфа) и *Натальи Бельченко* (Киев).

Что касается рубрики «*Varia*», то ее открывают выдержки из «Московского дневника» замечательного

американского мандельштамоведа *К. Брауна* – его путевые записки во время пребывания в Москве в январе 1991 г., на праздновании 100-летия со дня рождения Осипа Мандельштама. Все кульминационные пункты тех дней – открытие Мандельштамовских чтений, прием в американском посольстве, открытие мандельштамовской мемориальной доски, учреждение Мандельштамовского общества, посещение Старо-Кунцевского кладбища и открытие мандельштамовской выставки в филиале Литературного музея в Трубниковском переулке – предстают в них увиденными во всей своей живописности.

Л. Митюшин представляет здесь же новый конкорданс к корпусу стихов Мандельштама, составленный на базе 4-х томного Собрания сочинений поэта, в 1993–1997 гг. выпущенного Мандельштамовским обществом и издательством «Арт-бизнес-центр». В отличие от конкорданса Д. Кубурлиса, где единицей учета выступали словоформы, здесь единицей учета являются лексемы.

Заметка *Е. Куранды* посвящена находке в Пскове между страниц 5-го тома «Философской энциклопедии», ранее принадлежавшего Н.Я. Мандельштам, листа плотной мелованной бумаги с напечатанными на нем стихами Мандельштама «На страшной высоте блуждающий огонь...» и «Сумерки свободы».

Завершает сборник заметка-загадка от *О. Лекманова* «Догадайтесь: чье – кого?». На вопрос об адресате употребления подтекстного метода при разгадывании шарад, именуемых стихами Мандельштама, автор вспоминает о «бутылке морехода» и о «читателе в потомстве» из статьи «О собеседнике». Он беспокоится, а не филолог ли это «с натренированной памятью, до зубов вооруженный словарями и собраниями сочинений, а в последнее время – еще и Интернетом со множеством поисковых баз»? Болея душой за более широкую читательскую аудиторию, альтернативы такому вооруженному до зубов филологу он, кажется, не видит. «Сохрани мою речь, Интернет!..»

П. Нерлер

ПАМЯТИ М.Л. ГАСПАРОВА

П. Нерлер

МИХАИЛ ЛЕОНОВИЧ ГАСПАРОВ

7 ноября 2005 г. ушел из жизни выдающийся русский филолог Михаил Леонович Гаспаров. Он родился 13 апреля 1935 г. в Москве, окончил филологический факультет МГУ. Доктор филологических наук (1977), член-корреспондент (1990), академик (1992) Российской академии наук. Многие годы Михаил Леонович руководил сектором классической филологии ИМЛИ, участвовал в работе Московско-Тартуской семиотической школы и математико-филологического кружка академика Колмогорова. В последнее время – главный научный сотрудник Института русского языка РАН и Института высших гуманитарных исследований РГГУ, председатель Манделъштамовского общества. Лауреат Государственной премии России (1995), Малой премии Буккера (1997; за сборник «Избранные статьи»), премии имени Андрея Белого (1999; за книгу «Записи и выписки»). Главный редактор «Манделъштамовской энциклопедии» и член редколлегии «Литературных памятников», «Вестника древней истории», реферативного журнала «Литературоведение», журналов «Arbor Mundi» («Мировое древо», Москва, РГГУ), «Elementa» (США), «Rossica Romana» (Италия) и мн. др.

Гаспаров – крупнейший специалист в области классической и современной филологии, древней истории,

тимизма, больше мрачности. Исчезают мотивы культурного единения, Пушкина и моря, вместо этого усиливаются образы степной суши. Ариост из приятнейшего рассказчика превращается в "посольскую лису", хитрящую со своим временем, и смешивается с другим феррарским поэтом, Т. Тассо, которого держали на цепи в сумасшедшем доме; откуда мотив "от ведьмы и судьбы", неизвестно. Композиция воронежской редакции неотчетлива, темы "лоха", "поэт" и "поэма" чередуются беспорядочно; центр строфа 4, выделенная 3-стишищность, но две из трех ее строк - повторения. Из первоначального текста сохранено 8-9 точных и 5-4 измененных строк, т.е. около трети; преимущественно в строфах 1 (Власть), 3 (поэма), 6 (поэт), 7 (окружение). Кончается текст словом "утрате" - характерно, что не сказано, какой.

В стиле крымской редакции подбор необычных слов ("сканда-лы" и "куролеся" рядом с "солдотается, преображаясь", "лазорь" рядом с "на осляти") создает аналогию иронического стиля Ариосто; в воронежской редакции большинство таких слов исчезает, а новых не появляется. Зато переносные слова (метафоры, метонимии) идут гуще и строятся сложнее ("солнце [метафора] рывжого [метонимия] ума"; "цветущий папоротник" - "солнцестолетник" - т.е. редкое явление, но почему "парусник"?). В крымской редакции вторая половина стихотворения напряженнее, чем первая (слушение тропов в 8 строке, смелое сравнение в 6-й, асимметричное расположение фраз, внутри 4-стишия, анжамбан после 6 строфы). В воронежской редакции подобной упорядоченности не прослеживается.

Стих - 6-ст. ямб с цезурой, ощущаемый как размер старинный, но не специфически итальянский; нарушение цезуры - в строке "Цветущий папоротник..." Строфы в крымской редакции выдерживают рифмовку АБВА, в воронежской смешивают ее с рифмовкой АВАВ, а средняя и последняя строфы отступают даже от 4-стишиности. В целом поэтика поздней редакции более дезорганизована, чем ранней, - перемена ли это манеры или простая недоработка, сказать невозможно.

У

Больше становится роль
зачковых переключек ("па-
поротник - парусник"; "лице-
кука" - "музыкальный").

«Ариосто». Рукопись статьи М.Л. Гаспарова к «Мандельштамовской энциклопедии». Машинопись с авторской правкой

общей поэтики и стиховедения, а также теории и практики художественного перевода. Знакомство с его работами (а их более 300, и большинство составляют книги и большие статьи) вызывает в воображении образ гуманитарной арки, двумя вертикальными пилонами которой являются античная и русская литература, а перекрытием – стиховедение и поэтика.

Формирование Михаила Леоновича как филолога началось именно с классической филологии: его первая книга – переводы «Басен» Федра и Бабрия – увидела свет, когда автору было 27 лет. Среди античных авторов, на протяжении жизни переведенных, прокомментированных и изданных Гаспаровым, – еще и Эзоп, Пиндар, Вакхилид, Овидий, Светоний, Диоген Лаэртский, Авсоний, Аристотель, Гораций, Дионисий Галикарнасский, Филодем, Цицерон и др., о многих из них написаны большие статьи, как, впрочем, и об эпохах, когда они жили, и о жанрах, в которых они работали. Две другие его переводческие работы – «Поэзия вагантов» и «Неистовый Роланд» Ариосто. Бестселлером стала и гаспаровская книга «Занимательная Греция. Рассказы о древнегреческой культуре».

Временной и именной диапазон тем и авторов в области русской филологии ничуть не уже: Пушкин и Тютчев, Чехов, Брюсов и Блок, Хлебников и Маяковский, Анненский и Цветаева, Лившиц и Пастернак, даже Меркурьева и Кобзев, но в особенности – Мандельштам.

Из трудов по поэтике и стиховедению широкую известность получили его работы «Античная литературная басня» (1971), «Современный русский стих. Метрика и ритмика» (1974), «Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика» (1984), «Очерк истории европейского стиха» (1989), «Русские стихи 1890–1925 годов в комментариях» (1993), «Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти» (1999) и др.

С его именем ассоциируется понятие о «русской стиховедческой школе», неотъемлемым атрибутом которой являются массивные статистические обсчеты и количественные методы. Как стиховед он обсчитал за жизнь столь-

ко, что последующее компьютеризированное поколение угнаться так и не смогло. Гигантская работа, в пору целому институту, выполнена им одним.

Его работоспособность и продуктивность были просто невероятными. Лето со «всего» пятью печатными листами написанного казалось ему пусть и не напрасным, но каким-то малоудачным.

Собственно говоря, он работал всегда и всюду.

Скромный и элегантный, внимательно слушающий, записывающий в книжечку, всегда подготовленный и к выступлению, и к дискуссии. Обращение по имени-отчеству, независимо от возраста, – как и положено в классическом филологическом семинарии.

Общение с ним было праздником. «Слушаю», – раздавалось в телефоне, и воображение тут же пририсовывало правое ухо, напряженно склоненное к собеседнику. Сам Михаил Леонович звонил редко – звонкам предпочитал почтовые открытки, тесно заполненные мелкими, округло-бисерными строчками.

Тем же незабываемым почерком испещрены были и миниатюрные записные книжечки, которые Гаспаров время от времени вынимал из кармана.

Их содержимое он щедро ссыпал в «Записи и выписки», которым задал структуру, отдаленно напоминающую библиотечный каталог. За это он был обласкан адептами постмодернизма, доверчиво и радостно принявшими гаспаровские лабораторию ученого и кухню писателя за его *ars poetica*. Они были уверены, что им открылись и замысел, и композиция гаспаровской книги как постмодернистского текста и искусной стилизации под фрагментарность культуры. Критики узрели в «Записях и выписках» даже неоспоримые сближения с «языковой мистерией» карточек Льва Рубинштейна и античопорность похлеще сорокинской с пелевинской. Его нетривиальный, но исторически корректный взгляд на Парфенон как на отвратительный, в глазах эллинов-современников, «модерн» и непренебрежительный взгляд на массовую культуру (в контексте еще более массового бескультурья) вызывал чуть ли не восторг:

«Смотрите, академик, сам шибко культурный, а вот защищает нашу попку!..»

Им и невдомек, что фрагментарность фрагментарностью, но за десятилетия творчества, научного и художественного, Михаил Леонович вырабатывал в себе жесткую систему критериев – критериев выбора, критериев оценки и понимания, критериев эстетического наслаждения, наконец, и с такими «веригами» в постмодернистской невесомости не летаешь.

Текст для Гаспарова был отправной точкой и конечной инстанцией, но слухи о том, что филологу, по его мнению, должно быть все равно – чей именно этот текст, явно преувеличены. Все-таки, Мандельштаму, а не Кобзеву посвятил он основные свои труды!

Просматривая библиографию гаспаровских трудов о Мандельштаме, с удивлением отмечаешь, как «поздно» (по сравнению с другими мандельштамоведами) он обратился к анализу его творчества: его первая специальная статья увидела свет лишь в 1986 г. Но, начиная с 1990 г. и до самой смерти, интерес Гаспарова к Мандельштаму все нарастал. Последние годы жизни Гаспарова в значительной мере прошли под знаком поэзии Мандельштама.

Одновременно стремительно нарастал и его нетипичный в мандельштамоведении универсализм. Начав со статей, непосредственно связавших Мандельштама с привычными для самого Гаспарова темами метрики и античности, он уже в начале 1990-х годов вырабатывает свой излюбленный в мандельштамоведении «жанр» – обстоятельный анализ одного или нескольких стихотворений. Но в 1993 г. он совершает «побег» из этого жанра и пишет обобщающую статью о «трех поэтиках» – статью, оказавшуюся необычайно востребованной в качестве вступительной к целому ряду изданий Мандельштама. В этом же году Михаил Леонович пробует себя в составительском жанре, выпустив, совместно с И.В. Корецкой, антологию русской поэзии Серебряного века.

Но излюбленный жанр монографических этюдов об отдельных стихотворениях неизменно оставался в центре

мандельштамоведческого внимания Михаила Леоновича. А два таких эссе – об «Оде Сталину» и «Стихах о неизвестном солдате» – разрослись и срослись в небольшую книжку «О. Мандельштам: гражданская лирика 1937 года». Эта книга породила серьезную дискуссию, лишь в малой степени зафиксированную ее участниками на бумаге.

Так, запомнилось ее обсуждение, вскоре после выхода книги состоявшееся в Гослитмузее на Петровке. Анализ названных двух стихотворений – центральных для всего воронежского периода – привел Гаспарова к выводам неожиданным и резким: тезис о противостоянии Мандельштама и Сталина как о противостоянии Поэта и Тирана – мифологема и нуждается в пересмотре. Мандельштамовская чуждость эпохе, по его мнению, есть явление не политического, не идеологического, а стилевого – т. е. куда более органического – ряда. Мандельштам, как и многие современники, писал произведения, исполненные пристрастия советской действительности, и водораздел между ним и авторами откровенных агиток проходил именно в области стиля. Михаил Леонович просил расценивать свою позицию как не более чем аргументированную гипотезу – одну из возможных, но обладающую, на его взгляд, большей объяснительной силой и непротиворечивостью, чем противоположная ей мифологема, представляющая Мандельштама как жертву режима и как борца с режимом. Большинство из выступивших в дискуссии (в частности, Ю.Л. Фрейдин, А.А. Морозов, Л.М. Баткин) не приняли гипотезу Гаспарова и не согласились с его аргументами, отстаивая антитоталитарную сущность мандельштамовского стиха и более сложное, нежели в аспекте «советскости», восприятие его произведений и творчества в целом. В целом же дискуссия стала редким образчиком того, что в некотором кругу эмоциональность способна сочетаться с разномыслием и с уважением разномыслящих друг к другу.

В отличие от большинства коллег – приверженцев того же жанра аналитических статей-монографий, Михаил Леонович всегда задавался не только семанти-

---

ческими и поэтическими, но и текстологическими проблемами изучаемых произведений. Анализу смысла всегда предшествовал критический анализ источников, что делало его текстологические заметки бесценными для комментаторов, а самого Гаспарова со временем привело в архивы, где лежали мандельштамовские рукописи (одним из первых среди российских ученых Гаспаров поработал и в Принстоне!)¹.

Заметим, что в гаспаровское понимание филологии и мандельштамоведения составной частью входило и активное уважение к предшественникам, проявлявшееся не только в неподражаемом тоне дискуссии с ними, но и в прекрасном знании их творчества, что неизменно приводило самого Михаила Леоновича к написанию обзоров их жизни и деяний и к участию в издании их книг (К. Тарановский, О. Ронен, С. Ошеров).

Путь от избранных аналитических этюдов к синтетической вступительной статье привел Гаспарова к написанию собственного корпуса примечаний к произведениям поэта и, наконец, к опыту собственного составления мандельштамовских книг. При этом его примечания, не являясь аналитическими этюдами как таковыми, были самым тесным образом связаны с ними, как жанром. Их правильнее всего уподобить экстрактам, или квинтэссенциям, написанных или не написанных статей Гаспарова, посвященных отдельным произведениям Мандельштама, в первую очередь – его стихам.

В свое время Михаил Леонович разработал понятия «конспективная лирика» и «конспективный перевод». Тот же подход он применил и к комментированию поэзии, в частности Мандельштама, стремясь привести в систему и «законспектировать» семантику стихотворения (не путать с «пересказом»!). Именно за такого рода «конспекты», выполненные для всего корпуса стихов, взялся он, работая над «Мандельштамовской энциклопедией». А о том, какая филологическая работа стоит за каждым подобным конспектом, лучше всего свидетельствуют позднейшие монографические этюды Михаила Леоновича, как написан-

ные им индивидуально, так и в содружестве с одним из его излюбленных коллег – Омри Роненом.

Он умел – или научился – синтезировать в себе знание и чувство.

Свое 70-летие он встретил в больнице. Несколько журналов и газет поздравили его, коллеги по РГГУ и Мандельштамовскому обществу начали составлять сборник в его честь.

Увы, из юбилейного «Festschrift'a» получится благодарной памяти «In memoriam». 21 декабря 2005 г. на заседании Лотмановской конференции, посвященной памяти М.Л. Гаспарова, В.Н. Топорова и Е.М. Мелетинского – великих русских ученых, скончавшихся осенью 2005 г., о нем вспоминали его ученики и коллеги.

Смерть Гаспарова уже изменила и многое еще изменит в структуре и состоянии гуманитарной культуры в России.

П. Нерлер

---

¹ При этом он благородно и охотно делился находками с коллегами: примером тому – публикация С. Гарзонио в настоящем издании.

М.Л. Гаспаров

ТРУДЫ ОБ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМЕ
И О ЕГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯХ

Статьи

1971

К 60-летию К.Ф. Тарановского // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Вып. 5. С. 545–546.

1986

«За то, что я руки твои...» – стихотворение с отброшенным ключом // Преподавание литературного чтения в эстонской школе (методические разработки). Таллин, 1986. С. 74–85.

1989

Русский стих: Учеб. материал по литературоведению. Даугавпилс, 1989. С. 25, 49.

1990

«Гастрономический» пейзаж в поэме Марины Цветаевой «Автобус» // Русская речь. 1990. № 4. С. 25.

Тыняновские чтения: автополемика // Пятые тыняновские чтения: Тез. докл. и матер. для обсуждения. Рига, 1990. С. 312. (Совместно с М.О. Чудаковой.)

Эволюция метрики Мандельштама // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 346–355.

1991

Кирилл Федорович Тарановский (К 80-летию со дня рождения) // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. 1991. Т. 50. Вып. 5. С. 491–492.

Поэт и тиран: Вычеркнуто перестройкой // Независимая газета. 1991. 24 янв. С. 5. (Совместно с Л. Зориным.)

Труд и постоянство в поэзии О. Мандельштама [«Декабрист», «Сумерки свободы», «Век», «Чуть мерцает...», «В Петербурге...»] // Слово и судьба: Осип Мандельштам. Исследования и материалы. М., 1991. С. 371–389.

Как читать трудные стихи // Круг чтения: Календарь-1991. М., 1991. С. 112–113.

1992

Метрическое соседство «Оды Сталину» Мандельштама // Здесь и теперь. 1992. № 1. С. 63–75.

1993

Поэт и культура (Три поэтики Осипа Мандельштама) // De visu. 1993. № 10. С. 39–70.

Поэтика «серебряного века» [предисловие] // Русская поэзия серебряного века, 1890–1917: Антология. М., 1993. С. 16, 23, 26, 27, 30, 31, 34, 37–40.

Русские стихи 1890–1925-го годов в комментариях: Учебн. пособ. для вузов. М., 1993. 272 с. (по им. указ.).

1994

Воронежская поэзия О. Мандельштама // Филологические записки. [Воронеж]. 1994. Вып. 2. С. 9–23.

Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г. // Новое литературное обозрение. № 10 (1994). С. 90. (Совместно с Н. Котрелевым.)

Метрическое соседство «Оды» Сталину // Столетие Мандельштама: Материалы симпозиума. Тенефлай, 1994. С. 99–111.

«Соломинка» Мандельштама и генезис стихов-двойчаток // Темы и вариации – Themes and variations: Сб. ст. и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Stanford, 1994. С. 293–308.

1995

«Грифельная ода» Мандельштама: история текста и история смысла // *Philologica*. 1995. Т. 2. № 3/4. С. 153–198.

«За то, что я руки твои...» – стихотворение с отброшенным ключом // Мандельштам и античность. Сб. статей / Под ред. О.А. Лекманова. М., 1995. (Записки Мандельштамовского общества. Т. 7.) С. 104–115.

Поэт и культура: три поэтики О. Мандельштама [Вступительная статья] // Мандельштам О. Полное собрание стихотворений / Сост., подг. текста, примеч. А.Г. Меца. СПб., 1995. С. 5–64.

«Соломинка» Мандельштама (поэтика черновика). С. 185–197; «За то, что я руки твои...» – стихотворение с отброшенным ключом. *Orpheus Faber: труд и постоянство в поэзии О. Мандельштама*. С. 221–237; Антиномичность поэтики русского модернизма. С. 299–301, 303, 304; Поэт и культура (Три поэтики Осипа Мандельштама). С. 327–370 // Гаспаров М.Л. Избранные труды. М., 1995.

«Стихи о неизвестном солдате» О. Мандельштама: Апокалипсис и/или агитка? // Новое литературное обозрение. № 16 (1995). С. 105–123.

«За то, что я руки твои...» – стихотворение с отброшенным ключом // Гаспаров М.Л. Античность в русской поэзии начала XX века. Пиза: ECIG, 1995. (*Studi Slavi*, № 4). С. 58–77.

1996

О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года. М., 1996. 128 с.

[Рец. и отклики: [Нерлер П.] Любовь и анализ // Московские новости. 1996. 31 марта – 7 апр. С. 37 (Без подписи); *Алейник Л.* Споры о гражданской лирике Осипа Мандельштама // Русская мысль. Париж, 1997. № 4169. С. 12; *Гандельсман В.* Сталинская «Ода» Мандельштама // Новый журн. Нью-Йорк, 1999. Кн. 215. С. 311–319].

Природа и культура в «Грифельной оде» Мандельштама // Арион: Журнал поэзии. 1996. № 2. С. 50–56.

1997

[Вступ. статья] // Мандельштам О. Полное собрание стихотворений / Сост., 2-я вступ. ст., подгот. текста и примеч. А.Г. Меца. СПб., 1997. 718 с.

«За то, что я руки твои...» – стихотворение с отброшенным ключом // Гаспаров М.Л. Избранные труды. М., 1997. Т. 2. С. 187–196.

Стих О. Мандельштама // Гаспаров М.Л. Избранные труды. М., 1997. Т. 3. С. 492–501.

1998

«Ариост» Мандельштама. Редакция морская и редакция степная // *Russica Romana*. Vol. V. 1988. P. 151–164.

1999

О. Мандельштам. «Сумерки свободы»: опыт академического комментария // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1999. № 5/6. С. 3–9. [В соавторстве с О. Роненом.]

Сонеты Мандельштама 1912 г.: от символизма к акмеизму // *Europa orientalis*. 1999. Vol. 1. P. 147–158.

Стих переводов О. Мандельштама из старофранцузского эпоса // *Ossip Mandelstam und Europa* / Hrsg. W. Potthoff. Heidelberg, 1999. S. 109–133.

Техника мозаического монтажа у раннего Мандельштама // История кино: Методология киноведения. Кино и другие искусства. Кино в пространстве культуры. М., 1999. С. 149–162.

2000

«На чем держится узор...» [Предисловие к кн.:] // Осип Мандельштам. Проза поэта. М.: Вагриус, 2000. С. 5–10.

Мандельштамовское «Мы пойдем другим путем»: О стихотворении «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» // Новое литературное обозрение. № 41 (2000). С. 88–98.

«На чем держится узор...» // Мандельштам О. Проза поэта. М., 2000. С. 5–10.

От составителя. С. 7–8; К. Тарановский – стиховед. С. 417–419 // Тарановский К. О поэзии и поэтике / Сост. М.Л. Гаспаров. М., 2000. С. 417–419.

Поэт и общество: две готики и два Египта в поэзии О. Мандельштама // «Сохрани мою речь». 2000. № 3–4. М., 2000. (Записки Мандельштамовского общества. № 10.) С. 25–41.

Analisi vs interpretazione: due poesie di Mandel'stam su cattedrali gotiche [Анализ против интерпретации: два стихотворения Мандельштама о готических соборах] // Semicerchio. Vol. XXII. 2000. P. 52–57.

2001

Восьмистишия Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О.Э. Мандельштама (Москва, 28–29 декабря 1998 г.). М., 2001. (Записки Мандельштамовского общества. № 11.) С. 47–54.

[Вступительная статья]. С. 5–28; Примечания. С. 723–854 // Мандельштам О. Стихотворения. Проза / Сост. Ю.Л. Фрейдин. М.: Слово/Slovo, 2001. 608 с.

Мандельштам [Вступительная статья]. С. 3–20; Примечания. С. 604–710 // Мандельштам О. Стихотворения. Проза. М.; Харьков, 2001.

Осип Манделъштам. Три его поэтики. С. 193–259; Две готики и два Египта в поэзии О. Манделъштама. Анализ и интерпретация. С. 260–295; «Соломинка». Генезис манделъштамовских «двойчаток». С. 296–314; «Ариост» Манделъштама. Редакция морская и редакция степная. С. 316–332; «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» Манделъштамовское «Мы пойдем другим путем». С. 333–349; Литература. С. 350–360 // Гаспаров М. О русской поэзии. СПб., 2001.

[Предисловие] // Ошеров С. Найти язык эпох: От архаического Рима до русского Серебряного века / Сост. И.А. Барсова. М., 2001. С. 5–8.

2002

Анализ и интерпретация: два стихотворения Манделъштама о готических соборах // Первое сентября. Русский язык. 2002. № 43.

[Вступительная статья]. С. 5–20; Примечания. С. 586–669 // Осип Манделъштам. Стихотворения. Проза / Сост. Ю.Л. Фрейдин. М., 2002. С. 5–20.

О «Венецианской жизни...» О. Манделъштама: Опыт комментария // Звезда. 2002. № 2. С. 193–202. [В соавторстве с О. Роненом.]

«Ода» Сталину Манделъштама и ее метрическое сопровождение // Достоверность и доказательность в исследованиях по теории и истории культуры. М., 2002. Кн. 2. С. 474–512.

Похороны солнца в Петербурге: о двух театральном стихотворениях Манделъштама // Звезда. 2003. № 5. С. 207–219. [В соавторстве с О. Роненом.]

Предисловие // Ронен О. Поэтика Осипа Манделъштама. СПб.: Гиперион, 2002. С. 5–8.

«Сеновал» О. Манделъштама: история текста и история смысла // Тыняновский сборник: 9-е Тыняновские чтения. М., 2002. С. 376–390.

«Сумерки свободы». Опыт академического комментария // Ронен О. Поэтика Осипа Манделъштама. СПб., 2002. С. 127–142. [В соавторстве с О. Роненом.]

---

319 сонет Петрарки в переводе О. Манделъштама: история текста и критерии стиля // Человек – Культура – История. В честь семидесятилетия Л.М. Баткина. М., 2002. С. 323–337.

2003

Похороны солнца в Петербурге: о двух театральных стихотворениях Манделъштама // Звезда. 2003. № 5. С. 207–219. [В соавторстве с О. Роненом.]

Редактура и составление

(Ред.) Манделъштамовские дни в Воронеже. Материалы / Ред.: В.М. Акаткин, М.Л. Гаспаров, О.Г. Ласунский, Ю.И. Левин, О.А. Лекманов, О.Е. Макарова, Е.Г. Муценко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин. Воронеж, 1994. 96 с.

(Сост.) *Тарановский К.* О поэзии и поэтике. М., 2000. 432 с.

(Сост.) *Манделъштам О.* Стихотворения. Проза. М.; Харьков, 2001. 736 с. (Библиотека поэта.)

*Над составлением настоящей библиографии работали
О. Лекманов, Д. Мамедова и П. Нерлер*

М.Л. Гаспаров

РЕЦЕНЗИЯ НА СТУДЕНЧЕСКИЙ РАЗБОР
ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА

Во втором семестре 1995–96 уч. г. Петр Данилович Заславский, молодой воронежский филолог, посещал спецкурс М.Л. Гаспарова по стиховедению в РГГУ. В конце курса Михаил Леонович предложил желающим попробовать себя в жанре самостоятельного разбора отдельного стихотворения по разработанной им схеме¹. Заславский, оказавшись чуть ли не в одиночестве, откликнулся на это предложение и написал разбор мандельштамовского стихотворения «Отчего душа так певуча...». Текст этого разбора, возможно, сохранился в архиве М.Л. Гаспарова. Ниже печатается его черновик, а также письменная рецензия М.Л. Гаспарова на эту студенческую работу, сохранившиеся в домашнем архиве П.Д. Заславского.

<1>

П.Д. Заславский

Закрытый анализ стихотворения О. Мандельштама
«Отчего душа так певуча...»

1. Отчего душа так певуча,
  2. И так мало милых имен,
  3. И мгновенный ритм – только случай,
  4. Неожиданный Аквилон?

  5. Он подымет облако пыли,
  6. Зашумит бумажной листвою
  7. И совсем не вернется – или
  8. Он вернется совсем другой...

  9. О, широкий ветер Орфея,
  10. Ты уйдешь в морские края –
  11. И несозданный мир лелея,
  12. Я забыл ненужное «я».

  13. Я блуждал в игрушечной чаше
  14. И открыл лазоревый грот...
  15. Неужели я настоящий
  16. И действительно смерть придет?
- 1911

1. Стихотворение написано дольником с тремя формами: (1) $\cup\cup/\cup/\cup\cup/$ (70 %), (2) $\cup\cup/\cup\cup/\cup/$ (25%, строки 7, 8, 11, 16), (3) $\cup\cup/\cup\cup\cup\cup/$ (5%? Строка 4).

Формы (2) и (3) мотивированы семантически. Строка 4 именуется ветер. Строки 7 и 8, 11, 16 объединены мотивом неповторимого мгновения. Кроме того, все три фрагмента присоединены к предшествующему тексту союзом «и».

2.0. Фонетика:

Стихотворение содержит развернутую систему фонетических средств выразительности

1. локальные созвучия, горизонтальные («паронимическая аттракция» В.П. Григорьев).

а. *Мало милых имен // И мгновенный ритм,*

б. *Зашумит бумажной:* созвучны предударные слоги,

с. *О, широкий ветер Орфея,*

д. *Открыл лазоревый грот*

е. *Я настоящий*

В случаях а, с, д, считаем звукопись средством подчеркнуть семантическую значимость последнего слова в ряду. Случай б считаем случайным созвучием. Случай е – семантическое «эхо».

2. локальные созвучия, вертикальные («эхо»):

О, широкий ветер Орфея,

Морские края

Мир

3. стык. Им присоединяются все строфы: 1–2 Аквилон: Он, 2–3 другой – О, 3–4 «я» – я

4. изострофический повтор: в первой строке *шу*-тема, которая может быть понята как импликация темы звука, т. к. глагол «зашумит», входящий в этот ряд, эксплицитно развивает тему звучания: *душа:* и *зашумит:* *широкий* – *ушел:* *игрушечной.*

5. ритмико-фонетические, пририфменные созвучия:

а. ил (тема сомнения) – Аквилон: *пыли листвою, или,* разные ритмические позиции слога, «раскачивание»,

б. я (тема самополагания) – Орфея: *края: лелея: «я».*

Эти созвучия действуют так, как первое – подчеркивают семантику последнего слова в ряду.

6. аттракция опорных слов в строфах ритм: *мир смерть (1 – 3 – 4).*

3.0. Лексика

3.1. Существительные:

Явления внешнего мира (конкретные)	Имена собственные	Абстрактные явления внешнего мира	Абстрактные понятия внутреннего мира
Облако Пыль Листва Ветер Край Чаща Грот	Орфей Аквилон	Мир Ритм Смерть	Душа Имя «Я»

Группы абстрактных явлений внешнего и внутреннего мира построены по принципу параллелизма: мир–душа, ритм–имя, смерть–«я».

Эти пары существуют в стихотворении только во взаимосвязи и взаимоотталкивании (как диалектическое единство противоположностей).

Ритм имеет свое обозначение во всех группах. 1 – ветер, 2 – полностью, 4 – диалектическая пара. В 3 группе – аттракция. Причем именован только ритм. Тем самым становится очевидным, что ритм – ценностный центр стихотворения.

3.2. Прилагательные:

Все прилагательные означают признаки внешнего мира. Они делятся на две группы по характеру заключенной в них оценки:

– (поддельное)	+ (настоящее)
Бумажный Другой Лазоревый	Певучий Милый Мгновенный Морские

Прилагательные с семантикой поддельности характеризуют пространство, в котором находится герой. Прилагательные, не имеющие этой семантики, характеризуют ритм (и пространство, в котором он пребывает: морские (края)). Так противопоставляются по ложности / истинности герой и ритм.

3.3. Глаголы:

1 строфа – нет

2 строфа – подымет, зашумит, вернется (2 раза)

3 строфа – уйдешь, (леля) забыл

4 строфа – блуждал, открыл, придет.

1 строфа – настоящее, 2 – будущее, 3 – прошедшее, 4 – все три времени.

Композиция глаголов отражает противопоставление героя и ритма как временного (обремененного временем) – вневременному. Ветер перемещается во времени свободно. Герой – только по схеме: прошедшее–настоящее–будущее.

3.4 Причастия:

Неожиданный	Несозданный Ненужный Настоящий
-------------	--------------------------------------

На уровне причастий реальный ветер – ритм противопоставляется нереальному «я».

4.1. Фигуры:

1. хиазм в строках 7 и 8 подчеркивает альтернативы разрешения ситуации.
2. анафорически начинаются с союза «и» строки 2, 3, 7, 11, 14, 16. Все «и» присоединяют части сложного предложения, подчеркивают взаимосвязь явлений в пространстве стихотворения.
3. композиционное кольцо составляет риторические вопросы в 1–4 и 15–16 строках.
4. риторическое обращение в строке 9 подчеркивает ценностную иерархию стихотворения.

-
5. анафора во второй строфе: Он–он, – подчеркивает важность ветра.
  6. анафора я–я на стыке 3 и 4 строф – смещение акцента на героя. Она дополняется
  7. композиционным кольцом в строке 12 (я–я).

5.1. Идеи:

1. я живу в игрушечном мире, где все дано готовым и потому «я» неощутимо.
2. ветер – ритм напоминает мне о настоящем мире – достаточно, чтобы я создал что-то преодолевающее смерть.
3. душа певуча, но слов – мало.

5.2. Эмоции (на основе экспрессивной лексики и синтаксиса):

1. неразделенная любовь к творчеству, именованию (милый)
2. удивление своей биологичностью («Неужели я»)

6.1. Образы:

1. развернутая метафора ритм – ветер (морской).
2. эпитет бумажная (листва) придает двусмысленность образу ветра по контрасту с громким греческим именем в конце первой строфы. Ветер (извне, из настоящего мира) оценивается изнутри мира профанного, искусственного. Это проявление двухголосого слова в лирике. Ведь в эпитете «бумажный» совмещены два сознания: героя, живущего внутри игрушечного мира и автора, который видит все извне. И если предположить, что речь идет о создании стихотворения, а не аппликации, то бумажная листва содержит отсылку к материалу, на котором пишутся стихи.
3. этимология: Ты ушел в морские края (Аквилон)
4. картина в начале 4 строфы (6.1–2)
5. имена собственные употреблены в функции метафоры (6.1–2). Это наиболее обычная и свойственная именно Манделштаму невозможность именовать

предметы теми именами, которыми ему их именовать хотелось бы. Оригинальный, мандельштамовский тип двухголосого слова.

6. субстантивация личного местоимения в 12 строке.

6.2. Мотивы:

1. мотив трансформации игрушечного мира ветром – ритмом (подымет, зашумит)
2. мотив неполноты мира без ритма (уйдешь, забыл)
3. мотив невозможности восполнения мира (вернется)
4. мотив случайности (блуждая, открыл)
5. мотив ожидания смерти (придет).

Вывод. Тема: «Воспоминания о творчестве в моменты кризиса, когда поэт осознает себя в игрушечном мире».

Контраст между содержанием и изысканной формой подчеркивает последнюю.

<2>

М.Л. Гаспаров

Рецензия на работу П.Д. Заславского
«Закрытый анализ стихотворения О. Мандельштама
“Отчего душа так певуча...”»

Важные ошибки в тексте: ст. 10 нужно «Ты *уйдешь...*», ст. 12 «я забыл...» От этого очень меняется картина глагольности в 3.3. Ритмика: проще сказать «дольник» с такими-то тремя ритмич[ескими] формами. Разве сверхсхемное уд. в ст. 9 сильнее, чем в ст. 2 *так*, 3 *только*, 5, 8, 10 *он, ты*? И о какой «цезуре» говорится на с. 6? Мотива не повт[оримого] мгновения в 11, 16 я не вижу. Почему «аквилон, пыли, листвою» тема сомнения? Прилагательное «морские» тоже характеризует ритм? О причастиях проще ска-

---

зять: реальный ветер-ритм противопоставляется нереальному «я». В п. 4.1 объемы предложений по строфам: 1, 1,2; 4; 2,2; 2,1,1, т.е. разнообразнее и интереснее. Многозначие не означает умолчания, а означает только характер интонации: «умолчание» – это если что-то не названо, но ясно подразумевается, а что подразумевается на месте этих многозначий? Тире в ст. 1 нет, а в ст. 3 и 7, 10 оно имеет разный смысл и интонацию. Идею я бы сформулировал: «я живу в игрушечном мире, где все дано готовым и потому “я” неощутимо; только ветер ритма напоминает мне о настоящем мире – достаточно, чтобы я вспомнил о смерти, но слишком быстро, чтобы я создал что-то преодолевающее смерть. Душа певуча, но бессловесна» и т. д. С переходом к теме «Silentium'»а. Эмоций (и мотивов) вычитано, по-моему, слишком много: собственно, единственное эмоц[иональное] слово – «милый» и единственная несомненная эмоц[иональная] интонация «Неужели я...» 6.1.2: «Аквилон» назван не во II строфе, а в I-й; Вы уверены что «облако пыли» и пр. – с письменного стола? («Иронией» называется, когда говорится одно, а подразумевается противоположное «Отколе умная бредешь ты, голова?» об осле); Вы понимаете ее чересчур расширительно. В композиции подуровней я плохо разобрался, простите.

*Публикация П. Заславского,
вступительная заметка П. Нерлера.*

---

¹ См.: Гаспаров М. «Снова тучи надо мною...»: Методика анализа // Гаспаров М. О русской поэзии. СПб., 2001. С. 11–26.

ПУБЛИКАЦИИ И МАТЕРИАЛЫ
К БИОГРАФИИ
О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА

Публикации

Материалы к биографии
О.Э. Мандельштама

Современники

**Материалы к биографии
Н.Я. Мандельштам**

О.Э. Мандельштам

НАЧАЛО ПЕРЕВОДА СКАЗКИ Э.Т.А. ГОФМАНА
«ЗОЛОТОЙ ГОРШОК»

Большая часть мандельштамовских рукописей, так уж сложилось, находится в Принстоне. Сколь-либо значительных неизвестных или неидентифицированных оригинальных текстов в этом главном архиве поэта уже практически нет.

Процесс их публикации близок к завершению. Иногда он сопровождается казусами, и один из них – моя старинная (1999 г.) оплошность. Давая интервью корреспонденту «Радио Свобода» в Нью-Йорке, я поспешил приписать Мандельштаму обнаруженный мной в архиве небольшой прозаический отрывок, в действительности оказавшийся началом перевода «Золотого горшка» Гофмана (перевод, правда, мандельштамовский). Меня не отпугнула даже надпись И.М. Семенко «Старые переводы» на внутренней папочке с рукописями (я ее как бы отмел из-за свидетельства Н.Я. Мандельшам о том, что прозаические переводы в архиве не оставлялись – выбрасывались). Но главное на меня магически давила аура самой рукописи, точнее двух различных фрагментов, находившихся вместе (в папке № 30 из 1-й коробки архива). Интуитивно я датировал обе парижскими месяцами в 1907–1908 гг., настолько они совпадали с меланхолическим настроением самого поэта, в апреле 1908 г. сообщавшего В. Гиппиусу среди прочего, что он пишет «немного

стихов и прозы». Особенно «говорящей» была вторая рукопись, и я прочел бы в ее эфире, если бы она к тому времени была полностью расшифрована. В ней повествуется о волнующем автора событии – полученной им в подарок толстой тетради, соблазняющей его своей белизной к писательству. И сразу после как бы дневниковая запись, датированная, ни много ни мало, днем мандельштамовского рождения (в Париже, кстати, он встретил свое 17-летие).

«3 января 19.. – Уже три дня я отдаю большую часть своего времени необходимым похождениям. Наконец, я больше не в долгу перед ближними. Благодаря случайности, на которую я не жалею, я никого не застал дома. Тем не менее я с удовольствием пожал бы руку Жака де Бержа. Нелепая меланхолия, которой я предаюсь целых два месяца, заставляла меня пренебречь этим другом – а он очаровательный друг...»

После этого сомнений в происхождении фрагментов у меня, увы, уже не оставалось: передо мной, как я думал, что-то неслыханное и неожиданное – ранний осколок мандельштамовского дневника, эмбриональный период прозы! И даже замечание моего радиособеседника, – а не Гофман ли это? – не насторожило меня настолько, чтобы непременно проверить и эту «гипотезу». И вскоре выяснилось: действительно Гофман, начало «Золотого горшка», на русский в свое время переведенного Вл. Соловьевым!

Предлагая читателям альманаха «Сохрани мою речь» этот оставшийся малоизвестным мандельштамовский текст¹, я не только исправляю свою досадную ошибку. Перевод Мандельштама весьма интересен уже тем, что сделан иначе, чем соловьевский. Соловьев, пожалуй, ближе к подлиннику лексически (никакой «необузданной плебейской ярости» у Гофмана нет), но Мандельштам гораздо художественней: не впадая в искажения, он демонстрирует удивительную свободу и гибкость русского языка в передаче и стиля, и смысла гофмановской фразы. «*Ins Kristall bald dein Fall*» – насколько же соловьевское «попадешь под стекло!» пресно по сравнению с мандельштамовским «ни за грош пропадешь в хрустале!». И мне по-прежнему кажется, что,

берясь за это повествование, Мандельштам (тоже студент) произвольно примерял на себя костюм бедного Ансельма, его «серый фрак щучьего цвета»...

А вот как раз этот акмеистический эпитет, этой бесподобный «щучий цвет», – казалось бы, самое «мандельштамовское» в его переводе слово, – на поверку («ein hechtgraune Frack») оказалось всецело принадлежащим господину автору. Носить не переносить!

П. Нерлер

---

¹ В периодике он публиковался, но лишь однажды: *Нерлер П.* Принстонский архив Осипа Мандельштама. (III) // Русская мысль. 1999. 21–27 окт. С. 12.

НАЧАЛО СКАЗКИ Э.Т.А. ГОФМАНА
«ЗОЛОТОЙ ГОРШОК»
(в переводе О. Мандельштама)

Первая вигилия

В день Вознесенья в три часа пополудни в Дрездене, сквозь Черные Ворота, мчался молодой человек и так ловко врезался в корзину с яблоками и пирожками, товар безобразной старушонки, что все содержимое корзины, не успев обратиться в кашу, очутилось на мостовой, и уличные мальчишки весело набросились на добычу, доставленную им черезчур поспешным господином. На тревожное верещанье старухи кумушки побросали свои лотки с пирожками и апельсинной водой и, обступив молодого человека, принялись ругать его с такой необузданной плебейской яростью, что он, онемев от стыда и досады, сумел только

вытащить и протянуть старухе свой маленький, не слишком тугой кошелек, который она с жадностью подхватила и немедленно припрятала. Только что разомкнулось и сомкнулось кольцо любопытных, старуха кинула вслед улепетывающему молодому человеку: «Эй, беги, беги, чортово дитя, – ни за грош пропадешь в хрустале!» Лающий, хриплый голос старухи прозвучал так ужасно, что прохожие молча остановились и смешки, которые здесь и там раздавались, умолкли. Студент Ансельм (это был никто иной как он) внутренне содрогнулся. Хотя ничего не понял в диких словах женщины, он ускорил шаг, чтобы скрыться от любопытных взглядов. Пока он пробивал себе дорогу в разреженной сутолоке, со всех сторон до него доносилось бормотанье: «Бедный молодой человек, чтобы ей пусто было, проклятой!» Станным образом таинственные слова старухи дали комическому приключению какой-то трагический оборот, так что многие, ранее его совсем не замечавшие, теперь с участием за ним следили. Прекрасное лицо девушки, еще более выразительное от пламенной досады, и стройный стан готовы были простить ему и неловкость, и костюм, далеко выходящий из границ всякой моды. Его серый фрак щучьего цвета был так скроен, будто портной, работавший над ним, знал покрой современной одежды по накидкам, а бережно хранимые панталоны из черного атласа придавали целому в некотором роде магистерский стиль, с которым никак не вязалась ни выправка, ни походка. Когда молодой человек достиг конца аллеи, упирающейся в Линковския купальни, он еле переводил дух. Он вынужден был умерить шаг, но еще не осмеливался поднять глаз, так как всюду ему мерещились танцующие яблоки и пирожные, и в вежливой улыбке какой-нибудь девушки...

Тема «Мандельштам и Гофман» разработана гораздо хуже, чем она этого заслуживает. В ранних стихах, например в четверостишии «Сусальным золотом горят...», легко

можно обнаружить следы чтения произведений автора «Щелкунчика» и «Золотого горшка». Едва ли не единственным исключением является небольшая, но емкая заметка Р. Тименчика «Из комментариев к мандельштамовским текстам: Артур Яковлевич Гофман» // Осип Мандельштам. Поэтика и текстология. М., 1991. С. 65–68.

О. Лекманов

НЕИЗВЕСТНАЯ ВНУТРЕННЯЯ РЕЦЕНЗИЯ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА

Осипа Мандельштама и Рюрика Ивнева соединяли давние (с 1913 года) и прочные дружеские связи. Жизнь сводила их неоднократно и тесно, запечатлевшись в фотографиях, дарственных надписях на книгах и в воспоминаниях Ивнева.

Жанр публикуемого текста очевиден: внутренняя рецензия на предложенную издательству рукопись. Его датировка – задача более сложная: пока можно с уверенностью говорить о периоде между 1923 и 1930 гг. Что именно за рукопись рецензировал Мандельштам, еще предстоит выяснить, но что именно за новеллы писал Рюрик Ивнев, ясно и без того: стараниями Николая Петровича Леонтьева многие из них давно стали достоянием читателя. Ивневский архив, с которым он уже много лет работает, поистине бездонен, находки в нем не иссякают, так что дружеское приглашение заглянуть и атрибутировать почерк, которым записан публикуемый текст, наполнило меня надеждами, которые полностью оправдались. Почерк, безусловно, принадлежал Надежде Яковлевне, а подпись – самому Осипу Эмилевичу. Анализ и комментарий этой внутренней рецензии – также дело будущего: здесь ограничимся только одной мандельштамовской репликой. «Так нельзя писать о Савинкове», – это заступничество поэта возвращает нас

к его эсеровскому прошлому, но особенно – к парижской атмосфере 1907–1908 гг., когда Мандельштам чуть ли не гипнотически внимал Савинкову на собрании в память Гершуни.

П. Нерлер

Новеллы Ивнева принадлежат к наилегчайшему разговорному жанру, который сам по себе не плох. По-французски это называется «causerie»¹. Лирическое приятие Октября – основная тема Ивнева. В большом литературном замысле болтовня о революции могла бы стать на свое место, но не от авторского лица и не всерьез, как это делает Ивнев.

Ивнев между прочим говорит: «пролетарская революция это не шутка». Поразительна свежесть его восприятия, а именно то, что он до сих пор переживает это обстоятельство как некое открытие. Бессознательно Ивнев дает очень интересный социальный гротеск. Он отталкивается от определенного круга людей, для которых всякая действительность – нечто грязноватое, неприличное и опасное, очень зло иронизирует над этим кругом. У него определенное желание рассказать, как он очистился от этой брезгливости, примкнув к Октябрю. Плохо то, что приятие происходит без внутренней ломки, без трагедии, а потому неизбежно носит анекдотический характер. От Бориса Савинкова – через вольноопределяющихся – Ивнев строит ряд к щупанью горничных. Так нельзя писать о Савинкове.

...Матросы уверены в победе, и она хрустит у них на зубах, как сахар... Царские лакеи любовно склоняют имя Рюрик... (Может быть, это и смешно, но еще смешнее авторский резонанс явления)... О.Д. Каменева стришет почти канцелярскими ножницами... Какой-то субъект интересуется устройством уборных в Зимнем Дворце... Другой субъект спрашивает, «как это вы не сделали карьеру», – и опять-таки автор – при всей своей скромности, находит почему-то нужным это записать.

На митинге автор заявляет: будь Лев Толстой жив, он бы выступил за Октябрь... И это без всякой оговорки, даже без намека на то, что в горячую минуту был сказан вздор.

Автора как мемуариста не случайно беспокоит Коллонтай, ее шелковое платье, отношение к ней бульварной прессы.

...Знаменитый актер жадно ест ветчину: «жир свисал с ломтика хлеба, как маленькая вялая женская грудь без соска»...

То и дело мелькают лицеисты, похоть, глупость, гарсоны с золочеными пуговицами и т. д.

Для Ивнева характерно: «коврик со следами ног монарха лежит в писсуаре». Мы исторически не в состоянии думать, где лежит этот коврик, нам наплевать на это. Имеются чисто календарные раздумья о превратности судеб: «в 11 году в Тифлисе играли в теннис на даче у Юденича, а теперь вот куда всех занесло».

Новелла о Ленине: лимон электрического света, позолота, красный бархат, манжета анархиста, люстра, гора бутербродов. О самом Ленине: я заметил, что он немного картавит. И одна единственная живая черточка: замыкающий жест, которым Ленин сопроводил требование о закрытии буржуазных газет.

Повторяю: мемуары автора могут быть использованы или им самим, или кем-нибудь другим лишь как прием гротескной характеристики в объективной литературной вещи. Книга – ненужное саморазоблачение, тем более, что автор как советский поэт далеко ушел от своих мемуаров.

О. Мандельштам

Публикация Н.П. Леонтьева.

---

¹ «Непринужденный разговор». – Р е д.

ПИСЬМО О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА
А.Б. ХАЛАТОВУ
ОТ 1 СЕНТЯБРЯ 1927 г.

В четвертом томе Собрания сочинений Осипа Мандельштама по машинописи из Принстонского архива О. Мандельштама – впервые (под № 119) – было напечатано следующее письмо поэта к председателю правления Госиздата Артемию Багратовичу Халатову (1896–1938)¹.

Уважаемый товарищ Халатов.

Сообщаю Вам по предложению В.И. Нарбута краткие сведения о прохождении моей книги в Госиздате.

В январе текущего года книга моя была включена Ленотгизом в годовой план, получивший формальное утверждение Москвы. Понадобилось утверждение в квартальном плане: в первом квартале Московский редплан вынес постановление: «ввиду возражений со стороны торгового сектора перенести вопрос, согласно предложения Ленотгиза, на президиум». Это постановление, состоявшееся с участием т. Бескина, было зафиксировано протоколом № 69.

Ленотгиз настаивал на печатании книги. Главный редактор Ленотгиза тов. Горохов дважды писал в Москву – т.т. Бескину и Янсону, приводя в пользу книги доводы литературно-принципиального характера и всячески предлагая ускорить рассмотрение вопроса в президиуме.

Наконец, только в июне месяце вопрос был поставлен на повестку президиума редплана и получил отрицательное разрешение – по отводу торгового сектора.

Тов. Горохов на днях говорил мне – и не откажется Вам подтвердить, что Ленотгиз не меняет своей положительной позиции по отношению к моей книге и не разделяет опасений торгового сектора в Москве.

Дополнительные сведения я могу Вам дать в личной беседе.

Письмо (в оригинале – неподписанная и недатированная автором машинопись) было продатировано «ножницами» июль–август 1927 г., хотя то обстоятельство, что Халатов приступил к своим обязанностям в Госиздате² 15 июля 1927 г., могло бы, по меньшей мере, на две недели заузить «ножницы».

Как выясняется, опубликованный текст являет собой не что иное, как черновик письма. Само же письмо – авторизованная и датированная автором машинопись – обнаружено в архиве Н.И. Харджиева в Амстердаме³. Вот его текст:

Уважаемый тов[арищ] Халатов!

Сообщаю Вам, как Вы мне предложили через В.И. НАРБУТА – краткие сведения о прохождении моей книги в Госиздате.

В середине февраля этого года художественный отдел Ленотгиза предложил мне издать однотомное собрание моих стихов – около 3000 строк, со включением новых вещей.

Вслед за тем был получен из Москвы – к началу марта редакционный план, утверждающий эту книгу и составлен на нее предположительный договор. Однако редактор Ленотгиза пожелал получить вторичную визу из Москвы, и на этот раз в апреле месяце, Московский редплан отклонил книгу по возражениям⁴ торгового сектора. Представитель [сектора] русской литературы тов. Бескин в этом решении участия не принимал и сообщил мне, что с ним не солидаризируется. Далее, Ленотгиз настоял на перенесении вопроса в Президиум редплана. Главный редактор

Ленотгиза тов. Горохов дважды писал в Москву – кажется т.т. Бескину и Янсону, приводя в пользу книги доводы принципиально-литературного характера. Рассмотрение вопроса, несмотря на все напоминания, состоялось только в июне месяце, причем – президиум редплана вновь отклонил книгу по настоянию тех же торговых представителей.

Сообщив мне об этом постановлении, которое для Ленотгиза явилось неожиданностью, т. Горохов уполномочил меня Вам передать, что Ленотгиз не только настаивает на издании книги по литературным соображениям, но и не разделяет опасений торгового сектора.

Дополнительные сведения я мог бы Вам дать при личном свидании, если Вы найдете возможность меня принять.

1/IX/27

О.Э. Мандельштам

По сравнению с черновиком окончательная редакция письма не содержит принципиальных или хотя бы существенных отличий, за исключением приводимых в письме некоторых дат, а также твердой даты самого письма.

Однако установление основного текста и знание его точной даты порождают новые вопросы. В частности, а было ли письмо отправлено или передано адресату? И почему в нем даже не упомянут договор между Осипом Мандельштамом и Ленотгизом на издание «Стихотворений», заключенный 18 августа 1927 г., т. е. всего за две недели до обращения поэта к чиновнику? Не потому ли, что для Москвы провинциальный ленинградский договор решающего значения иметь не мог?..

Как бы то ни было, но «Сихотворения» все же увидели свет, хотя и нескоро – только в мае 1928 г.

*Публикация и сопроводительный текст
П. Нерлера*

- ¹ Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 95–96. № 119.
- ² В письме упоминаются и другие сотрудники Госиздата – О.М. Бескин, Л.Б. Горохов (главный редактор Ленотгиза) и Янсон. В.И. Нарбут – в 1910-е годы соратник Мандельштама по акмеизму – в 1927 г. возглавлял крупное издательство «Земля и фабрика» и поддерживал с Мандельштамом дружеские отношения.
- ³ Городской музей Амстердама. Архив Н.И. Харджиева и Л.В. Чаги. Д. 155.
- ⁴ Исправлено карандашом. Ранее стояло: «соображениям».

«БРАТ т. НАЗАРОВА» –
НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРОЗАИЧЕСКИЙ НАБРОСОК
ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

В Архиве Мандельштама в Принстоне находится следующее письмо Бориса Яковлевича Бухштаба Надежде Яковлевне Мандельштам:

«Ленинград, 20 янв. [19]68.

Дорогая Надежда Яковлевна!

Узнать, какие рукописи О.Э. имеются в Пушкинском Доме – дело нехитрое, и это я узнал. Там, в собрании П.Е. Щеголева автографы: 1) “В белом раю лежит богатырь...”, 2. “К энциклике папы Бенедикта XV”. 3. “Polacy”. В архиве М.В. Аверьянова: 1. “Истончается тонкий тлен...”; 2. “На бледно-голубой эмали...”. 3. “Я вздрагиваю от холода...”. 4. “Мы напряженного молчанья не выносим...”. 5. “Второй футбол (“Рассеян утренник тяжелый...”). 6. “Заснула чернь. Зияет площадь аркой...”. 7. “Ода Бетховену”. 8. Автопортрет (“В подняты головы крылатый...”). 9. “Морожено. Солнце. Воздушный бисквит...”. 10. Письмо М.В. Аверьянову, 29 мая 1914 г. В архиве В.В. Гиппиуса письмо к нему 1908 г. В отдельных поступлениях есть автографы “Возьми на радость из моих ладоней...” и “Брат т. Назарова” (набросок рассказа).

Но как выполнить второе ваше поручение – я не знаю. Мне сказали, что архив Лозинского никуда не посту-

пил, а хранится у его наследников. Я с ними не знаком, и у меня нет оснований, не называя Вас, обращаться к ним с такой просьбой. Быть может, это было бы удобно Лидии Яковлевне как автору статьи о Мандельштаме. Но я ей, конечно, ничего о Вашем письме не говорил.

Рад буду повидаться с Вами, если буду в Москве или Вы все-таки выберетесь в Ленинград.

Жена благодарит за привет “*unbekannter Weise*”¹ и надеется познакомиться, наконец, с Вами. Ваш Б. Бухштаб»².

Письмо это, фиксируя начало работы Н.Я. Мандельштам над гипотетическим собственным изданием Мандельштама, одновременно свидетельствует об окончательном разрыве отношений с Н.И. Харджиевым, с которым у нее обозначились острые противоречия не только по вопросу об архиве поэта, но и непримиримые текстологические расхождения.

Но нас здесь интересует другое – упоминание некоего прозаического наброска Мандельштама «Брат т. Назарова». Оно не может не заинтриговать, учитывая то обстоятельство, что ни в одном из многочисленных изданий Мандельштама последних 15 лет проза под таким названием не выходила!

И это при том, что поиск его, как справедливо заметил Бухштаб, дело нехитрое: единица хранения под таким названием расписана в каталоге ИРЛИ (Ф. Р I. Оп. 17. № 314) и лежит буквально на поверхности. Она поступила в архив в 1945 г. В 1968 году с ней знакомились Б.Я. Бухштаб и А.А. Морозов, а для Бухштаба ее 10 мая даже сфотографировали.

Представляет она из себя автограф карандашом на 10 листках в линейку, вырванных из небольшого блокнота, с двумя пагинациями – в левом углу (черной тушью и в кружочке) и в правом углу (зелеными чернилами с точкой после цифры). При этом на обороте одного из листков (л. 4 об.) встречаем записанные рукой Надежды Яковлевны эпитеты: «изложисто-угольный» и «нечаянно-раздоль-

ный», каковые безошибочно можно отнести к работе поэта над стихотворением «Мир начинался, страшен и велик...», датируемым апрелем–маем 1935 г.

Происхождение этого наброска несколько загадочно. Известно, что в Пушкинский Дом он поступил в 1945 г., но от кого и при каких обстоятельствах – неизвестно. Можно, однако, предположить, что он является осколком того самого архива, который Мандельштамы в Воронеже доверили С.Б. Рудакову и основная масса которого канула в Лету (кое-что, правда, осело у коллекционера М.С. Лесмана). Двойная пагинация – дополнительный аргумент в пользу этой догадки: аккуратист Рудаков обожал черную тушь, и первая из пагинаций сделана, по всей видимости, именно им.

Не менее затруднительна и верификация текста «Брат т. Назарова». Причем дело вовсе не в трудности прочтения текста – автограф хотя и трудный, но все-таки читаемый. Труднее всего датировать рукопись, а главное – определить ее место в континууме мандельштамовского творчества.

Описываемое в наброске место хорошо узнаваемо: это Воронежский междугородный телефонный узел, размещавшийся в помещении бывшей женской гимназии на ул. 27 февраля. Начиная с октября 1936 г., Мандельштамы жили буквально напротив этого места, через дорогу (это был их последний воронежский адрес). Но основанием для датировки это не является: Мандельштам был завсегдаатем этого учреждения и бегал звонить в Москву достаточно часто на протяжении всей своей воронежской трехлетки.

Твердый ориентир для датировки – 18 мая 1935 г. – дата гибели агитационного самолета «Максим Горький». Ранее этого срока набросок написан быть не мог. Более того, скорее всего он был написан по самым «свежим следам» эпизода, случайно увиденного и услышанного поэтом на телефонном узле. Тогда набросок следовало бы датировать 20-ми числами мая 1935 г.

Против этой датировки – разве что то обстоятельство, что на гибель «Максима Горького» Ман-

дельштам отозвался стихами («Не мучнистой бабочкою белой...»), а одновременная работа над стихами и прозой (даже малой) почти никогда не удавалась поэту. Прозу – рецензии для «Подъема», радиопередачи для Радиокomiteта, очерки для «Коммуны» – Мандельштам писал после того, как «расправился» со стихами, составившими «Первую воронежскую тетрадь», т. е. летом 1935 г. Тянет ли публикуемый набросок на то, чтобы отнести его в разряд мандельштамовской прозы – вопрос открытый.

В 20-х числах июля Мандельштам съездил в Воробьевский район в творческую командировку от «Коммуны» – писать очерк о совхозном строительстве, и это – ориентир для самой поздней датировки «Брата т. Назарова», ибо после той поездки – см. ниже – ни о каких очерках Мандельштам уже думать не мог. Так что данный набросок был написан заведомо в пределах двухмесячного интервала времени, начиная с 20-х чисел мая.

Очерк о совхозном строительстве вчерне был написан уже 1 августа и тогда же показан в редакции, где был принят в штыки: не то! не годится! плохо! Реакция газеты, как и реакция самого Мандельштама – известны нам в передаче С.Б. Рудакова: «Я опять стою у этого распутия. Меня не принимает советская действительность. Еще хорошо, что не гонят сейчас. Но делать то, что мне тут дают – не могу. Я не могу так: “посмотрел и увидел”. Нельзя, как бык на корову, уставиться и писать. Я всю жизнь с этим боролся. Я не могу описывать, описывать Господь Бог может или судебный пристав. Я не писатель. Я не могу так. Зачем это ездить в Воробьевку, чтобы описывать, почему это радиус зрения начинается за одиннадцать часов ползучки от Воронежа. Из Москвы наши бытовые писатели ездят за материалом в Самарканд, а Москвы не могут увидеть. Эти “понятники” меня с ума сведут, сделают себе же непонятным. Я трижды наблудил: написал подхалимские стихи (это о летчиках), которые бодрые, мутные и пустые. Это ода без достаточного повода к тому. “Ах! Ах!” – и только: написал рецензии – под давлением и на нелепые темы,

и написал (это о вариантной рецензии) очерк. Я гадок себе. Во мне поднимается все мерзкое из глубины души... Я написал горсточку настоящих стихов и из-за приспособленчества сорвал голос на последнем. Это начало опять большой пустоты»³.

Что ж, и набросок очерка о брате т. Назарова не отнесешь к творческим удачам поэта. Хотя мандельштамовское перо в публикуемом очерке временами и вполне узнаваемо – достаточно указать на уподобление телефонного разговора «сыплющимся стружкам».

Все эти обстоятельства, по-видимому, и привели к тому, что текст Мандельштама, известный исследователям уже около 40 лет, так долго дождался своей публикации и введения в научный оборот.

Текст наброска, подготовленный к публикации С. Василенко, дается как окончательный, отброшенные автором варианты опущены (за исключением одного, уточняющего датировку).

Осип Мандельштам

БРАТ т. НАЗАРОВА

Первый час ночи. На междугородной телефонной станции ждет один только человек. Его разговор с Москвой – последний. Собственно, два разговора: один обыкновенный, частный, и один деловой. Человек устал. Он дремлет, как на вокзале. Он спит и слушает, грузный, в военном френче и в черном пальто.

– Номер такой-то, в пятую будку.

– Тося! Ну как? Как Александр? Он был там? У него налаживается? Вот это хорошо.

И дальше сыплются обычные стружки телефонного разговора. Коротенькие поддакивания. Семейное и командировочное.

– А? С ним я буду сейчас говорить. У меня заказано...

И вдруг:

– Что, Тося? Авария? А Коля? Разбился? Погиб?

И несколько раз он переспрашивает: «Так погиб до смерти?»

– Ну передай там соболезнование.

И странное певуче «ай-яй, ай-яй», какое-то слишком упорное и протяжное. Выходит из будки.

– Вы это что же, дайте быстро.

Сразу давайте следующий номер. Командировочный раскраснелся. Он твердо входит в будку. Он говорит так долго, что телефонистка вынуждена объяснить старшей: «Я продлила – служебный». Каждое слово раскатывается в пустой комнате.

<Часть рукописи утрачена – *Публ.*> вагоны и про всё другое⁴. Он мастерски проводит нужный разговор: с нажимом, с подчеркиваниями, со всеми оттенками деловой тревоги, с порывом, с интересом к ускользящей от непосвященного теме.

Еще два слова о брате перед выходом на улицу.

Я снимаю шапку и низко кланяюсь командировочному.

Что ж тут особенного? Ничего. Только вот что: мы живем в стране, где работа сильнее смерти, где дикая случайность, стихия, катастрофа – не властны поколебать великой тяги к будущему, охватившей всех нас, где гибель драгоценного близкого человека на славном посту рождает гордое и мужественное горе, где нормой является самозабвение и великолепная героическая выдержка – самая будничная вещь.

Наша социалистическая страна – первый друг и утешитель в личном горе для своих верных сынов.

Низкий поклон тов. Назарову из Наркомвнуторга от меня и телефонистки, на которую он накричал в ту ночь.

Мы были свидетелями подлинного величия.

Публикация С. Василенко и П. Нерлера.

Подготовка текста С. Василенко.

Вступительная заметка П. Нерлера

---

¹ Неизвестным образом (*нем.*).

² Princeton University Library. Department of Rare Books and Special Collections. Manuscripts Division. Osip Mandelstam Papers. Collection o539. Box 1. Folder 38. Машинопись. (Личность Б.Я. Бухштаба в описании не идентифицирована.)

³ Из письма С.Б. Рудакова Л.С. Финкельштейн за 2.8.1935. См.: О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) / Вступ. ст. Е.А. Тоддеса и А.Г. Меца; Публ. и подг. текста Л.Н. Ивановой и А.Г. Меца; Комментар. А.Г. Меца, Е.А. Тоддеса, О.А. Лекманова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома. 1993. Материалы о Мандельштаме / Отв. ред. Т.С. Царькова. СПб., 1997. С. 80.

⁴ Далее следовало: «"Максима Горького" приберег к концу: два слова». – *Публ.*

С. Гардзонио

ЕЩЕ О МАНДЕЛЬШТАМОВСКИХ ПЕРЕВОДАХ
«НЕАПОЛИТАНСКИХ ПЕСЕНОК»

*Светлой памяти
Михаила Леоновича Гаспарова*

2 января 2002 г. М.Л. Гаспаров послал мне следующую записку:

«Дорогой Стефано,

В Анн Арборе я перечитал Вашу статью о мандельштамовских “Неаполитанских песенках”¹, которую в первый раз читал лишь очень бегло, и подумал, что Вам могут быть интересны черновики этих его переводов: насколько они подтверждают обычную последовательность его работы “от большей точности к большей вольности”? Они – в принстонском архиве, Со 539, в. 4, f. 15, карандашные записи рукой Н.Я. М.; “Нина из Сорренто” – машинопись с карандашной правкой. Запись вариантов я старался делать, как в академическом Пушкине. Нумерация строк по московскому 4-томнику, т. 3, 1994 (в однотомнике 1992 четыре строки пропущены). Четвертая песня, незаконченная, кажется, не печаталась – не знаю почему. Если Вы будете перепечатывать Вашу статью, то, может быть, воспользуетесь этим материалом: черновики Мандельштама сохранилось так мало, что жалко оставлять их без внимания...»

К записке приложены черновые варианты мандельштамовских переводов: 1. «Правлю я с честью...», 2. «Нина из Сорренто», 3. «Канателла», 4. Четвертая песня, запись рукой Н.Я. М. – «Скорей к окну, красавица...».

Три первые песни напечатаны впервые в «Вестнике Русского Христианского Движения» в 1975 г.² Как известно, редакторы четвертого дополнительного тома Собрания сочинений Мандельштама (Париж, 1981), Н. Струве и Б. Филиппов, разыскали неаполитанские оригиналы переводов: «La Marenapella», музыка Дж. Торренте, «La vera sorrentina» и «Cannetella», – и считают, что, вероятно, Мандельштам пользовался сборником «150 celebri canzoni popolari napolitane per canto e pianoforte colla traduzione italiana. Raccolte dal Maestro Vincenzo de Meglio». Точнее, наверное, под данным названием подразумевается трехтомный сборник, собранный композитором Винченцо Де Мельио (1825–1883) «Eco di Napoli. Raccolta di canzoni popolari napoletane di autori vari», многократно переиздававшийся в Милане знаменитым музыкальным издательством «Ricordi» иногда как «Eco di Napoli. 100 Celebri canzoni popolari napolitane per canto e pianoforte con la traduzione italiana»³.

Что касается четвертой, неизданной песенки, то она является переводом-переделкой песни «La serenata» [Серенада] (музыка Лучиано Бискарди), текст и ноты которой можно тоже найти в вышеуказанном издании Винченцо Де Мельио.

Анализ переводов действительно подтверждает «обычную последовательность работы Мандельштама “от большей точности к большей вольности”». Далее в приложениях приводятся уже опубликованные тексты песен (Приложение 1) и все черновые варианты, предоставленные М.Л. Гаспаровым (Приложение 2), а кроме того – в качестве иллюстрации – и тексты неаполитанских оригиналов⁴ с нотами.

ECO DI NAPOLI

100

CELEBRI CANZONI

Popolari Napolitane

PER CANTO E PIANOFORTE

colla traduzione italiana

TRADUZIONE DEL MUSEO

VINCENZO DE MEGLIO

VOLUME I. — 50 CANZONI.
44980 Prezzo netto (A) Fr. 3 —

VOLUME II. — 50 CANZONI.
45980 Prezzo netto (A) Fr. 3 —

Proprietà degli Editori per tutti i paesi — Deposito e norma dei diritti internazionali.
Tutti i diritti di esecuzione, riproduzione, traduzione o trasmissione sono riservati.

R. STABILIMENTO TIPO DI CIO RICORDI E FRANCESCO LACCA

di
G. RICORDI & C.

EDITORI-STAMPATORI

MILANO — ROMA — NAPOLI — PALERMO — PARIGI — LONDRA

(PRINTED IN ITALY)

CANNETELLA

CANTO

santito

Non me fa la nsempe_cella Canne-
 Non mi far la sem_gli_cetta, giovi-

AND.^{te} AFFETTUOSO

p

con significato

- tel_la oje Canne - tò! Canne_tel_la Canne..tè! daje an-
 - net_fa, sem - ti a me? giovi - net_fa, senti a me! dai tua-

- dien_zia a sto scha_fien_zia, sciù che sta sem_pe attur_no a te! Canne-
 - scol - to ad o_gni stol - to, che vien sempre ator_no a te! Canne-

Р 44980 = 45168 Р

8

poco stent.

- tella oje Canne - tel - la, Can - ne - tel - la Canne - tò!
 - tel - la oh! Canne - tel - la, Can - ne - tel - la, ascolta me!

col canto *in tempo*

D.C.

1^a
 A mme tocca fa zimeo,
 Ma chiafeo - nò, non nce sò; (bis)
 So cecato - so stonato,
 Ca la sciorite accussi bò.
 Cannetella, oje Cannetella,
 Cannetella, Cannete.

3^a
 No fracasso si nce faccio,
 Che nne caccio - dice tu? (bis)
 Ma mme sboto - me revoto,
 Quanno pò non pozzo cehiù.
 Cannetella, oje Cannetella,
 Cannetella, Cannetò.

4^a
 Conchiudimmo, gioja mia,
 O songh'io - o è chillo là. (bis)
 Se nun sciglie - a chi te piglie,
 Quanto sango scorrarrà!
 Cannetella, oje Cannetella,
 Cannetella, Cannetò.

TRADUZIONE ITALIANA

2^a
 A me spetta a far lo sciocco,
 Ma un allocco - to non son, no! (bis)
 Non ci vedo - non m'arvedo,
 Chè il destin mi danna a ciò!
 Cannetella, oh! Cannetella,
 Cannetella, ascolta a me!

3^a
 Un fracasso se qui faccio,
 Che ci caccio - dici tu? (bis)
 Ma mi svolto - mi rivolto,
 Quando poi non posso più!
 Cannetella, oh! Cannetella,
 Cannetella, ascolta a me!

4^a
 Conchiudiamo, idolo mio,
 O son io - o quello là! (bis)
 Un partito - sia seguito,
 O gran sangue scorrerà!
 Cannetella, oh Cannetella,
 Cannetella, ascolta a me!

Приложение 1

НЕАПОЛИТАНСКИЕ ПЕСЕНКИ

I

Правлю я с честью
Трудное дело,
Вольно и смело
Дышит рыбак.

Невода петли
Крепко связала,
Заколдовала
Жажда любви.

Радуги арка
Ярко зажглась,
Милой в подарок
Рыба нашлась.

Ах, как увертлива
Нелла-рыбачка,
Неуловима
Нелла-волна.

II

На поворотах
Лодка послушна,
Твердо направлен
Легкий разбег.

Хочешь на веслах,
Хочешь под парус,
Неукротимый
Плавает челн.

В омуте синем
Розовый бал,
Лишь бы почина
Я не проспал.

Ах, как увертлива
Нелла-рыбачка,
Неуловима
Нелла-волна.

III

Плавится в небе
Медленный полдень,
В солнечных стрелах
Искрится зыбь.

Вечером весла
Тяжесть теряют,
Дремлет Кийяя,
Спит Позилипп.

Падают звезды,
Море шумит,
Весь чешуюю
Невод кипит.

Ах, как увертлива
Нелла-рыбачка,
Неуловима
Нелла-волна.

IV

Я снаряжаю
длинную лесу
Хитрой приманкой,
Цепким крючком.

Рыбы глотают
Воздух подводный,
Жабрами дышат,
Бьют плавники.

И просияет
Бедный рыбак.
Чудо! Удача!
Рыба-судьба!

Ах, как увертлива
Нелла-рыбачка,
Неуловима
Нелла-волна.

V

Я пробегаю
Взморья лазорье,
Якорь кидаю
В темной воде.

Море синее
Неба в апреле,
Нежной макрели
Нету нигде.

Трудно рыбачить, –
Сердце, не плачь,
Близится время
Новых удач.

Ах, как увертлива
Нелла-рыбачка,
Неуловима
Нелла-волна.

НИНА ИЗ СОРРЕНТО

1

На гулянье в Пьедигротта
Посмотреть она решилась.
Ты явилась в лучшем платье,
Мое счастье и проклятье.
Как послушна маме дочка –
Вся в оборочках, в кружочках.
Из Сорренто эта лента,
Эти черные глаза.
– Здравствуй, Нина из Сорренто, –
Повторяют голоса.

2

Закатился свет удачи,
Крови нет в моем загаре.
Спотыкаюсь, как незрячий,
Не играю на гитаре.
Нет, не ветер, сердца ярость
Раздувает скромный парус.
Не берет меня пучина –
Солоней слеза моя.
А в Сорренто злая Нина
Ускользает от меня.

3

А когда залив спокоен,
Я боюсь его прогневать:
Под затишье роковое
Я с кормы гляжу на невод.
И в прозрачности зеленой,
И в пучине разъяренной –
Черных кружев паутина,
Лента красная плывет.
А в Сорренто злая Нина
Не узнает, не поймет.

4

В пестрой ракушке улитка
Равнодушна поневоле.
Глухи розовые уши.
Не дождусь счастливой доли.
Закружился мрак воздушный,
Гонит тучи ветер южный.
Содрогаются пучина,
Опрокинулась ладья.
А в Сорренто злая Нина
Уверяет: я ничья.

КАНАТЕЛЛА

1

Умоляю, Канателла,
Чернобровая, будь скромней!
Мне смертельно надоела
Толчея молодых людей.
Чернобровая, будь скромней!
Канателла, будь смирей!

2

Веер карт различной масти –
Вереница разных лиц.
Нет спасенья от напасти:
Слишком много в клетке птиц.
Чернобровая, будь скромней!
Канателла, будь смирей!

3

Ты притопнешь, вскинешь бровью:
Что случилось? Пустяки!
Я терпенье длил воловье,
Ревность сжала мне виски.
Чернобровая, будь скромней!
Канателла, будь смирей!

4

Сговоримся, друг мятежный,
Жемчуг мой, мой острый нож:
Отточь свой выбор нежный –
Иль на кровь меня толкнешь.
Чернобровая, будь скромней!
Канателла, будь смирей!

Приложение 2

Черновые варианты
«Неаполитанских песенок»

«ПРАВЛЮ Я С ЧЕСТЬЮ...»

I	8а.	Радость, любовь	
	9а.	Блещут чешуйки	
	9б.	Бьется, трепещет	
	10 а.	Рыба в сетях	
	11а.	Нелла смеется	
	11б.	Сердцу в по<дарок>	
	11в.	Милой в подарок	
	11г.	Рыба-дикарка	
	11д.	Рыба в подарок	
	12	Рыба нашлась	
	12а.	В сети нашлась	
	12б.	Милой нашлась	
	15–16 а.	Ей наслажденье	Мучить меня
	15–16 б.	Что ей за радость	Мучить меня
15–16 в.	Холод и ласка	<Мучат меня>	
II	7–8 а.	С солнцем и бурей	Дружен челнок
III	1–8 а.	С раннего детства Солью пропитан Зной обжигает Вижу глубоко	Морем воспитан Я рыболов Смуглые щеки Вижу до дна
	1–2 б.	К морю приучен	Бурей воспитан
	1–2 в.	В море открытом	Бурей воспитан
	3–8 б.	Путь мой стрела В знойные полдни В лунных < – >	Соль и смола В солнечных стрелах Я < – >
	5б–8 в.	Если б скорее На Равелло ⁵	Вечер спустился На Позилипп

IV	3 а.	С хитрой приманкой	
	9–12 а.	И наконец-то Долго на месте	Клонет одна Пляшет волна
V	9–12 б.	Удочку сжали И заиграло	Крепкие пальцы Сердце страдальца
	9–10 в.	И просияло	Бедное сердце
	5–8 а.	Нет ли кефали Не попадется ль	Нет ли [форел] макрели В сеть скумбрия

НИНА ИЗ СОРРЕНТО

I	3–4 а.	В черно-красном, с галунами В лучшем платье появилась	
	4 б.	Всех милее нарядилась	
II	1 а.	Где звезда моей удачи	
	б.	Сорвалась звезда удачи	
	10 а.	Говорит: при чем здесь я	
	б.	Ускользает как змея	
IV	5–8 а.	Горе мне: не видно суши С маяка звонят все глуше Закружилась вся равнина Опрокинулась ладья	
	7–8 б.	Свет погаснет, солнце сгинет, Опрокинется ладья	
	10 а.	Говорит: при чем здесь я б.	
	б.	Равнодушна – смерть моя	
	в.	Восклицает: я ничья!	
	г.	Не скучает без меня	

КАНАТЕЛЛА

IV	а.	Перестань терзать мне сердце [Двадцать лет уже не детство] Брось кривляться брось вертеться В толчее молодых людей
----	----	---

- б. Шутки плохи – мы не дети
Я не олух и не трус
Многих удержишь на примете –
в. Что такое? Нет покоя

(ЧЕТВЕРТАЯ ПЕСНЯ, ЗАПИСЬ РУКОЙ Н.Я. М.)

1. [Явись скорей] Скорей к окну, красавица,
Явись [к окну] в окне скорее
От страсти струны плаваются
И голос мой звучнее
Ты целый год мне нравишься
Чем дальше, тем сильнее
2. Кружились тучей ласточек
Любовные записки
Любви горячей весточки
К награде [рвались] мчались близкой
[Но все] Лежат они разорваны
Растоптаны в пыли
- [4] 3. Взгляни на щеки впалые
На томный мой румянец
Я таю как чахоточный
Качаюсь хуже пьяниц
Брожу печальным призраком
По милости твоей
- [3] 4. Боюсь своей гитары я
Боюсь тебя, овечка
Боюсь жестокой кары я
За лишнее словечко
Боюсь тебя прогневать я
И промолчать боюсь
5. [К чему тебе красавица
Карета и червонцы?
Ведь нам обоим нравятся
Цветы, вино и солнце

А деньги домик карточный
И замок на песке
Мечты безумной матери
Цветы чертополоха
Старуха мать с ума сошла
[Китайским тешит облачком
< – > пройдоха]
Осел гремит копытами
А бегаёт он плохо]

-
- ¹ Имеется в виду статья: *Гардзонио С.* О переводных «Неаполитанских песенках» О.Э. Мандельштама // Поэзия и живопись. Сборник трудов в память Н.И. Харджиева. М., 2000. С. 651–655.
- ² *Мандельштам О.* Неаполитанские песенки // Вестник Русского Христианского Движения. 1975. 115, I. С. 183–187.
- ³ То, что у Н. Струве и Б. Филиппова название сборника передано как «150 celebri canzoni popolari napoletane...», а не как «100 celebri canzoni popolari napoletane...», – можно объяснить тем, что часто сборник издавался в двух томах и первый носил подзаголовок «Vol. 1(50) celebri canzoni popolari napoletane...». Однако, учитывая многократные переиздания сборника, не исключено, что существует и вариант «150 celebri canzoni popolari napoletane...». Просто мне не удалось пока его разыскать.
- ⁴ Статья с черновыми вариантами, предоставленными мне М.Л. Гаспаровым, вошла в состав сборника: *Гардзонио С.* Статьи по русской поэзии и культуре XX века. М., 2006.
- ⁵ В данном варианте Мандельштам выбирал другой топоним, Равелло, знаменитая местность в провинции Салерно. В рукописи – *Рацелло*: явная описка.

ДВА ПИСЬМА О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА Б.С. КУЗИНУ

В 1987 г. Михаил Давыдов и Александр Огурцов опубликовали два письма Мандельштама Борису Кузину – от 26 февраля и от 10 марта 1938 г.¹. Под № 242 и 244 они вошли в состав корпуса писем поэта, опубликованного в 1997 г.². Выход в 1999 г. книги с перепиской Б.С. Кузина и Н.Я. Мандельштам прояснил, что «короткое» письмо от 26 февраля 1938 в действительности было лишь припиской О.Э. Мандельштама на письме Н.Я. Мандельштам к Б.С. Кузину (аналогичная приписка поэта имела также и на письме его жены от 21 января 1938 г.), а «длинное» письмо было отправлено на пару – в одном конверте с еще более длинным письмом Н.Я. Мандельштам³, Книга 1999 г. устраняла и текстологические неточности предыдущих публикаций.

Сама книга опиралась, казалось бы, на исчерпывающие источники – два семейных архива Б.С. Кузина, со временем сосредоточившиеся в рукописных фондах Российской национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, а также на документы из семейного архива О.Э. Мандельштама в Принстоне. Однако знакомство с амстердамским архивом Н.И. Харджиева позволило несколько пополнить этот внушительный корпус.

Обнаружившиеся в нем автографы двух писем О.Э. Мандельштама Б.С. Кузину 1937 г. хорошо дополняют

общую картину тройственной переписки поэта, его жены и его и ее друга. Более того, они еще более утверждают своеобразную эпистолярную манеру четы Мандельштамов – писать Кузину отдельные письма, вкладывая их в общий конверт. Так, первые два письма Надежды Яковлевны в корпусе ее писем Б.С. Кузину, датированные 6 и 17 ноября 1937 г., обрели себе «напарников» в письмах самого Осипа Эмильевича за те же даты (причем точное определение даты второго из писем поэта стало возможным только благодаря дате письма-напарника). Не вполне точное авторское написание (Тарусса, нет-ли, Сезан) сохраняется.

<1>

6 ноября 1937 г., Калинин

6 ноября 37.

Калинин. Гостиница Селигер⁴

Дорогой Борис Сергеевич!

С большой радостью отвечаю на ваше письмо. Мы давно, все время, ждали услышать ваш голос, хоть что-нибудь узнать о вас. Это первое достоверное сведение.

В мае я вернулся из Воронежа в Москву, а затем мы поселились на верхней Волге, в Савелово. Письмо ваше получили в Москве, проездом в Калинин, где, может быть, останемся. Если нет – то в Таруссу, на Оке⁵. Вот несложная топография. Жизнь гораздо сложнее.

Много было трудностей, болезней, работы. Хорошего было больше, чем плохого. Написана новая книга стихов.

Сейчас мною занят Союз Писателей: вопрос об этой книге и обо мне поставлен, обсуждается, решается. Кажется, назревает в какой-то степени положительное решение.

Надя за эти годы очень устала, но духом крепка. Когда выпадает период покоя, передышки – она совсем молодец. Сейчас наш старый воронежский быт уже не существует, а новый еще не сложился. Все зависит от реше-

ния Союза Писателей, подошедшего к этому делу очень серьезно. В семье у нас ничего нового. В квартире – Вера Яковлевна с жильцами⁶.

На днях мы слышали два концерта Сигетти⁷. Он достиг высшей простоты. Его принимали холодно. Мы забегаем в музей, жадно смотрим живопись, ведем очень подвижный и несколько утомительный образ жизни. Немедленно напишите о себе как можно подробнее. Сообщите, не нужно ли вам чего, нет-ли в чем нужды или потребности. Считайте наш ответ началом регулярной переписки. Хочу вас видеть и, если не вы, то я – когда-нибудь да приеду.

Мы легки на подъем.

Крепко жму вашу руку.

О. Мандельштам

<2>

<17 ноября 1937 г., Калинин>

Дорогой Борис Сергеевич!

Поздравляю с попутчиком. Вдохновленный вашим примером, я, кажется, куплю такой у хозяев. Вы хорошо даже соблазнительно описываете свое житье. Зависть берет. Да.

А у нас? На стенах эрмитажные фото: Рюисдаль, Рубенс, Рембрандт, Тенирс⁸, Брейгель, Madonna litta, Madonna benua⁹, а также рядком как лубки: в красках извозчик Монэ, девушка в кафэ Ренуара и мужчина Сезана. Все это приколото иголками и патефонными булавками.

Сегодня мы переезжаем на теплую половину дома, под защиту бревенчатой стены. Ход через хозяев¹⁰. Между нами и стариками также неполная перегородка. Это выйдет много спокойнее. Тверской говор радует слух. И в Воронеже я много слушал живую речь. Особенно женщины приятно говорят по-русски. Но здесь, в Калининне – настоящая академия живого языка, гибкого, оборотистого, в меру жесткого.

Испанским я занимался. В Воронеже отличные книжные фонды в Университете. Читал Сида (великолепно), романтиков в изд[ании] бр[атьев] Гримм и многотомную коллекцию кастильских классиков.

Однако не узнал кастильских форм на винной этикетке (Castel de Romey) – белое сухое вино и был посрамлен Львом Никулиным.

Несмотря на болезнь я пью легко и охотно. Вот увидите, когда встретимся. Книга моя будет для вас большой неожиданностью. Более характерное на днях пришло. Сейчас мои стихи читает Ставский. Жду оценки¹¹. Сейчас не работаю. Стариной заниматься не хочу. Хочу двигать язык, учиться и вообще быть с людьми: учиться у них.

Пожалуйста, не скрывайте своей болезни. Т.б.с. так легко не проходит. Вы живете в очень вредном для вас климате. Не поговорить ли с кем-нибудь о новой работе, где-нибудь в средней полосе?

Сейчас же на это ответьте. До свиданья.

Жму руку. Ваш О.М.

*Публикация и вступительная заметка
П. Нерлера*

---

¹ См.: О.Э. Мандельштам и Б.С. Кузин. Материалы из архивов // Вопросы истории естествознания, науки и техники. 1987. № 3. С. 132–133.

² Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 198–200. Письма № 242 и 244.

³ Борис Кузин. Воспоминания Произведения. Переписка; Надежда Мандельштам. 192 письма к Б.С. Кузину / Сост., предисл., подг. текстов, примеч. и коммент. Н.И. Крайневой и Е.А. Пережогойной. СПб., 1999. С. 527, 530–532.

⁴ Гостиница «Селигер» находится там же, где и в 1937 г.: по ул. Советской, 52. Ее здание, построенное в середине 1930-х го-

- дов на месте разрушенной Владимирской церкви, уцелело в войну.
- 5 Со слов А.А. Штейнберга известно, что О.Э. и Н.Я. Мандельштамы приходили весной 1937 к его матери и расспрашивали ее о Тарусе и условиях проживания в ней (сам А.А. Штейнберг в это время отбывал в лагере на Дальнем Востоке свой первый срок).
  - 6 В.Я. Хазина (?–1943) – мать Н.Я. Мандельштам. Жильцы – писатель-генерал Н. Костарев (в воспоминаниях Н.Я. Мандельштам – Костырев; 1893–?) с семейством, снимавший, под поручительство В.В. Ставского, комнату в квартире Мандельштамов в Нащокинском переулке. Очеркист, автор книги «Китайские дневники» (Л.: Прибой, 1928; 2-е изд. – М.; Л.: ГИХЛ, 1931).
  - 7 Йожеф (Жозеф) Сигетти (Szigeti) (1892–1973) – венгерский скрипач-виртуоз и музыкальный педагог, в 1924–1937 неоднократно гастролировал в СССР.
  - 8 Давид Тенирс Младший (Teniers, David; 1610–1690) – фламандский художник-пейзажист, широко представленный в Эрмитаже.
  - 9 Известные картины Леонардо да Винчи.
  - 10 Травниковы Павел Федорович (рабочий-металлург) и Татьяна Васильевна – семья, у которой Мандельштамы в 1937–1938 снимали жилье в пятистенной избе в Калининне по адресу: 3-я Никитинская улица, 43 (прописались 17.11.1937, выписались, в связи с отбытием в Саматиху, 10.3.1938). Н.Я. Мандельштам посвятила им отдельную главу в «Воспоминаниях» («Последняя идиллия»).
  - 11 Конечным результатом этого «чтения» стали донос Ставского Ежову с приложением «отзыва» П. Павленко о стихах Мандельштама.

ВЛАДИМИР НАРБУТ:
16 ПИСЕМ К МИХАИЛУ ЗЕНКЕВИЧУ

Публикуемые письма Владимира Нарбута к Михаилу Зенкевичу охватывают период с 1913 по 1922 г. Двухлетняя лакуна в письмах (с 1916 по 1919 г.) символично совпадает с самым крутым переломом в истории России XX в.

Обширные отрывки из публикуемых писем с многочисленными искажениями печатались ранее Любовью Пустильник. См.: Из писем В. Нарбута к М. Зенкевичу // Арион. 1995. № 3. Письмо № 14 с незначительными неточностями впервые опубликовано в работе: *Крюков А.* Редактор Владимир Нарбут // Подъем. [Воронеж]. 1987. № 11. С. 118–119.

Остается только сожалеть, что до нас не дошли письма Зенкевича Нарбуту.

Даты в письмах, отосланных до 14 февраля 1918 г., даны по старому стилю; после – по новому. Курсив в письмах везде принадлежит Нарбуту.

Письма печатаются по автографам, хранящимся в Государственном литературном музее. Ф. 247. Оп. 1. Д. 22.

<1>

26 апреля 1913 года. <Петербург>¹

<Дорогой> Миша,

<Стихи> твои я взял *все*², но «Потемкина» не пущу из-за штрафа³, а «Взятие Скутари» (мне оно крепко нравится и оно уже набрано) вырезал из корректуры – из-за патриотичности⁴. В апрельской книге идет «Верхом»⁵. В майской – будет еще⁶ и т. д. Пиши поскорее.

Крепко целую тебя. Некогда, целую,

Владимир – твой.

<2>

7/VI – <1>913 г. <Петербург>

Дорогой Миша,

Прочел твое поразившее меня письмо и, признаться откровенно, обрадовался... Скорой встрече с тобой.

Являйся, милый Мишук, в Питер: я куда-либо, быть может, устрою тебя. Говорю, конечно, – о редакциях и др<угих> учреждениях, касающихся литературы. Чего ради попал ты в Двинск? Родичи есть? Знакомые?

Читал твое стихотворение в «Заветах». Я его давно слышал от тебя. Нравится-то – оно – мне – нравится, да не слишком. Почему? – Объясню при встрече⁷.

В Питере сейчас – прелестнейшая погода (тьфу-тьфу, чтобы не сглазить!), Сергей⁸ и Георгий Иванович Чулок⁹. О Манделе – ни слуху, ни духу¹⁰.

О Гумиляе – тоже¹¹.

Впрочем, ни о ком я так не беспокоился и не беспокоюсь, как о тебе.

Мы, ведь, – как братья. Да оно и правда: по крови литературной мы – такие. Знаешь, я уверен, что акмеистов только 2: *я да ты*. Ей-Богу! Вот я думаю писать статью в журнал¹², там и смоляну – пусть дуются. Какая же Анна Андреевна<а> – акмеистка¹³, а Мандель? Сергей – еще туда-сюда, а о Гумилеве – и говорить не приходится. Не ха-

рактерно ли, что все, кроме тебя, меня да Манделя (он, впрочем, лишь из чувства гурмана) боятся трогать Брюсова, Бальмонта, Сологуба¹⁴. Иванова Вяч<еслава> Гумилев даже – по головке погладил. Совсем, как большой, как папа, сознающий свое превосходство в поэзии¹⁵. Верить ли, Миша, – это – *все – не то, что нужно*; это – все, и Гум<илев>, и Гор<одецкий>, лгут, шумят от того, чтобы о них тараторили...

Господь с ними! Какие уж они – акмеисты!

А мы – и не акмеисты, пожалуй, а – *натуралисто-реалисты*¹⁶.

Бодлер и Гоголь, Гоголь и Бодлер!!!! – Не так ли? Конечно, так¹⁷! Ура, Николай Васильевич! Мишук<,> побыл на родине твоей и – не перст ли это Судьбы? Однако прости за болтовню. Пиши на дом – крепко-крепко целую, милый.

<3>

17/ХП. <1913 г.>. <Нарбутовка>

Милый Миша,

Пишу тебе, излагая те мысли, кот<оры>е родились у меня после твоего последнего письма.

Так. – О сближении с кубофутуристами¹⁸. Думаю следующее: их успех основан главным образом на скандале (это – безусловно), и при том чисто-практическом (т<о> е<сть> на выступлениях с руганью). Я, конечно, не имею ничего против их *литературной* платформы. Даже больше: во *многом* с нею согласен. Поистине, отчего не плюнуть на Пушкина? Во-первых, он – адски скучен, неинтересен, и заимствовать (в отношении сырого матерьяла) от него – нечего. Во-вторых, отжил *свой* век. И – т<ак> д<алее>¹⁹. Антиэстетизм мной, как и тобой, вполне приемлем, при условии его живучести. На днях я пришлю тебе стихи, из которых ты увидишь, что я шагнул еще дальше, пожалуй, в отношении грубостей²⁰. И помнишь, Миша, мы говорили о необходимом, чрезвычайно необходимом про-

тивоядии Брюсовщине (и Гумилеву, добавлю)²¹? Так вот что: шагай дальше. Туда же идут и кубисты. Разница между ими и нами должна быть только в *неабсурдности*. Нельзя же стихи писать в виде больших и малых букв и – только²²! Следовательно, *почва для сближения между ими и нами* (тобой и мной), безусловно, есть. Завяжи с ними небольшую дружбу и – переговори с ними, как следует. Я – согласен и на слияние принципиальное. Мы – так сказать – будем у них центром. Пришли, кстати, мне адреса некоторых из них (тех, с *котор<ыми>* ты будешь беседовать). На акмеизм я, признаться, просто махнул рукой. Что общего (кроме знакомства), в самом деле, между нами и Анной Андр<еевной>, Гумилевым и Городецким? Тем более что «вожди» (как теперь стало ясно) преследовали лишь свои цели. Ведь мы с тобой – *виевцы* (принимая «Вий» за единицу настоящей земной, земляной жизни), а они – все-таки академики по натуре²³.

Относительно издания сборника – тоже вполне согласен: да нужны – и твой, и мой. Можно и вместе (хорошо бы тогда пристегнуть стихи какого-либо примкнувшего к нам кубиста). Мандель мне не особенно улыбается *для этой именно* затеи. Лучше Маяковский или Крученых, или еще кто-либо, чем тонкий (а Мандель, в сущности, такой) эстет²⁴. – Подумай надо всем и *поскорее* ответь мне.

О «Быке на бойне». Он мне нравится, но не кажется ли тебе, что конец надо переделать, ибо он для такой мощи слишком *легковесен*. Поразительно хороша строка – «хребта и черепа золотой союз»²⁵.

<4>

13 апреля <1>914 г. <Нарбутовка>

Воистину Воскресе,

Дорогой Миша! Не ответил я тебе в январе лишь потому, что сперва как-то затуркался разными мелочами, а затем был уверен, что тебя уже нет в Питере. Живу я помаленьку, тихо и – чувствую себя пока отлично.

Пописываю в не особенно обильном количестве стихи, гуляю по саду. Погода – прелестная: настоящее лето! А ты – как проводишь время в столице? Часто ли видишься с акмеистами и другими нашими общими знакомыми?²⁶ Не обзавелся ли еще какими – «интересными»? Напиши обо всем, а то я часто даже газет по двум неделям не читаю! Ну, а футуризм как дышит? Иг<орь> Северянин, конечно, млеет, в упоении? Федор Сологуб – то ж²⁷? Ну и черт с ними, это – совершенно неважно. А Мандель, Ан<на> Андр<еевна>, Гумилей?..

Да, исполни, пожалуйста, Миша, 2 моих небольших просьбы: 1). Пришли *тот* № «Гиперборея», где были мои последние стихи («Гиперборея» я уже не видел от марта прошлого года)²⁸; 2). Сообщи, пожалуйста, адреса всех «акмеистов» (может, пригодятся; я даже гумилевский адрес потерял). Потом напиши, *что* писали этой осенью, зимой и весной об акмеизме (*или*: «где?» (если – в журналах, – ведь, были, должно быть, отчеты литературные за прошлый год))²⁹. Книжку издавать я не раздумал. Ну, об ней – еще успеем потолковать – вот – только боюсь цензуры. Может, летом увидимся? Пиши, Бога ради, побольше и чаще! Не смотри на то и не считайся с тем, что я – ленив. Сообщи твой и *летний* адрес. Затем передай всем приветы. Целую тебя,

Твой Владимир Нарбут.
Х<утор> Нарбутовка.

<5>

24–IV–<1>914 г. <Нарбутовка>
Дорогой Миша!

Совсем нехорошо писать такие незначительные открытки, одну из коих недавно закатал ты мне! Ну, неужели у тебя нет и 15 минут свободных, чтобы черкнуть мне как следует? Ну, Бог с тобой: уверен, что *на днях* получу от тебя самое *настоящее письмо и, непременно, со стихами*. Я живу помаленьку: гуляю, смеюсь, езжу кое-куда побли-

зости, пишу стихи. Осенью выйдет моя новая книжка стихов³⁰. А как решил ты? Недавно я предлагал одному издателю – издать твои стихи, – он ответил, что согласен, ежели ты примешь на себя часть расходов. Как ты на сие смотришь? Посылаю тебе стих<отворение> «Жена»³¹. Нравится ли оно тебе? Жена моя очень хочет, видать, тебя женить на одной из своих подруг³². Как тебе и – сие? Пиши побольше и подробнее. Видишь, я добрее тебя и – не пускаю в ход открыток. Где Сергей? Николай? Анна Андреевна? Как жаль, что она не прислала мне своих «Четок»³³! Где Гишпиус³⁴? Лозинский³⁵, Мандель? Брат с женой – уже тут³⁶. Зиму эту, по всей вероятности, пребывать я буду в Москве, – хотя твердо еще не решил. А «Гиперборей» так-таки и опочил? В общем, довольно жалко: стихи были, хотя и не «нашенские», но все-таки – как стихи: не то, что в журналах³⁷. В Питере теперь, должно быть, отвратительно, да? А здесь – прелестно и даже незаметна жара этого лета. Пиши, пожалуйста, Мишук, *поскорее* и *подробнее*. Целую тебя. Жена моя (Нина Ивановна) кланяется тебе.

Твой *Владимир Нарбут*.

Ст<анция> «Горелые Хутора», М-К-В. ж. д.

<6>

1 мая <1>914 г. <Нарбутовка>

Дорогой Миша,

Благодарю тебя за обещанье выслать мне последний № «Гиперборея». Если увидишь Ан<ну> Андр<еевну>, – попроси ее от моего имени – прислать мне ея «Четки». А остальным – поклон.

Вот, что, Миша. Ты приглашаешь меня приезжать в Питер, но сие мне совсем не улыбается. *Не лучше ли сделаешь ты, если приедешь к нам, сюда?* И даже не ко мне, а к одному моему большому приятелю (фамилия его Рахманов, а звать Владимир Николаевич)³⁸, который через меня приглашает тебя к себе. Пиши подробно, когда и как

ты можешь приехать и – тогда мы спишемся заблаговременно. Ладно?

А я действительно женюсь и полагаю, что и тебе моя жена понравится: она простая, хорошая девушка³⁹.

Ну, целую крепко.

Твой *Владимир Нарбут*.

P. S. Стихов пока не шлю, хоть и есть 10–20.

Пиши поскорее!

Пиши обо всем!

P. P. S. S. Приятель этот мой сам пишет стихи, но очень плохие. Он – помещик, бездетный, есть брат 28 л<ет>, а ему 32 года.

<7>

28–IV–<1>915 г. х<утор> Нарбутовка.

Дорогой Миша,

Твоя открытка «добралась»-таки до меня, и вот – я откликаюсь.

Точно: переписка наша прервана была в июле минув<шего> года, но – почему? – я не ведаю, ибо ты... не прислал мне ответа.

Живу «не хорошо – не плохо», хотя стрелка моего барометра чаще поворачивается на *милое* время.

Пишу стихи – потихоньку и – чувствую, что сейчас в душе моей накопился довольно богатый запас всякого адамизма... Впрочем, виновата тут в значительной степени война...

Ну, что же поделяваешь ты? Буде не почтешь за труд ответить мне (а этого я не думаю, п<отому> ч<то> иначе ты бы и не ткнулся на «Горелые Хутора»), – отпиши, пожалуйста, поподробнее о себе и акмеистах. Что вы все поделяваете там, где «шум... витий»⁴⁰ и т. д.?

Братец мой⁴¹ передавал мне, будто в «Аполлоне» с этого года введен литературный отдел. «Аполлона» я не зрел давненько: правда ли сие? И помещаешь ли ты там свои стихи⁴²?

Если тебе не попритчится за лишнее или, просто, если не поленишься, – пришли дары твоей музы. Такая же ли она, – земляная, в чоботах и дюжая, какой год назад рассталась со мною?!..

Пиши, пиши, пиши!

Посылаю тебе: мой поцелуй, привет моей жены, брата и его супруги...

А дабы не пропала грамота эта, шлю ее заказным.

Ну, обнимаю

Твой *Владимир Нарбут*.

P. S. Советую и тебе, Миша, притурить мне твой ответ тоже *заказным*: почта нынче очень балуется... Сообщи поскорее твой точный адрес, а то на открытке он вышел некажисто и, даже, может быть, и не верно.

Ну, поклон возьми, помнящим меня.

Ст<анция> «Горелые Хутора» М-К-В. ж. д.

<8>

7-VI-<1>915 г. <Нарбутовка>

Дорогой Мишука,

Об издании книги нашей могу сказать тебе следующее (те мысли, которые вертятся в моей голове):

М. Зенкевич Владимир Нарбут –
<i>Сарынь на кичку</i> ⁴³
Стихи

Это, – если дело будет идти о стихах, «военных»⁴⁴.

Если же нет, то выдумаем какое-либо другое, *лунатое* заглавие⁴⁵.

Затем: необходимо предисловие (довольно нам тянуться где-то на задворках Городецкого и Гумиляя!)⁴⁶, в котором, мне думается, следует определить кое-что (не «школу», конечно). Ну, например, хорошо было бы выступить нам «сиамскими близнецами». Я не шучу... Просто, *кратко: согласен ли ты выступить всегда совместно со мной?* И – только.

Я: – да.

Вот мы и запаяем такой блок: «М. Зенкевич и Нарбут». Это – о предисловии.

Теперь о размере. Ты – угадал, что не потребно выпустить чего-либо большого. Издадим сборник в 32 страницы, по образцу «Гиперборея» и в той же типографии. Цена сему (судя по старому расчету, присланному мне: бумага, печать обложки = 6 руб<лей> + 16 руб<лей> за каждый лист (печать; бумага) стихов = 32 р<убля>, а всего = 38–40 рубл<ей> на 200 экз<емпляров>) невелика. Сходи, во всяком случае, Миша <к> этому типографу на ул. Гоголя (кажется). Фамилия его Лавров (прежний – Мансфельд)⁴⁷. Узнай толком. О деньгах скажи, что можно половину теперь, а остальн<ые> по отпечатании. Может быть, закатим и в 3 листа (это, в зависимости, от стихов). Больше 200 экзем<пляров> печатать не нужно. Из этого числа около 100 уйдет на рецензии и т. п.; а 100 – в продажу. Потом: не ленись, перепиши твои стихи, чтобы были готовы и пришли мне, а я тебе свои те, кот<орые> ты не знаешь. Ладно? Отвечай как можно *скорее*. И подробно. Лозинскому не забудь сказать⁴⁸, № «Журн<ала> Журн<алов>» пришли⁴⁹. Письма мне присылай (чтобы не пропадали), оплати их 9 коп<еек> марками, тогда они будут идти. И 2 коп<ейки>! доплаты.

Р. С. Пиши же. Я более склонен ждать не «военные» стихи. Пиши поскорее. Станц<ия> «Горел<ые> Хутор<а>».

<9>

23–VI–<1>915 г. х<утор> Нарбутовка.
Дорогой Миша,

Извини, что так долго не отвечал на твое письмо от 3-го/ VI: был занят всякой всячиной, житейской и меньше всего музый.

Как ты поживаешь и что поделываешь? Ты, ведь, мне не писал, до сих пор ни разу, служишь ли ты, или просто так слоняешься по Питеру и прочим весям земли русской. Это – верно, что гигантская война, как Спрут, захватила теперь весь мир. И никому ни до чего нет дела. В прошлый раз, отписывая тебе, я черкнул заказным и Лозинскому, в «Аполлон» адресуюсь⁵⁰. Просил я его – выслать мне наложенным платежом «Гиперборей», ибо таковой пропал у меня нечаянно. Но – увы – ответа не последовало. Буде тебя не затруднит, спроси, при случае, у Мих<аила> Леон<идовича> – почему он не уведомил меня о том или ином результате. И еще: коль не тяжело, вышли, пожалуйста, мне сам *наложенным платежом* полный комплект «Гиперборей» и тот № «Журнала журналов», в коем обрел ты статью К. Чуковского⁵¹.

Потом – вот: не хочешь ли ты издать теперь же (печать займет, конечно, месяц, а то и больше) книжонку на паевых (половинных) началах вкупе со мной? Много не потребуется: рублей по 25–30 на брата. Коль согласен, черкни теперь же, дабы нам сговориться обо всем.

Болтаюсь, ем ягоды и т. д. – живу, словом.

Приветствуй Ахматову, Манделя, Городецкого.

Целую тебя.

Владимир.

Пиши поскорее!

Р. S. Наложённый платеж надо адресовать: *г. Глухов, Чернигов<ской> Губ<ернии>*. Влад<имиру> Иван<овичу> Нарбуту.

Пиши же!

Наши кланяются тебе.

<10>

4 августа <1>915 г. Хут<ор> Нарбутовка.
Дорогой Мишук,

Прости, что я так долго не писал тебе. Причина сему лежала, во-первых, в моей лени, а во-вторых (главное), в том, что я хотел узнать смету нашей будущей книги стихов. Теперь я ее имею, но, увы, не особенно утешительную. Вот она: Книга в 48 стр<аниц> текста + обложка. Размер, шрифт (Ревельон) и бумага по образцу журнала «Гербовед» (изд<ание> «Сириуса») за 1913 г.⁵² – Все это – очень мило и красиво, – если не больше, но и цена высока: 403 рубля за 400 экземпляр<ов>! Или: по 180 руб<лей> «с брата» (типогр<афия>, – по крайней мере, так уверяет, мой брат ему сделает 10% скидку, сиречь 40 руб<лей>). Как ты смотришь на сие?

Можно сжаться значительно, если выпустить книжку в 2 л<иста> (т<о> е<сть>, в 32 стр<аницы>), тогда и бумага и набор уменьшатся на 1/3; будет падать на каждого по 125 руб<лей> (приблизительно). Повторяю, – издание будет «шик», – не хуже «Аллилуиа». Формат – тоже не меньше⁵³.

Уплата – такова: половина сейчас, а остальное – по отпечатании. Ну, так как же? Проникнись, пожалуйста, мыслью, что – книга стихов – штука *важная*. И решай, сообразуясь с финансами. А пока мой искренний совет тебе: сходи в эту типографию (типогр<афия> «Сириус», Рыночная, 10) и попроси у них все (дабы они тебе показали воочию), согласно моей смете (от 29 июля 1915 г.). Засим – немедленно отпиши мне. Кстати, справься у них и относительно *авторской* корректуры. Я полагаю, что лучше занять где-либо деньги, да выпустить книгу – действительной «бешкой»⁵⁴. А ты как думаешь? И лучше на 48 стр<аниц>. Разместишь 10 твоих и 10 моих стихотворений. Название моего цикла будет «Плоть»⁵⁵, а твоего? Предисловие будет очень кратко, – строк 20–25. Посмотри, кстати, так называемые *теневые* шрифты: их пустим на заголовки. Бумага – все ручная, дорогая (26 руб<лей> стопа), обложка – тоже

прелесть. Пиши же *поскорее*, не возись. Лозинского поблагодари от меня, – черкну и я ему⁵⁶. Нельзя ли будет у Ан<ны> Ан<дreeвны> достать «Четки». Я их зрел лишь мельком.

Ну, крепко целую тебя

Твой Влад<имир> Нарбут.

<11>

4–XI–<1>915 г., хут<ор> Нарбутовка.

Дорогой Миша,

Благодарю тебя за «приглашение» прислать стихи для «злополучного» журнала. Стихи, – правда, давнишние, – посылаю. Можешь творить с ними, что угодно. Но – одна просьба (и *очень настоятельная!*): я прошу тебя моих стихов *не навязывать*. В случае, буде, редакц<ионный> комитет «Н<ового> ж<урнала> д<ля> в<сех>» не пожелает почему бы то ни было помещать мои «поэзы»⁵⁷, – пожалуйста, не торгуйся. *На это я никогда не пойду*⁵⁸.

Стихов из «Вия» (он – вовсе не итог. Если будешь у брата, погляди обложку для него. Выйдет он, думаю, в начале 1916 г.) не даю, т<ак> к<ак> не хочу разрознять, и по некоторым другим причинам⁵⁹...

Остальное, повторяю, – в твоей власти...

Теперь *pro domo sua*⁶⁰. Устраиваю, брат, денежные дела супруги, думаю – вникнуть в наигрубую, но прибыльную коммерцию. Засим пользуюсь войной. В Питер приезжать не намерен, но мы увидимся, – в этом, я «клянусь» тебе. А как, – узнаешь позже. Привет Манделю. Если стихи мои тебе *не понравятся*, – *уничтожь. Отвечай поскорее*.

Целую,

Твой Влад<имир> Нарбут.

P. S. Из стих<отворений> выбери *любое*.

P. P. S. S. Горю твоему, Миша, искренне сочувствую⁶¹.
Крепко жму руку.

<12>

25 января <1>916 року<.> В местностях «Нарбутовщины».

Дорогой Миша,

Наконец-то я дождался от тебя грамоты! Шла она больше недели... Ну, прости (получив мою открытку), что я поругал тебя. Я, брат, был все это время болен и две с лишком недели провалялся в кровати.

...Очень рад, что ты все еще не забываешь меня – в моем захолустье, где я устраиваю (и все никак не кончу) житейские дела. Ты пишешь, что поэты опять принялись издавать книги. И спрашиваешь как я думаю – т<o> е<сть>, какие у меня планы относительно сего. Что ж: издаться, повторяю, я бы не прочь, – но *хорошо, прочно*, а последние условия, кажется, еще вздорожали. Знаешь что – куда ни шло, давай выпустим совместный (как я предполагал раньше) сборник. Только, чтобы недорого. Лучше поменьше, но покрасивее. Думаю, что рублей за 150–180 издать такой можно, – хоть и тощий будет он. Стихи, по моему, можно потеснить, – взять «штук» – по 6. Я даже хотел бы на 5 помириться, т<ак> к<ак> – мои длиннее твоих, а ты – вали около 10. Ладно? Отвечай только поскорее, и я начну действовать. Значит, расходы не превысят 75–90 р<ублей> на каждого. Экземпляров будет штук 200–250, не больше. По 20 возьмем мы, штук 30 – для отзывов, а остальное в продажу; т<o> е<сть> 130–150. Довольно. В «разводе» Гумилева и Город<ецкого> – я становлюсь на сторону первого. Не нравятся мне последние стихи Сергея⁶²! А к новому «Цеху» примыкать нам не следует⁶³. Мы будем – «сами – по – себе». Правда же? *Попроси от моего имени книги новые у Манделя и Гумилева*⁶⁴. Хорошо? Можно заказной бандеролью на «Горелые хутора». О своих планах напишу тебе *очень подробно* в одном из следующих писем. Отвечай, голубчик, поскорее.

Всего наилучшего.

Твой Владимир Нарбут.

P. S. Знаком ли ты с Маяковским и Ивневым? И кто из них интереснее⁶⁵? Пиши!

<13>

3/ХП. <1916>. <Нарбутовка>.

Дорогой Миша,

Спешу воспользоваться случаем (посылкой на вокзал) и – гоню тебе эти стихи (2 из них ты знал раньше; одно было отдано мной в «Современник», но не знаю, было ли напечатано) – стихи эти шлю на «всякий случай»⁶⁶. Для тебя и для «наших».

Теперь буду ждать от тебя письма (ст<анция> «Горелые хутора» М-К-В ж. д.) самого обстоятельного и самого скорого.

Эти дни я буду гостить, по всей вероятности, у о. Антония Булатовича (может, слышал про «имябожников» или «имяславцев». Это – их глава)⁶⁷. Но дома буду очень скоро.

Обнимаю.

Если не пришлешь своих стихов, – больше не пришлю тебе и я. А то, может, прислал бы и «Вия»⁶⁸.

Твой *Владимир*.

<14>

<Январь 1919 г. Воронеж>.

Дорогой Миша,

Как я рад, что отыскал, наконец, тебя! Ну, теперь несколько слов о себе. Живу я в настоящее время в Воронеже – и уже около года (с марта)⁶⁹. А очутился здесь благодаря эвакуации из Черниговской губ<ернии> перед приходом немцев. Ничего особенного со мной не было, – кроме того, что я в январе прошлого года, вследствие несчастного случая (описывать его – крайне тяжело мне), потерял кисть левой руки и, главное, младшего брата... Потеря руки сперва была очень неприятна, но потом я освоился и – уже не так неудобно, как прежде. Ну, будет об этом: тяжело...⁷⁰

Сейчас я – редактор «Сирены», член редакционной коллегии «Известий Губисполкома»⁷¹. В этой должности

пребываю месяцев 8. Скука тут отчаянная. Жена и сын – на Украине, мать и сестра – в Тифлисе, брат Георгий (ты его знаешь) – в Киеве. Там же, кажется, и остальные мои родные. Словом, тоскливо в разлуке. А вернуться на Украину, – нельзя.

Партийной работой сейчас не занимаюсь. Работаю исключительно для союза Советских Журналистов, председателем которого и являюсь с его основания. Здесь у нас – явное преуспевание; в Союзе (губернский) около 80–90 членов; есть свой клуб, столовая и т. д. Но интересных людей нет. Правда, здесь бывший редактор «Солнца России»⁷² Лев М<аркович> Василевский (поэт), но и только⁷³. В городе – голодно и холодно; вдобавок – сыпной тиф⁷⁴, короче говоря, дело дрянь, разруха.

Был дважды в Питере и Москве. Почти все были в разброде («все» – это писатели). Все же кое-что сколотил для «Сирены». Но горе с бумагой. Нельзя ли у Вас купить *хорошей* журнальной бумаги, – напиши. По воскресеньям в «Известиях» у нас идет «Литературная неделя». В последнем № (он тебе выслан заказной бандеролью) я осмелился (без твоего разрешения!) пустить твоих 2 стих<отворения>, – рядом с моими. Думаю, не будешь в обиде на меня за эту вольность⁷⁵? Присылай, ради Бога, больше стихов: ведь осталось лишь одно! А в «Сирену» я хотел бы пустить 3–4 твоих сразу, в следующий номер⁷⁶. Пришли и статейек несколько – о пролет<арском> искусстве. Засим – пиши, пиши, пиши!

Как бы нам увидеться? А? Целую крепко

Твой *Владимир Нарбут*.

P. S. А не хочешь ли перекочевать в Воронеж? Если – да, устроится все хорошо.

Пиши заказным.

<15>

17/1. <1922 г. Харьков>.

Дорогой Миша!

Хорошо, что ты сообщил свой адрес (мой: Харьков, Театральная площадь, № 7, мне, или на учреждение: Николаевская (Тевелева) площадь, 28, РАТАУ, Директору – мне). Ну, ладно.

Как и где думаю провести ближайшие месяцы, я не знаю. Может, на месяц поеду за границу, но это – мимо-летом (кстати, сообщи (нужно) владеешь ли ты практически, – т<о> е<сть>, разговорной и литературно-печатной речью, – языками и какими)⁷⁷, а, полагаю, буду или в Харькове или в Москве⁷⁸. Тогда, если перемену адрес, сообщу. Говоря же просто: нет никаких мыслей и желаний, – ничего нет. Попутешествовать, конечно, – и очень! – не прочь. Но каким образом? «Эпоху» пришли заказным (чтоб не погибла в пути)⁷⁹, стихи (наудачу выбранные) посылаю. Пришли свою книжку: «14 стих<отворений>». Я ее не видел⁸⁰. Правда, мне что-то говорил Петников⁸¹, но никакой книжки, кроме «Пашни танков» у меня нет⁸².

Пришли также свои новые стихи (копии, конечно).

Наконец, прими мой привет и поцелуй.

Твой Влад<имир> Нарбут.

P. S. С 26 января по 1–3 февраля буду в Москве, на съезде работников печати (журналистов)⁸³.

Пиши
обязательно!

Написано красными чернилами на бланке Радиотелеграфного агентства Украины. Харьков. (РАТАУ).

<16>

12/VIII 1922 <г. Харьков>⁸⁴.

Дорогой Миша,

Прости, что я не отвечал – и так упорно! – на твои письма: был в 1 1/2 мес<ячном> отпуску (в Москве и Одессе) и, кроме того, я – уже третично! – женился...⁸⁵ Остальное поймешь сам. Выпустил я маленький сборничек под названием «Александра Павловна», которую тебе одновременно посылаю⁸⁶. Если не получишь, то знай, что в Москве она продается в магазинах Госиздата. Туда же я продал небольшую (в 100 стр<аниц>) книжку «Пасха», куда вошла почти вся «Плоть» (переделанная немного), «Александра Павловна» и еще ряд стих<отворений>⁸⁷. Пишу мало. Но, при случае, могу прямо-таки разразиться: такое богатство материала у меня есть!

В начале – середине сентября буду несколько дней в Москве на пленуме Центр<ального> Бюро Секции Журналистов. Адрес (или обо мне) можешь узнать в Метрополе, квартира 12 (вход – оттуда, где почта), комната Сергея Борисовича Ингулова⁸⁸. Или Тверская ул., 5. Общежитие ЦК (быв. «Лоскутная»), комн<ата>⁸⁹, т. Михайлов⁸⁹.

Хорошо бы увидеться, Миша!

Пиши, буду отвечать, не теряя связи с тобой.

Целую. Твой

Вл. Нарбут.

Публикация и подготовка текста

М. Котовой и О. Лекманова.

Примечания О. Лекманова

---

¹ Открытое письмо на почтовой карточке «Нового журнала для всех». Левый край оборван.

² Нарбут намеревался регулярно печатать стихотворения. Зенкевича, находившегося тогда в Полтавской губернии, в «Новом журнале для всех», главным редактором которого он

- числился с марта по май 1913 г. См. также примечание № 2 к письму № 11.
- ³ Стих. Зенкевича «Потемкин» при его жизни опубликовано не было.
- ⁴ Сохранился корректурный оттиск этого стих. из «Нового журнала для всех». Однако при жизни Зенкевича оно опубликовано так и не было. «Из-за патриотичности» в данном случае означает: из-за сервильности.
- ⁵ См.: Новый журнал для всех. 1913. № 4.
- ⁶ В майском (№ 5) «Новом журнале для всех» за 1913 г. было опубликовано стих. Зенкевича «В дрожках».
- ⁷ Речь идет о стих. Зенкевича «Урожай» (Заветы. 1913. № 5).
- ⁸ Сергей Городецкий.
- ⁹ Поэт-символист Георгий Иванович Чулков (1879–1939) к акмеизму как к литературной школе относился, скорее, отрицательно (см., например: *Чулков Г.* Вчера и сегодня. Очерки. М., 1916. С. 104), а к стихотворному творчеству большинства акмеистов (Ахматовой, Городецкого, Зенкевича, Мандельштама, Нарбута) – положительно. В частности, в рецензии на «Дикую порфиру» он восторгался «державинской торжественностью» стихов Зенкевича (Утро России. 1912. № 87).
- ¹⁰ Осип Эмильевич Мандельштам в июне 1913 г. находился в Петербурге. Ср., впрочем, в его «Летних стансах» (1913): «Что делать в городе в июне? / Не зажигают фонарей; / На яхте, на чухонской шхуне / Уехать хочется скорей!».
- ¹¹ Николай Степанович Гумилев в июне 1913 г. находился в африканском походе. См. его «Африканский дневник»: *Гумилев Н.* Сочинения: В 3 т. Т. 2. М., 1991. Сам Нарбут уехал путешествовать в Африку в 1912 г. См. его письмо О.Э. Розенфельд от 10. 10. 1912 (РО ГЛМ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 56):
- Любезная Ольга Эммануиловна,
Вчера <Теперь уже 2 часа ночи> вечером, при укладывании вещей, я нашел несколько стихотворений: из них 2 посылаю Вам, а два Исааку Максимовичу для «Солнца России». Итак, лечу на юг. Сперва – домой, а затем – Болгария, Греция, Каир, Адулис (гавань Абиссинии). Из Каира пришлю Вам что-либо «земное». Я сам очень люблю

все такое, и оттого непременно исполню Вашу, понятную для меня, просьбу.

Желаю Вам всего, всего хорошего в скучном, но все же красивом Петербурге. Извините, что пишу на обрывке: все уложено.

Ваш *Владимир Нарбут*.
<1>912-X-10-9 (ночь).

P. S. Да, включите меня, пожалуйста, в общий список сотрудников Ваших журналов: Вербицкая есть, а меня нет...

Привет. «Песочек» тоже получите.

¹² Такой статьи опубликовано не было.

¹³ Ср. с репликой Анны Андреевны Ахматовой, зафиксированной в мемуарах С.В. Троцкого: «Помню ее слова об акмеистах (передаю точно): “Я собственно ничего не думаю об этих теориях и на собраниях молчу, но меня сажают торжественно и считают видной представительницей”» (Новое литературное обозрение. № 10. (1994). С. 63), и ахматовское позднейшее суждение о том, что «весь акмеизм рос» от наблюдений Гумилева над ее стихами «тех лет, так же как над стихами Мандельштама» (Новый мир. 1990. № 5. С. 221). Ср. также в письме Георгия Иванова Алексею Скалдину от 5 сентября 1912 г.: «Меня привела в недоумение твоя фраза: “Но как склеить Нарбута с Ахматовой?” Я не понимаю, зачем их клеить, и что ты под клееньем подразумеваешь» (цит. по: *Черных В.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. I. М., 1996. С. 55).

¹⁴ Ср. в письме Ал.Н. Чеботаревской Вячеславу Иванову от 21. 1. 1913 г.: «...“акмеисты” помешаны на теоретическом, конечно, и *платоническом*, но от этого не менее яростном преследовании “старших”. Как в былые времена считалось почетным для молодого считать себя чьим-нибудь учеником (ну, хоть Брюсова, Бальмонта), так теперь считается почетным быть врагом старших, не признавать никого, кроме себя. Мандельштам ходит и говорит: “Отныне ни одна строка Сологуба, Брюсова, Иванова или Блока не будет помещена в Аполлоне – он скоро (это еще оч<ень> проблематично)

будет журналом акмеистов”» (Литературное наследство. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 409–410). Стремясь представить себя и Зенкевича *единственными* акмеистами, Нарбут, безусловно, преувеличил степень «боязни» остальных участников кружка перед «старшими». Возможно, осторожность большинства акмеистов раздражала Нарбута в сравнении с радикализмом кубофутуристов.

- ¹⁵ Подразумевается, в первую очередь, микрорецензия Гумилева (Гиперборей. 1913. № 4) на «Нежную тайну» Вячеслава Иванова: «Книга написана необычным для В. Иванова простым и прекрасным языком, отчего всегдашние его темы только выигрывают в значительности» (цит. по: *Гумилев Н.* Сочинения: В 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 121). Об отношении Гумилева к Иванову в эту пору см., прежде всего: *Тименчик Р.Д.* Заметки об акмеизме. III // *Russian Literature.* 1981. Vol. IX–X.
- ¹⁶ Ср. с изложением выступления Зенкевича на вечере акмеистов во Всероссийском Литературном обществе 25 апреля 1914 г. в газетном репортаже: «Талантливый Мих. Зенкевич выступил с декларацией культурных прав акмеизма. Если хотите, назовите акмеиста неореалистом. Такое название для него почетнее названия символиста или романтика. Но этот “неореализм акмеизма” не имеет ничего общего ни с обывательским реализмом, ни с подновленным академизмом парнасцев. Представить явление во время его наибольшего напряжения изнутри, наибольшей готовности ко взрыву, а снаружи подвергнуть его давлению, во много раз превышающему давление воздушного столба над землей <...> – вот задача для акмеиста, и такой идеал наиболее соответствует современной культуре. Атлантами этой новой мировой культуры будут великие страны Азии и одной из первых наша Россия» (День. 1914. 27 апреля).
- ¹⁷ Николай Васильевич Гоголь здесь упомянут, в первую очередь, как учитель самого Нарбута. Шарль Бодлер – как учитель Зенкевича, программно завершившего свою книгу «Дикая порфира» стих. «Утренние сумерки (Из Бодлера)». Ср.,

впрочем, о позднейших стихах Нарбута в памфлетном мемуарном романе Валентина Катаева: «Эстетика его творчества состояла именно в полном отрицании эстетики. Это сближало» Нарбута «с Бодлером, взявшим, например, как материал для своего стихотворения падаль» (Катаев В. Алмазный мой венец // Катаев В. Трава забвения. М., 2000. С. 113).

¹⁸ Ср. в устных воспоминаниях Зенкевича, относящихся к осени 1913 г.: «В это время у нас велись переговоры о блоке между левыми акмеистами и футуристами. И там», на лекции К.И. Чуковского о кубофутуризме, «должен был выступать Мандельштам от акмеистов <...> Они соглашались, чтобы туда, значит, <вошли> я, Нарбут и Мандельштам... Это они соглашались блокироваться. В это время посредником был брат <Давида> Бурлюка, Николай Бурлюк <...> И вот тут было первое совместное выступление» (цит. по первой публикации в: Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. С. 568–569). Николай Давидович Бурлюк (1890–1921(?)) был участником одновременно кубофутуристической группы «Гилея» и гумилевского «Цеха поэтов». О футуристических настроениях Мандельштама, участника «Цеха поэтов» см. также: Иванов Г. Осип Мандельштам // Иванов Г. Собрание сочинений: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 619.

¹⁹ Подразумевается знаменитый призыв из кубофутуристической листовки «Пощечина общественному вкусу»: бросить Пушкина «с Парохода современности» (Пощечина общественному вкусу. М., 1912. С. 1) и лекции Давида Бурлюка «Пушкин и Хлебников». О футуристах и Пушкине см. содержательную работу: Парнис А.Е. «Мы находимся к Пушкину под прямым углом...» // Пушкинский сборник. М., 2005. Отсылка к авторитету А.С. Пушкина содержится во многих рецензиях Нарбута. О пушкинских реминисценциях во второй книге Нарбута см.: Лекманов О.А. О книге Владимира Нарбута «Аллилуйя» (1912) // Новое литературное обозрение. № 63. (2003). С. 116.

²⁰ Имеются в виду стихотворения, которые потом составили основу поэтической книги Нарбута «Плоть», изданной много позже, лишь в 1920 г.

- ²¹ Ср. в примечании № 11 к письму № 2 цитацию газетным репортером неодобрительного замечания Зенкевича о «подновленн<ом> академизм<е> парнасцев», которое открыто метило в Брюсова, а скрыто – в Гумилева.
- ²² Подразумеваются графические эксперименты в книгах, прежде всего, В. Хлебникова, А. Крученых и В. Каменского. Ср. серию статей, интерпретирующих эти эксперименты в книге: *Поэзия и живопись. Сборник трудов памяти Н.И. Харджиева*. М., 2000.
- ²³ Заглавие «Вий» должна была носить одна из книг Нарбута, похоже, так и не вышедшая.
- ²⁴ Совместная поэтическая книга Нарбута, Зенкевича и Мандельштама в свет так и не вышла. Союз этих трех акмеистов с кубофутуристами в итоге также не состоялся. Алексей Елисеевич Крученых (1886–1968) был одним из самых радикальных кубофутуристов-новаторов. О поэтических переключках его стихов со стихами Нарбута см.: *Богомолов Н.А.* Дыр бул щыл в контексте эпохи: вступление в тему // Александр Введенский и русский авангард. СПб., 2004. С. 7–10. Владимир Владимирович Маяковский выступал от кубофутуристов на той лекции К.И. Чуковского осенью 1913 г., где от левых акмеистов представлял Мандельштам (см. воспоминания Зенкевича, приводимые в: *Лекманов О.А.* Книга об акмеизме и другие работы. С. 569).
- ²⁵ Обсуждаемое стих. Зенкевича (под заглавием «Вечная рифма») было впервые напечатано в: *Гиперборей*. 1913. № 9/10.
- ²⁶ 25 апреля 1914 г. состоялось последнее совместное выступление группы акмеистов (в базировавшемся в Петербурге Всероссийском Литературном обществе). Кроме Зенкевича в этом выступлении приняли участие Сергей Городецкий, Николай Гумилев и Осип Мандельштам. Подробнее см.: *Мец А.Г.* Осип Мандельштам и его время. Анализ текстов. СПб., 2005.
- ²⁷ Федор Сологуб написал восторженное предисловие к книге стихов Северянина «Громокипящий кубок» (1913), а до этого сопровождал Северянина в грандиозном поэти-

- ческим турне, начатом в Минске и законченном в Кутаиси. Отсюда ироническое соположение имен Сологуба и Северянина в письме Нарбута.
- 28 В 1913 г. стихи Нарбута печатались в «Гиперборее» дважды: в № 6 и 9/10.
- 29 Осенью, зимой и весной 1913–1914 гг. в столичной прессе появилось более 30 заметок об акмеизме. Материалы к библиографии об акмеизме за эти годы см.: *Лекманов О.А.* Книга об акмеизме и другие работы. С. 156–158.
- 30 Речь, вероятно, идет о книге стихов «Вий», которую Нарбут готовил к изданию в это время. См. примечание № 3 к письму № 11.
- 31 Стихотворение это при жизни Нарбута, вероятно, не печаталось. Первую публикацию см.: *Арион.* 1995. № 3.
- 32 Речь идет о Нине Ивановне Лесенко (1895–1966), с которой Нарбут сочетался официальным браком в мае 1914 г., в Москве, через месяц после отправления этого письма. Развелся Нарбут с Лесенко в 1919 г.
- 33 Вторая книга Ахматовой «Четки» поступила в продажу 11 марта 1914 г.
- 34 Стихотворец и филолог Василий Васильевич Гиппиус (1890–1942) был участником «Цеха поэтов». Ему принадлежит доброжелательная рецензия на «Дикую порфиру» Зенкевича (*Новая жизнь.* 1912. № 3. С. 271). В мемуарном очерке «Цех поэтов» (1918) Гиппиус дал ретроспективную характеристику акмеистическим стихам Нарбута и Зенкевича (см.: *Ахматова А.* Десятые годы. М., 1989. С. 85).
- 35 С Михаилом Леонидовичем Лозинским (1886–1955), участником «Цеха поэтов», главным редактором акмеистического журнала «Гиперборей», Зенкевича и Нарбута связывали дружеские отношения.
- 36 Речь идет о художнике Георгии (Егоре) Ивановиче Нарбуте (1886–1920) и его жене, Вере Павловне Нарбут.
- 37 «Гиперборей» издавался с 1912 по 1913 г. Всего вышло 10 книжек журнала.
- 38 Сведениями о нем не располагаем.
- 39 См. примечание № 32 (к письму № 5).

- 40 Аллюзия на строку «О чем шумите вы, народные витии» из стих. А.С. Пушкина «Клеветникам России». В 1915 г. акмеисты как сплоченная группа не выступили ни разу.
- 41 Георгий Нарбут, который был одним из ведущих художников «Аполлона». Подробнее см.: *Белецкий П.* Георгий Иванович Нарбут. Л., 1985. С. 45–46.
- 42 Зенкевич напечатался в «Аполлоне» дважды (цикл из 3-х стихотворений [1910. № 9] и стих. «Смерть лося» [1913. № 3]).
- 43 «Сарынь на кичку!» (буквально «Чернь на нос судна!») – легендарный клич волжских разбойников. В словарь модернистской поэзии этот клич вживил кубофутурист Василий Каменский, в пользовавшемся чрезвычайной популярностью отрывке «Сарынь на кичку!» из поэмы «Степан Разин» (1914–1915).
- 44 По-видимому, в одном из писем Зенкевича к Нарбуту было высказано предложение издать совместную книгу военно-патриотических стихов.
- 45 Возможно, этот эпитет восходит к имени Лупы Грабуздова – пародического персонажа, придуманного братом поэта, Георгием Нарбутом (см.: *Бурачек М.* Спогади про Г. І. Нарбута // *Бібліогчні Вісті.* 1927. № 1. С. 56). Эпитет «лупатая» встречаем в стих. Владимира Нарбута «Зной» (1915).
- 46 Подразумеваются, в первую очередь, статьи Сергея Городецкого «Некоторые течения в современной русской поэзии» и Николая Гумилева «Наследие символизма и акмеизм», опубликованные в № 1 «Аполлона» за 1913 г. в качестве манифестов новой поэтической школы – акмеизма.
- 47 В петербургской типографии Ф. Мансфельда (ул. Гоголя, 9) был отпечатан тираж «Дикой порфиры» Зенкевича – 300 экз. (см.: Перечень в алфавитном порядке книг, поступивших с 6-го по 13-е марта 1912 г. // *Книжная летопись.* 1912. № 11. С. 8).
- 48 Речь идет о желании Нарбута приобрести те №№ «Гиперборея» за 1913 г., где печатались его стихи. См. письмо № 4.
- 49 См. примечание № 51 (к письму № 9).
- 50 В 1913–1917 гг. М. Лозинский занимал должность секретаря «Аполлона».

- ⁵¹ В № 1 «Журнала журналов» за 1915 г. под заглавием «Заметки читателя» была опубликована рецензия Корнея Ивановича Чуковского на книгу стихов Городецкого «Цветущий посох», содержащая общие суждения об акмеизме.
- ⁵² Журнал «Гербовед» издавался в 1913–1914 гг. Его активным сотрудником и оформителем был родной брат поэта, художник Георгий Иванович Нарбут. Сохранились короткие воспоминания С.Н. Тройницкого о Г.И. Нарбуте См.: Рукописный фонд ИИФЭ. Ф. 13–4. Ед. хр. 239. Л. 1.
- ⁵³ Ср. в неодобрительной рецензии М. Чуносова (И.И. Ясинского) на «Аллилуйя» Нарбута: «Тоненькая брошюрка напечатана на великолепной бумаге. Наблюдал за ее напечатанием управляющий типографии “Наш век” г. Шевченко; клише для книги изготовлено в цинкографии г. Голике, а контуры букв заимствованы из Псалтири XVIII века, принадлежащей г. Лазаренко; набор для обложки сделан в синодальной типографии; над разными украшениями работали художник Билибин, Нарбут (брат поэта) и г-жа Чамберс <...> Терпит же бумага! И еще какая! Пушкин не печатался никогда на такой бумаге» (Новое слово. 1912. № 12. С. 157).
- ⁵⁴ Здесь: подобной нарядно одетой женщине.
- ⁵⁵ Так называлась книга стихов Нарбута, вышедшая в Одессе, в 1920 г.
- ⁵⁶ За присылку нужного Нарбуту № «Гиперборея» или за обещание прислать этот №. См. примечание № 6 к письму № 8.
- ⁵⁷ Так свои стихотворения именовал нелюбимый Нарбутом Игорь Северянин.
- ⁵⁸ С марта по апрель 1913 г. Нарбут был главным редактором «Нового журнала для всех». Однако, запутавшись в финансовых делах журнала, поэт продал права на него активному деятелю «Союза русского народа» А.Л. Гарязину. Эта история была воспринята Нарбутом очень болезненно. С октября 1914 г. по апрель 1916 г. главным редактором «Нового журнала для всех» была сочувствовавшая акмеистам А.Н. Яворовская (Боане). Тем не менее стихи Нарбута больше не публиковались в этом журнале, как, впрочем, и стихи Зенкевича. Подробнее о «Новом журнале для

всех» и его редакторах см.: *Лекманов О.А.* Книга об акмеизме и другие работы. С. 130–136.

- ⁵⁹ Ни одного экземпляра книги стихов Нарбута «Вий» до сих пор не найдено.
- ⁶⁰ О домашних делах (*лат.*).
- ⁶¹ 20 августа 1915 г. погиб на фронте брат поэта, Сергей Зенкевич.
- ⁶² Конфликт между Городецким и Гумилевым пришелся на середину апреля 1914 г., когда первый поэт обвинил второго в «уклоне от акмеизма», который Гумилев якобы не считает школой (Неизвестные письма Н.С. Гумилева / Публ. Р.Д. Тименчика // Известия АН СССР. Сер. лит-ры и яз. 1987. Т. 46. № 1. С. 70). Впоследствии отношения между вожжами акмеизма были до некоторой степени восстановлены, «но, очевидно, трещинка была слишком глубокой, и возвращение к прежнему было невозможно» (*Ахматова А.* Автобиографическая проза // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 7).
- ⁶³ Речь идет о так называемом «Втором Цехе поэтов», основанном Г. Ивановым и Г. Адамовичем в Петрограде (функционировал в 1916–1917 гг.).
- ⁶⁴ Речь идет о втором издании «Камня» (1916) Мандельштама и «Колчане» Гумилева.
- ⁶⁵ Литературная репутация Рюрика Ивнева (Михаила Александровича Ковалева, 1891–1981) даже и в ту пору не могла идти ни в какое сравнение с высоким реноме Владимира Маяковского. Что отразилось, в частности, в экспромте-эпиграмме Маяковского на Ивнева «Кружева и остатки грима...».
- ⁶⁶ В «Современнике» ни одно стихотворение Нарбута никогда напечатано не было.
- ⁶⁷ Интересно, что о. Антоний Булатович (в миру: Александр Ксаверьевич Булатович) (1870–1919) в конце XIX в. путешествовал по Абиссинии (Нарбут повторил его маршрут в октябре 1912 – феврале 1913 г.). Интересно также, что в 1915 г. сочувственное стихотворение об имябожцах «И поныне на Афоне...» написал Мандельштам (подробнее о деятельности Булатовича как имябожца см., например: *Булгаков С.Н.* Афонское дело // Русская мысль. 1913.

№ 9). Отметим, наконец, что о. Антоний Булатович послужил прототипом Алексея Буланова, героя вставной новеллы романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», писавшегося и издававшегося под патронажем Нарбута.

⁶⁸ См. примечание № 59 (к письму № 11).

⁶⁹ Нарбут был отправлен партией в Воронеж в 1918 г. для организации большевистской печати.

⁷⁰ Кисти руки Нарбут лишился в 1918 г., в новогоднюю ночь. См. сообщение в газете «Глуховский вестник»: «В дер<евне> Хохловка, Глуховской волости, в усадьбе Лесенко было совершено вооруженное нападение неизвестных злоумышленников на братьев Владимира Ивановича и Сергея Ивановича Нарбут и управляющего именем Миллера. Владимир Иванович Нарбут ранен выстрелом из револьвера. Ему ампутирована рука. Сергей Иванович Нарбут и Миллер убиты» (цит. по: *Бялосинская Н., Панченко Н. Косой дождь // Нарбут В. Стихотворения. М., 1990. С. 27*). Эти же авторы сообщают со ссылкой на семейное предание: «Никто не сомневался, что нападение было политическим, покушались на Нарбута-большевика» (Там же).

⁷¹ Журнал «Сирена» был «беспартийным» (без общественно-политического отдела). Он издавался в 1918–1919 гг. Подробнее см.: *Крюков А. Редактор Владимир Нарбут // Подъем. 1987. № 11*.

⁷² Сохранилось 2 письма Нарбута издателю «Солнца России» И.М. Розенфельду (РО ГЛМ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 56). Приводим здесь их текст:

Любезный Исаак Максимович!

Пустите, пожалуйста, эти два небольшие стихотворения в ближайших №№ «Солнца России».

Я Вам буду очень благодарен. Рецензию о Брюсове занесу в Редакцию Вашего журнала – в скором времени.

Жму Вашу руку

Владимир Нарбут

<1>912-12-IX.

и:

Любезный Исаак Максимович,

Так и не удалось мне проститься с Вами, не гневайтесь. Шлю Вам на прощанье 3 стих<отворения> для «Солнца России». По пути в Африку буду, хоть изредка, извещать Вас о моем шествии. И, может, пришло что интересное и для Ваших журналов. Ну, а когда вернусь – заставлю Вас вспомнить мои слова о журналах и книгоиздательстве.

Впрочем, тогда я непременно буду беседовать с Вами. Пишите и Вы мне: может статься, я вернусь и раньше, как через 1–1 1/2 г.

Кстати, Исаак Максимович, не забудьте, пожалуйста, *втиснуть мою фамилию в общий список сотрудников* Ваших журналов: ей-Богу, я не хуже многих из них!

Примите мой дружеский привет и, вообще, не сердитесь на меня –

Владимир Нарбут

<1>912-X-9.

⁷³ Поэт, журналист и беллетрист Лев Маркович Василевский (1876–1936) редактировал петербургский журнал «Солнце России» в 1910 г.

⁷⁴ Выразительно описанный в стих. Нарбута «Тиф» (1919).

⁷⁵ В воронежских «Известиях» от 22 января 1919 г. было напечатано стих. Нарбута «Гапон»; от 26 января – «Тиф». В номере от 19 января были напечатаны стихотворения Зенкевича «Поздний пролет» и «Красное Воскресенье».

⁷⁶ В 4/5 № «Сирены» за 1919 г. было напечатано стих Зенкевича «Зимовье ворона».

⁷⁷ Поездка Нарбута за границу не состоялась.

⁷⁸ В Москву Нарбут переехал весной 1922 г.

⁷⁹ Подразумевается издание: Эпоха. Кн. I. М., 1918.

⁸⁰ Книга стихов Зенкевича «Четырнадцать стихотворений» вышла в Петрограде в 1918 г.

⁸¹ С поэтом футуристической ориентации Григорием Николаевичем Петниковым (1894–1971) Нарбут общался в Харькове.

⁸² Книга стихов Зенкевича «Пашня танков» вышла в свет в Саратове в 1921 г.

- 83 В «Харьковском понедельник» от 25 декабря 1922 г. Нарбут опубликовал специальную заметку «Среди журналистов. Надо готовиться к Всероссийскому съезду журналистов».
- 84 Написано простым карандашом на бланке Радиотелеграфного агентства Украины. Харьков (РАТАУ).
- 85 Речь идет о женитьбе Нарбута на Серафиме Густавовне Суок (1902–1982). Подробнее о ее браке с поэтом см.: *Котова М.А., Лекманов О.А.* В лабиринтах романа-загадки. Комментарий к роману В.П. Катаева «Алмазный мой венец». М., 2004 (по «Указателю имен и прозвищ»).
- 86 Книга стихов Нарбута «Александра Павловна» вышла в 1922 г., в харьковском издательстве «Лирень».
- 87 Книга Нарбута «Пасха» вышла в 1922 г., в Москве, в ГИЗе.
- 88 Партийный работник и журналист Сергей Борисович Ингулов (1893–1938) был близким другом Нарбута.
- 89 Василий Михайлович Михайлов (1894–1937) – секретарь московского губернского комитета РКП(б).

Т. Мандельштам

СТУДЕНЧЕСКАЯ АРТЕЛЬ В БЕЛОМ ВАЛУ

Старые, пожелтевшие письма, написанные черными чернилами на больших (35,7 x 22,4 см) листах бумаги с ерами и ятями, раскрывают перед нами еще одну страницу жизни послереволюционного Петрограда. Эта страница тем более интересна, что на ней упоминаются известные люди, – Сарра Лебедева (Дармолатова) и братья Мандельштамы. Ниже, с некоторыми сокращениями, приводятся три письма, рассказывающие о жизни студенческой сельскохозяйственной артели в Белом (переименованном в соответствии с веяниями времени в Красный) Валу в 1918 году. Автор письма – 19-летняя студентка так называемого бывшего Женского медицинского института (впоследствии – II Медицинский или Санитарно-гигиенический институт) Наталья Григорьевна Григорьева. Письма адресованы ее матери и сестре.

Несколько слов об артели. Она была организована по инициативе и при активном участии Евгения Эмильевича Мандельштама для поддержания студенческой молодежи в самый голодный период после Октября 1917 года. С этой целью было арендовано 40 десятин земли в 18 верстах от Луги, в очень живописной местности на берегу Черемнецкого озера. Земля ранее принадлежала разбогатевшему адвокату Залшупину. Деньги на аренду, инструмент, лоша-

дей и посевной материал были взяты в кредит в Петро-союзе. Кроме земли, студенты получили в пользование бывший барский дом – совершенно разоренный. Лошади были куплены у цыган. И работа закипела. Артель просуществовала 7 лет и пользовалась у студентов большой популярностью¹.

Кто такой, в контексте письма, «второй Мандельштам» – сказать нетрудно. То был Осип Эмильевич, чей приезд в Белый Вал и чья нескладная работа в поле зафиксированы в мемуарах младшего из братьев. Такая работа была ему не под силу, и через три дня он уехал:

«В один прекрасный день Осип появился в Белом Валу и попросил принять его в наш коллектив. К этому моменту многие знали его как поэта по его первой книге “Камень”, по выступлениям в журналах и на вечерах. И товарищи мои согласились помочь Осипу. И вот среди белых косынок девушек появилась на поле фигура поэта О. Мандельштама – сугубо городского человека, абсолютно неприспособленного к такому труду ни физически, ни душевно. Осип с трудом, страшно уставая, выдержал три дня и, вконец измученный, уехал в Петроград»².

Теоретически «вторым Мандельштамом» мог оказаться и средний брат, Александр Эмильевич, так же привлеченный к деятельности артели, но – в качестве ее уполномоченного в городе. По делам артели он, конечно, бывал и в Белом Валу. Так что Наталья Григорьевна могла иметь в виду любого из них.

Упомянутая в письме Дармолатова – это Надежда Дмитриевна, студентка Высших женских (Бестужевских) курсов, казначей артели и в недалеком будущем – жена Евгения Эмильевича. Сарра Дармолатова (Лебедева) – ее старшая сестра, в будущем известный скульптор.

Сведениями о других лицах, упоминаемых в письмах, публикатор, к сожалению, не располагает.

«03.06.18

Милые, пишу вам с Дармолатовой, которая едет в Питер. Думала ехать я, но ей уж очень нужно было домой,

скоро, верно, приеду и я. Живем очень хорошо, хотя много и осложнений. В сумме “Маша, я доволен”. Пришлите мне, пожалуйста, воротничок для кофты, кусочек мыла и будильник. О будильнике вам позвонит еще и Мандельштам. Как вы живете? Позвоните мне по телефону. К вам звонить неловко, долго будут звать. Прямо не знаю, брать ли вас сюда: плохо с хлебом. Таня, народу, желающего ехать, кажется, очень мало, а посему сходи в Институт к Федоровой и попросись. Тут мы решили, что можно брать и не курсисток. Тебе здесь есть пара – маленький Тихомиров, окончивший нынче, очень милый маленький мальчик. Уже часов 12, мне завтра вставать в 4 к лошадам; я в отсутствие Федора заведу ими. Знаешь, прежде как-то казалось страшным к ним так лезть, не то что страшно – неприятно, зато теперь хоть под брюхо. Собираюсь учиться верхом. У нас есть верховая и два седла. Получила 60 руб. жалования, правда, за еду вычли не все. <...> Публика в артели остается наиболее симпатичная, а все противные постепенно улечиваются. Хочу спать, тем более что три предыдущие ночи спала от полутора до двух с половиной часов. Вчера Правление ездило по озеру на лодке и даже устроило пикник – сегодня были упущения в хозяйстве. Ну, не беда, как-нибудь. Распахано десятин 10, если не больше. Картошка из Питера уже отправлена».

«7-го VII – 18

Милая моя, ненаглядная мосенька,

очень рада была получить от вас весточку. Знаю, что поступаю по-свински, так долго не давая о себе знать, но, честное слово, не было времени написать письмо, а открытки писать не хотелось. Меня совсем заедает совесть, что вы, бедненькие, сидите в голодном, холерном Питере, а я наслаждаюсь высшими благами природы. Погода все время стояла дивная, хотя и слишком жаркая; работы начинаются у нас теперь с 4-х часов утра с дневным перерывом от 10 до 4-х дня. В этот промежуток времени нет никакой возможности что-либо делать. Новый распорядок солоно пришелся бедным правленским: спать они ложатся часа в два,

а днем тоже совсем не удается поспать. Ну, да выработалась привычка мало спать, хотя иногда ходишь на подобие сонной мухи. Работы все не становится меньше, хотя время неустанно бежит – страшно подумать, но <...> уже скоро половина поля – поспевают земляника, смородина, скоро будут грибы. Кругом здесь прямо восхитительно, и мне бы страшно хотелось сюда тебя, мумик; думаю, что это было бы, пожалуй, лучше Луги. Если позвоните, примусь усиленно искать и, думаю, найду. С пищей тоже скоро будет лучше – поспевают картошка и озимые: хлеб будет дешевле. Да, кстати, если хотите, пришлите ордера на материю. Тут один студент мне обещал променять их в деревне на муку, у самой-то, боюсь, не выйдет. Тут ведь тоже надо иметь особые способности.

Батурина, Тульсик, тебя напугала катастрофическим положением наших дел, но это объясняется ее издерганностью и нервностью, свойственной всем правленским, а сугубо – из Президиума. Тут несколько дней никого из них троих не было, и мы прожили эти дни без всяких кризисов. Да не стоит говорить о кризисах: за все время их было так много, что если бы надолго не стало вовсе, дело бы пострадало, т. к. мы были бы парализованы от удивления. Огороды будут доведены до конца, причем еще окончательно не выяснено – с убытком или прибылью. Но мы-то побесились окончательно. Чувствую, милая муня, что ты сейчас пожалеешь, что не воспитала меня в строгости и послушании. Хотим, во-первых, арендовать у Залщупина (хозяин Б<елого> В<ала>) 70 дес на 7 лет под огороды, а, во-вторых, организовать в Белом Валу лечебный пансион для студентов и буржуев. С буржуев будем драть, и таким путем удешевлять содержание студентов. Я пока еще не вполне уверена в осуществимости этого предприятия, тем более, что предполагается открыть пансион к осени, за что мне в достаточной степени влетает от Мандельштама, да и всего Президиума. Кроме того, возможно устройство артели по сбору и заготовке ягод и грибов. <...> С Петросоюзом дела не очень блестящи, хотя и не очень плачевны. На следующие года с ними договор, верно, заключать не будем.

Из этого не заключите, что мы ни с кем не заключим и лопнем. Союз рабочих потребительских кооперативов зовет нас к себе. Несомненно, пойдём, очень симпатичная организация, где нас трудно надуть, а, надо сознаться, нас уже изрядно поднадули.

Отношения между Правлением и артелью определенно налаживаются быстрыми темпами. Вчера жгли коку³ все вместе, и мы чувствовали себя в своей тарелке.

<...> На мое измотание тоже особенно не рассчитывайте, потому что, во-первых, несмотря на все трудности, меня измотать не легко, а, во-вторых, я держусь того взгляда, что раз впуталась в историю, так лучше подохни, но не пасуй. Временами, хотя, и бывают настроения, что готова все бросить, на все плюнуть и уйти так, чтобы не слышать о них. Ну, да это бывает только после какого-нибудь глупого чисто детского конфликта в среде Правления. Надо нам отдать справедливость, тут мы делаемся совсем маленькими, глупенькими ребятишками. Все нервничают, кто-нибудь что-нибудь ляпнет, и вот всем показалось это столь трагичным, что вряд ли можно найти выход. Вопрос “ставят ребром” (наше ходячее выражение), стороны уклоняются от прямого ответа и все мучительно страдают несколько часов. За это время инцидент теряет свою остроту, и все идет благополучно по-старому. Сажин (один из новых в Правлении; другой сбежал через 4 дня от слишком трудной работы) <...> прижился к нам, хотя и не так близко, как сжились мы. Отношения с ним вполне хорошие, так что тут тоже нет осложнений. Сейчас начинается гроза, сильно потемнело и идет дождь, а два часа тому назад было голубое небо и жара. Да, относительно “сжились”, ужасные мы все уроды с того света. Живем вместе столько времени, так привыкли друг к другу, что ходим гуськом, и если кто-нибудь уедет, остальные скучают. Вошло у нас в обычай дожидаться приезжающих из Питера, не ложась спать, хотя бы всю ночь. Вчера мы, например, ждали Президиум до 4-х ночи, <...> а между тем мы за все время ни о чем не говорили ни единого раза. Я исключаю разговоры о деле, которое нас сблизило, и о мелочах вроде погоды и т. п.

Много раз было, что, отправившись ночью гулять, дали слово говорить о чем угодно, но не об огородах, и что же? 1) слова два о погоде, 2) две или три остроты друг о друге, 3) одно воспоминание об Институте, и разговор либо прекращается, либо перескакивает на огород <...> и пошло по-старому. Я могу понять и объяснить это у мямлей, беспомощных деток, но ужас в том, что Правление-то можно упрекать в чем угодно, но не в отсутствии энергии и смелости дерзать. Пришибленные все, без винтика. Это очень меня огорчает, потому что хотелось бы не расставаться, а если ничего не изменится, за ликвидацией общего дела наступит и ликвидация наших отношений. Вот примеры того, как мы привязались к огородам и друг к другу. Когда Свинкиной пришлось уехать в Питер, причем она не знала, сможет ли вернуться, то она, как только села на извозчика, так и заревела, а у провожающих тоже подмокли глаза. Зоя Сергеевна уехала на три недели домой в Вятку по неотложным делам (сперва должна была совсем уехать), и вот дело слегка затерло в Петросоюзе, и через два дня она опять в Валу. Что тут делать, как тут быть, как тут горю пособить?...

Про свой отпуск наверное сказать ничего не могу, разве только неутешительную вещь, что он будет не ранее Петрова дня. В этот день у нас будет спектакль, причем он страшно популярен в соседних деревнях, и к нам обещали придти смотреть чуть ли не за 20 верст. Надо будет не упасть лицом в грязь. Хотелось бы принимать участие, да нет возможности.

Ну и расписалась – нечто невероятное! Надеюсь, что не огорчитесь этим.

<...> Знаешь, милая, вчера вечером было довольно холодно, дул ветер и дожило, и мне вдруг ужасно захотелось, вместо того, чтобы писать протокол заседания, поиграть на полу в наших деревянных кукол. Правда, позорный факт для заведующей полем (мой главный чин)? Работа у нас постепенно налаживается, и теперь не весь, даже далеко не весь день необходимо бегать, сломя голову, по полю, чинить сохи, перегонять людей с места на место, подгонять

бочки, мирить артельщиков с огородником, а огородника с инструктором, следить за наемными рабочими и т. п. Дело понемногу встало на рельсы и, правда, очень медленно, с большой осторожностью, но поехало вперед. Последние три дня я и Федорова хозяйничали почти единолично на поле: инструктор был в отпуску, а Батурина, Свинкина и Мандельштам – в Питере. Но и то никакого явного ужаса за это время не случилось. На будущий год буду опытным сельским хозяином, стольким новым словам научилась – беда одна. Хотя все, что тут делается, очень просто и элементарно, так что если хорошо соображать и знать общеизвестные данные насчет ведения огородов, можно недурно справляться. <...> Про что писать, уж, право, не знаю. Да, я тут каждый день купаюсь. Купание очень хорошее: дно песчаное, немножко камышей, и озеро совсем, как у нас в Савитайпеле. Купаемся по нескольку человек (обычно, все правленские девочки), причем наш председатель страшно обижен, что мы его не берем, и ему нет компаньона купаться.

Сейчас было заседание, и я на всякий случай устроила себе отпуск на три недели, начиная с первого августа. Это не исключает, конечно, моего приезда и раньше, дня на четыре. Такие длинные отпуска мы решили взять себе, дабы передохнуть перед зимней работой, т. к. мы не оставляем всех наших планов.

Свеча сгорела, я у окошечка сижу. Пора кончать, мои дорогие, боюсь ослепнуть. Кажется, сегодня выплусь (ура! ура! ура!) – сейчас всего 9.30, для нас отчаянная рань. Да, с деньгами, мусик, чутельку погоди. Нас тут на несколько дней страшно прижало совсем неожиданно. Сейчас получила от Свинкиной 300 р. и пошлю их тебе с нею...

Крепко, крепко целую, мои миленькие.

Н. Григорьева».

«12-07-18

Милые, дорогие, ненаглядные!

<...> Вчера из Питера приехал Мандельштам и нарассказал целую грудку ужасов про город, и в отношении

холеры, и в отношении голода. Беспокоюсь о вас. По-моему, самое хорошее – немедленно выехать сюда, тем более что скоро, вероятно, будет объявлен карантин. На несколько дней как-нибудь поместитесь, а там найдем вам постоянное пристанище. Сарра Дармолатова тоже так приехала, и теперь чудесно поселилась, так что ее снабжают даже хлебом. Если Таня Черносвитова придет к вам рано, позвоните второму Мандельштаму и пошлите с ним ответ (он завтра едет сюда). Не знаю, насколько достоверно то, что Мандельштам рассказывает про Питер, но если верна одна десятая, надо уезжать. Тут же обворожительно!.. Сегодня у нас будет спектакль, и вообще вечер обещает быть веселым...

Крепко целую.

Н. Григорьева».

---

¹ См. подробнее в «Воспоминаниях» Е.Э. Мандельштама (Новый мир. 1995. № 10. С. 145–146).

² Там же. С. 146.

³ Трудночитаемое слово. Возможный вариант: «колу». – *Публ.*

Рюрик Ивнев

С ОСИПОМ МАНДЕЛЬШТАМОМ
НА УКРАИНЕ

Публикуемые здесь фрагменты большой мемуарной книги Рюрика Ивнева, над подготовкой которой к печати работает Н.П. Леонтьев, объединены мандельштамовским «сюжетом» (единственная купюра, сделанная публикатором ради экономии места, посвящена М. Марьямовой). Жанр текста немного ускользающий – дневниковые записи сочетаются со своего рода авторскими комментариями, сделанными, скорее всего, позднее. Собственно говоря, это и есть та самая «украинская эпопея», которую Рюрик Ивнев имел в виду, надписывая Мандельштаму 24 февраля 1921 г. свою книгу «Солнце во гробе» (1921): «Дорогому Осипу Эмильевичу в память украинской эпопеи с братской любовью. Рюрик Ивнев. 24/II–21 М.»¹.

П. Нерлер

...Помню ярко мои встречи с Осипом Мандельштамом, который был там, знакомство с его братом и с Мишей Мильман – славным юношей, работавшем в Центральном Телеграфном агентстве.

Там же я познакомился с миниатюрным человечком, который не мог не обратить на себя внимания – Сергеем Михайловичем Глаголиным. Живой, изобретательный,

остроумный и на редкость доброжелательный, он привлекал к себе всех, кому приходилось с ним сталкиваться.

В Харькове же я познакомился с Георгием Шенгели, напыщенным и ходульным, маленьким поэтом с брюсовской сухостью, но без брюсовского таланта.

С Мандельштамом творилось что-то невероятное, точно кто подменил петербургского Мандельштама. Революция ударила ему в голову, как крепкое вино ударяет в голову человеку, никогда не пившему.

Я никогда не встречал людей, которые бы так, как Осип Мандельштам, одновременно и принимали революцию, и отвергали ее.

Он был похож на заблудившегося ребенка, который никак не может привыкнуть к новой обстановке, к новым условиям, но в отличие от ребенка, он не хотел вернуться в свой дом, впрочем, может быть потому, что у него никогда не было дома.

Если правда, что существует болезнь, при которой человек становится прожорлив, от одной мысли, что продукты питания ограничены и достаются с трудом, то Мандельштам был болен именно этой болезнью, которую, если не ошибаюсь, кто-то назвал «психическим голодом». Я запомнил несколько сцен, свидетелем которых был еще в 1918 году в Москве в «Метрополе», где в то время жили Мандельштам и я, и видел «собственными глазами» как Осип Эмильевич «уминал» буханку черного хлеба без единого глотка воды, и как грыз, точно белка, колотый сахар. Но такие громадные куски, с которыми бы никакая белка не справилась.

Этой чудовищной прожорливостью он славился и в Харькове, где в ту пору, по сравнению с Москвой, было полное изобилие всего съестного.

Осип Эмильевич, точно преследуемый навязчивой мыслью, что все это изобилие вот-вот должно иссякнуть, обедал за троих, ужинал за четверых и поедал невероятное количество сладкого.

Писал в то время очень мало, и ни к какому другому труду не был приспособлен. С фантастической верой, что

мир должен оплачивать его расходы только за то, что он появился на свет, он готов был продать и перепродать свои старые стихи каждому фасаду, над которым красовалась вывеска учреждения, и в недрах которого ютилась бухгалтерия.

Был случай, когда какой-то редактор, зная, что если он выпишет Мандельштаму аванс, не получив от него готовый материал, то Осип Эмильевич к нему больше не покажется на порог, обещал заплатить 100 процентов гонорара, но лишь после получения рукописи. Осипу Эмильевичу нужны были, как всегда, деньги, и он, оговорив, что ему будет выплачен гонорар сейчас же, после вручения рукописи, тут же в редакции сел за стол и начал по памяти записывать свои стихи. Но дело не клеилось, он не мог вспомнить всех стихов, и пошел по линии «наименьшего сопротивления»: переписал одно стихотворение раз двадцать, зная, что редактор не будет читать сейчас же, а деньги заплатит.

И, действительно, редактор, для которого имя Мандельштама было достаточной гарантией, пересчитал лишь страницы, сунул рукопись, или вернее автографы Мандельштама в ящик письменного стола и выписал ему полностью гонорар, добрая часть которого была оставлена Мандельштамом в кафэ, помещавшемся рядом с редакцией.

Харьковские дни, за исключением нескольких встреч и лиц, это какой-то странный провал в моей памяти, но по одной записи, которую я нашел в дневнике, ее я воспроизвожу ниже, очевидно, у меня был неожиданный рецидив пессимистического настроения: я чувствую такую пустыню вокруг себя, такой холод. Думаю и не могу остановиться.

7 апреля поздно вечером у себя (в «Астории») после лекции, которую я только что прочел в зале «Медицинского общества» – «Интеллигенция и народ».

Не знаю, чем объяснить эти настроения – может быть я неудачно прочел лекцию, или меня взволновал контраст между «харьковским изобилием» в кафэ и нищетой, или чем-нибудь другим, но несомненно, во мне были еще не изжиты наивные представления о революции, как о мгновен-

ном исцелении общества от того ужаса и тех несправедливостей, которые утверждались, накапливались и культивировались веками.

Надо было работать, засучив рукава, а я не мог избавиться от привычки рассуждать и анализировать. Это было тоже болезнью – более поэтической, чем мандельштамовская, но не менее опустошающая душу.

Не помню, при каких обстоятельствах, но в конце апреля состоялась моя поездка в Киев, возможно, что вместе с О.Э. Мандельштамом. Мы остановились с ним в гостинице «Континенталь». Киев произвел не меня чарующее впечатление.

Как редки вечера такие,
Вот здесь стоял бы до утра,
Смотря с моста на пестрый Киев,
На гладь широкую Днепра.

Я подолгу стоял на всячем мосту, любуясь городом, утопавшем в зелени.

Весна, шум незнакомого до этого времени города, неожиданный и случайный приезд, новые знакомства, какая-то своеобразная неопределенность пребывания – все это действовало как-то особенно возбуждающе.

Мне запомнились блуждания в Купеческом Саду, первомайский праздник, и особенно ярко – посещение Лавры.

Из дневника 1919 года:

2 мая:

Какой невероятный контраст! На улице солнце, флаги, музыка, войска. В монастырском дворе – тень, тишина, нищенки. Первомайские летучки попали в церковный двор. Нищенка спросила: «Что там такое написано?» Другая что-то пробурчала. Первая сказала: «Лучше бы по куску хлеба дали, чем листки разбрасывать».

В церковных дверях стоял старый священник – хмуро и сурово, но не зло смотревший на первомайские празд-

нества. Из церкви вышел монах – молодой, бледный и стал истово крестить толпу. За ним стоял псаломщик – высокий, добродушный. Тот смотрел изумительно добрыми, улыбающимися глазами на толпу.

Мы вошли во внутрь церковного двора (я и О.Э. Мандельштам). О.Э. сказал (показывая на церковные стены): «Поверьте, что все это переживет все...»

Я почувствовал впервые за все это время (годы революций), что одни стены ничего не сделают, что нужно, нужно какое-то примирение между «1 мая» и церковью (не голыми стенами, а душой церкви). Как это сделать, я не знаю. Знаю хорошо и твердо одно: ни церковь без «1 мая», ни «1 мая» без церкви в отдельности не спасут человечество. А ведь все происходящее творится под знаменем «спасения человечества». Под церковью я понимаю не узко догматический институт, а Христа живого, измученного, с бесконечной любовью ко всему живущему.

Боже! Боже! До какой степени я опустился! Я пишу и чувствую, что я уже никогда не поднимусь до настоящего подвига, до настоящей «жизни». Может быть меня будет мучить совесть – но ведь это все «писательство» – все на бумаге, а в жизни я стал совершенно неузнаваем, еще хуже, чем раньше: все «дела» суета, беготня по редакциям, «литературные» кафэ и т.п. Боже мой! Как мне страшно. Что я сделал из себя? Нет сил. Плыву по течению. В монастыре мне скажут: еврей – враг – и я там буду также мучиться, потому что моя совесть никогда не примирится с тем, что праведен только православный. Боже мой! Как тяжело мне. Но все же я пойду поговорить с кем-нибудь из монашествующих.

Вчера мы ездили в Лавру. Ездили безобразно, глупо, по-мальчишески, только так, чтобы проехаться и посмотреть пещеры. Таким я и рисовал себе прежде это путешествие. О.Э. был в Лавре тоже, но на него Лавра произвела удручающее впечатление. Когда я спросил его – почему, он ответил: «Разве вы не видите, что здесь та же “чрезвычайка”, только “на выворот”. Здесь нет “святости”».

Мне было больно это слышать, но зачем же тогда попадавшиеся нам монахи смотрели так враждебно на еврейские лица Осипа Эмильевича и, особенно, на его брата – типичного еврея Александра Эмильевича? Ведь эти взгляды действительно далеки от «святости».

Пожалуй, весь ужас для меня в том, что я слишком слаб для того, чтобы создать новую религию, а она нужна, как воздух, и мне, измученному, исковерканному и слабому – и человечеству – не менее измученному и не менее слабому.

1 мая. Днем. Церковный двор. Софийская пл.<ощадь> – 2 мая. Вечер. У себя в «Континентале». Киев.

Почему-то вспомнил Караклис, горы, деревья, какую-то шумную горную речку, Подумал: что там делается теперь, вот сейчас. Захотелось перенестись туда на один миг.

10 мая вечером. Соловцовский театр на пьесе «Святой источник».

Р. S. Думал неуклонно о монастыре. Было так невыносимо тоскливо. Чувствовал, что только монастырь спасает меня и вливает в меня силы.

Сколько лет уже прошло, как я бичую себя, и всё остается на своем месте. Я ничуть не делаюсь лучше. Скорее обратное: совесть ... притупляется. Я так же зол и подл и мелочен, как и прежде. Это невыносимо. Неужели мне суждено до гроба тащить за собой свою подлость. Неужели я от нее не освобожусь!..

Ночь на 11 мая. У себя в комнате.

В отчаянии от моей подлости и мерзости.

Одна из главных достопримечательностей Лавры – так называемые пещеры – подземные лабиринты, в которых без знающего все входы и выходы легко можно заблудиться.

Все пещеры усеяны гробницами, бесконечным количеством «святых мощей».

Это – целый подземный город, созданный монахами и игравший во времена Империи роль оплота реакции и мракобесия. Это, конечно, не исключало того, что наряду с плутами и политиками в рясах здесь жили отдельные праведники, аскеты и люди с высокой духовной культурой.

Эту поездку в Лавру мы с О.Э. потом часто вспоминали. На несколько дней совершенно неожиданно в Киев приехали Мариенгоф и Есенин.

Было подготовлено наше совместное выступление, напечатана необыкновенно претенциозная афиша, но почему-то вечер так и не состоялся. Устроитель вечера, импрессарио (фамилию забыл) был очень забавный киевский еврей, которого бесконечно «разыгрывали» О.Э. и С.М. Глаголин.

Этот импрессарио всегда надоедал расспросами: «Как вы думаете, “зеленые” могут ворваться в Киев?» (Он был страшно напуган возможностью еврейского погрома, который устраивали рыскавшие невдалеке от Киева банды «зеленых»).

О.Э. шутя сказал ему:

– Вот Рюрик Ивнев смелее вас. Ведь он тоже еврей, а не боится погромов.

– Как, вы еврей? – спросил меня импрессарио.

– Нет, – ответил я, – О.Э. шутит, я не еврей.

О.Э. продолжал его разыгрывать, так что наш импрессарио уже совсем запутался и не мог разобраться, где шутка, где правда. Когда же в ответ на его приставания, будут ли устраивать «зеленые» погромы и «вспарывать евреям кишки», я засмеялся и сказал:

– Ну, слушайте, зачем они будут вспарывать нам кишки, что у нас там, золото, что ли?

Он захлопал в ладоши и воскликнул:

Ну, тепер я вижу, что вы действительно еврей.

<...>

Атмосфера в Киеве была накалена. В гостинице «Континенталь» тревожно. Кто-то рассказывает в коридо-

ре, что в ближайшие дни петлюровцы могут прорваться в Киев. Хлопают двери. Надо закрыть окно. Вечереет, но воздух еще прозрачен. Выходить на улицу нет смысла. Доносится звон разбитого стекла. Я возвращаюсь в свой номер, похожий на антикварный островок среди мрачно застывшего сказочного моря. Читать не хочется. Думать – тоже. За день накопилось слишком много впечатлений. Ложусь спать. Ночью просыпаюсь от страшного шума. Наспех одеваюсь, выхожу в коридор. Из соседнего номера выбегает человек в одном нижнем белье. Он пронесится мимо. Как потом выяснилось, соседу приснился сон, что в гостиницу ворвались петлюровцы. Он выбежал на улицу. В городе было спокойно. Только тогда он сообразил, что петлюровцы ворвались не в город, а в его сон. Сконфуженный, побежал обратно. Утром на него показывали пальцем. Он пытался оправдываться, но никому не было дела до его сновидений. Никто не видел его сна, но запомнили белые кальсоны и осколки трюмо, которое он разбил, зацепив при поспешном бегстве. Он проклинал себя и этот дурацкий сон. Но ему нечего было бояться, он не военный комиссар, а всего лишь помощник бухгалтера.

Мои глаза разбегаются. Я не знаю, с чего начать, – с разбитого трюмо, с огромной двуспальной кровати с горой взбитых подушек или с шубы, распростертой на столе мехом кверху. Все это просилось на бумагу, но ее не было под рукой. Может быть, завтра будет проливной дождь. Тогда, вместо того, чтобы лежать на берегу Днепра и смотреть на перистые облака, я займусь этим делом.

Толстый рыхлый портной подтягивает спадающие брюки, а из соседней комнаты раздаются громкие голоса его жены и спорящих с ней детей. Мне было видно, как они сидят, тесно прижавшись друг к другу, умудряясь в то же время размахивать руками.

– Я хочу заработать на этой шубе сто рублей, – хвастался своей откровенностью портной. – Мне ее дали на комиссию. Надо немного омолодить ее, и она прослужит еще пятьдесят лет.

Покупатель стоял ко мне боком. Я встречался с ним раньше и мы были знакомы. Вдруг его лицо сделалось совсем другим, постаревшим на много лет, как будто он заглянул на свое будущее. Так меняются только предметы, освещенные с разных сторон. Я до сих пор помню одну пуговицу, которая лежала на мостовой, освещенная солнцем. Она была похожа на изумруд, а когда через несколько минут солнце зашло, я не смог ее найти. Она так изменилась, что как бы просто исчезла, хотя лежала на прежнем месте.

Шуба, очевидно, стоила очень дорого. Она стала значительным событием для портного. Я смотрел на все это глазами случайного и равнодушного свидетеля и видел то, чего не видел портной, занятый своим, важным для него делом. Я видел, что сумма, о которой он говорил с покупателями (попросту говоря, торговался), меняла их лица и движения. Бедная шуба была, должно быть, недовольна той бесцеремонностью, с которой с ней обращались. Она лежала на столе беспомощная и покорная, как бы подчеркивая своим спокойствием, что она вещь, пусть дорогая, великолепного материала и безукоризненного покроя, но все же вещь, и только вещь, которой и распоряжаются, как вещью. Таково ее назначение в жизни.

Шубу трясли, переворачивали, ощупывали, вспарывали воротник, чтобы убедиться, что он сшит не из отдельных лоскутков. Бобровый воротник топорщился, и даже было похоже на то, что он не считает себя принадлежащим шубе, а чувствует свою весьма относительную, но все же самостоятельность.

Покупатель, наконец, убедился, что шуба настоящая, не поддельная и действительно дорогостоящая.

Я стоял в стороне и думал, Ведь эта шуба, несомненно, имеет свою историю. Ее носил не студент и не мелкий служащий. Она принадлежала какому-нибудь сановнику или купцу. Вихрь революции забросил ее на стол портного, ставшего комиссионером. Но это только продолжение ее истории, а не начало. Советский Киев 1919 года помнит

многое. Быть может, еще недавно чубатый петлюровец накинул эту шубу на свои лошадиные плечи и скалил зубы. Зеркало, случайно еще не разбитое, отражало его минутное торжество. За окном сгущались лиловые сумерки. Но что со мной случилось? Я только сейчас вспомнил, что в Харькове Осип Мандельштам рассказывал мне историю одной шубы. Может быть, это и была та самая шуба. Кто знает? Во всяком случае, по рассказу очевидца, узкогрудый адвокат, фамилию которого я забыл, впал в отчаяние, когда в его квартиру ворвались петлюровцы, один из которых был в шубе с бобровым воротником. Адвокат – молодой, только что начавший практику, занимал скромную квартиру без дорогих картин и статуй, поэтому ему легко было убедить петлюровцев, что они ошиблись дверью. Настоящий миллионер живет этажом выше.

Уже потом он рассказывал Мандельштаму, что долгое время проклинал себя за растерянность и подлость, ибо бандиты и так бы ушли от него, видя, что нечем поживиться, а он с испугу брякнул им насчет квартиры миллионера. И он же рассказывал Мандельштаму, что молодой петлюровец в бобровой шубе кривил губы и презрительно щурил глаза, не находя ни одной вещи, стоящей внимания. А, через несколько дней, встретив Мандельштама на улице, он dokonчил свой рассказ.

– Его застрелили, – сказал адвокат.

В первую минуту Мандельштам ничего не понял.

– Кого? – спросил он удивленно

– Помните, я говорил вам про петлюровца в бобровой шубе.

– Его убили?

– Свои же. В драке. Я видел. Он лежал на мостовой с простреленным виском. И все же мне казалось, что он скалит зубы и смеется над жизнью и над нами, маленькими трусливыми зверьками. Рядом с ним сиротливо лежала его шуба, но она не успела оплакать своего минутного владельца, так как на моих глазах другой петлюровец поднял ее и напялил на свои плечи. Адвокат сказал Мандельштаму, что он не понимает, что творится на свете.

Осип Эмильевич ответил:

– Это же не судоговорение. Мало ли пуль и бомб бросает История к ногам испуганных горожан.

Адвокат продолжал:

Он стоял перед Мандельштамом узкогрудый, растерянный, с поникшей головой. Стоял и кусал губы. Мандельштам рассказывал мне, что он испытал страшную боль, но не знал, чем может помочь адвокату и какими словами его можно утешить.

– Мне надо было бы ворваться в ту комнату, где бесчинствовали погромщики и убить одного из них и самому быть убитым. Тогда хотя бы мертвым, я мог бы себя уважать. Узнав об этом от Мандельштама, я подумал: «У шубы нашелся товарищ по несчастью. Это – адвокат, беспомощный, растерянный. Значит и человек бывает вещью, которой распоряжаются другие»... И я представил себе, как он лежит на столе, как еще недавно лежала шуба, и молчит, когда его тормозят, трясут и перетряхивают.

– Ну, что же, – говорит покупатель, – я куплю эту шубу, если вы мне ее уступите за 80 рублей.

Портной подтягивает брюки.

– С семьей такая возня, а у меня живет сестра с двумя детьми. И они тоже хотят есть.

Вспоминая Киев того времени, нельзя не вспомнить какого-то особенного ощущения легкости и беззаботности, которая накладывала отпечаток на нашу жизнь.

Старые формы жизни были сломаны, новые – воздвигались на наших глазах. Во всей этой стройке было что-то детское, наивное, свежее. Мы не знали, что будет с нами завтра, и в этом была какая-то особенная прелесть.

С фронта приходили приятно возбуждающие вести: наши войска брали один за другим города у белых, и Крым становился советским.

О.Э. Мандельштам ходил взбудораженный, точно опьяненный и говорил: «К лету завоевываются курорты».

Никто не понимал, почему у рабочего на плакате появились вдруг генеральские эполеты. Они выступали, как золотистая кожа персика из-за синей косоворотки. Я чуть не поперхнулся. Дождь лил, как из ведра. Главным виновником происшедшего был непрерывный ливень, пронесшийся над украшенным флагами Киевом. Еще утром сверкало, как солнце, голубое фаянсовое небо. Церкви не могли скрыть блеск куполов. У массивной стены монастыря жались монахи. После полудня над городом стали сгущаться тучи. Монахи заулыбались. Дождь измочил флаги и испортил первомайские плакаты, людей разогнал по домам. Из всех плакатов не пострадал только тот, что висел над входом в РОСТА, но и с ним не все было благополучно. На глазах у всех рабочий превратился в генерала. Старая сморщенная женщина рассказывает монаху, что она сама видела, как генерал прогнал рабочего на плакате и сам встал на его место.

Но вот ливень пронесся, и небо прояснилось. Яркие лучи горячего солнца быстро высушили лужи, и город снова принял свой праздничный вид. Плакат над РОСТА сняли и унесли в канцелярию тихо и осторожно, точно в операционную. Тайна художника лежала на носилках. Дверь была открыта для осмотра всем желающим. Получив заказ нарисовать плакат с изображением рабочего, художник начал искать материал, но ничего не нашел. Отправился в кладовую бывшего ОСВАГа и вытащил чудом не уничтоженный портрет какого-то генерала, написанный на полотне. Не задумываясь, время дорого, намалевал на нем фигуру улыбающегося рабочего, не подозревая, чем кончится его затея.

В то время как в Киеве кипела жизнь, Петербург приходил в упадок. Вот что записано у меня в дневнике 1919 года.

«У себя, ночь на 14 мая:

Приехал пианист Дубянский из Петербурга. Рассказывает всякие ужасы: холод, голод, мертвенность улиц. «Петербург быть пусту». Сбылось это ужасное пророчество. Рассказы Дубянского меня расстроили совершенно.

Мне стало невыносимо тоскливо. Я вспомнил Петербург в дни его могущества, и сердце разрывается при мысли, чем он стал. Мне бесконечно больно за Сологуба, который буквально голодает, по рассказам Дубянского. Мережковский и Гиппиус собираются уехать в Швецию. Все разбито, разрушено. Несмотря на то, что все они, должно быть, ненавидят меня за мой “большевизм”, мне их бесконечно жаль, даже больше, я чувствую, как часть их страданий падает на мои плечи. Все мы одинаково слабы и ничтожны.

Господи, прости нам, прости.

Так было, так будет».

Прежде чем вернуться в Москву, я решил на месяц съездить в Крым. О.Э. тоже рвался туда.

Мы выехали в Харьков с тем, чтобы оттуда ехать в Ялту.

Из дневника 1919 года:

«Человек, не умеющий есть так, чтобы другому не было противно, не может называться человеком.

22 мая 19. Харьков. Днем. Вегетарианская столовая. Смотря на безобразно обедающее существо».

В мае 1919 года после освобождения от белых банд Крымского полуострова А.В. Луначарский пролонгирует мою командировку в Крым.

Я не помню, как это случилось, но я выехал из Харькова в июне не с Шенгели и Мандельштамом (может быть, они поехали позже или раньше), а с поэтом Григорием Петниковым. Он служил в Красной Армии в качестве сотрудника Политуправления. Ехали мы в теплушке до Симферополя. В этой же теплушке ехал Ставский, будущий Секретарь Союза советских писателей...

Публикация Н. Леонтьева

---

¹ Соколова Н. Кое-что вокруг Мандельштама. Разрозненные странички. // Сохрани мою речь. Вып. 3. Ч. 2. М., 2000. С. 83.

В. Зарубин

АРЕСТ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА
В ФЕОДОСИИ В 1920 г.¹

В годы Гражданской войны О.Э. Мандельштам вместе с братом Александром оказался в Крыму, неоднократно переходившем тогда из рук в руки. В июне 1919 г. пала Крымская Советская Социалистическая Республика, и вся территория полуострова перешла под контроль Добровольческой армии. Была восстановлена Таврическая губерния, в состав которой, как и прежде, включены Бердянский, Мелитопольский и Днепровский уезды. Приказом Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) А.И. Деникина генерал-лейтенант Н.Н. Шиллинг назначается Главноначальствующим Таврической губернии, позже вошедшей в Новороссийскую область. Фактически же зимой в Крыму распоряжается генерал-майор Я.А. Слащев, командующий 3-м корпусом, переименованным за успешные действия по обороне полуострова от красных А.И. Деникиным в Крымский (впоследствии – 2-й корпус Русской армии). Край узнал все «прелести» правления военных².

Осип Эмильевич и его брат проживали в это время на даче И.П. Харламова в Коктебеле, бывшем в то время достаточно глухим местом.

Первый раз братьев попытался арестовать зимой 1919 г. пьяный казацкий есаул. Как вспоминал постоянно проживавший здесь в своем доме М.А. Волошин, «этот

есаул откуда-то свалился в деревню Коктебель и пил безвыходно несколько дней, а потом, спохватившись, нашелся: “Есть ли у Вас в Коктебеле жида?” Крестьяне очень предупредительно ответили: “Как же – двое есть – у моря живут всю зиму – братья Мандельштамы”. Есаул тотчас же отправился к ним делать обыск. Он сидел посреди комнаты, икал во все стороны и рассматривал книги, случайно попавшие ему в руки. “А это Е в а н г е л и е, моя любимая книга – я никогда с ним не расстаюсь”, – говорил Мандельштам взволнованным голосом». Поэт обратился за помощью к Волошину: «Макс Алекс[андрович], сейчас за мной пришел какой-то казацкий есаул и хочет меня арестовать. Пойдемте со мной. Я боюсь исчезнуть неизвестно куда. Вы знаете, как белые относятся к евреям». Волошин тотчас отправился с ним на дачу. Осип Эмильевич был совершенно растерян. Он неожиданно заявил есаулу: «А это Волошин – местный дачевладелец. Знаете что? Арестуйте лучше его, чем меня». Это он говорил в полном забвении чувств. На есаула такие слова подействовали, и он сказал: «Хорошо. Я Вас арестую, если М[андельшта]м завтра не явится в Феодосию в 10 ч[асов] утра»³.

История закончилась благополучно благодаря полковнику А.В. Цыгальскому (1880–1941), военному инженеру, преподававшему в Феодосии юнкерам артиллерийское дело, поэту и почитателю творчества Осипа Эмильевича (ему Мандельштам посвятил очерк «Бармы закона» из цикла «Феодосия»). «Полковник Цыгальский няньчил сестру, слабоумную и плачущую, и больного орла, жалкого, слепого, с перебитыми лапами, – орла добровольческой армии. В одном углу его жилища как бы незримо копошился под шипенье примуса эмблематический орел, а в другом, кутаясь в шинель или в пуховый платок, жалась сестра, похожая на сумасшедшую гадалку. Запасные лаковые сапоги просились не в Москву, молодцами-скороходами, а скорее на базар. Цыгальский создан был, чтобы кого-нибудь няньчить и особенно беречь чей-нибудь сон. И он и сестра похожи были на слепых, но в зрачках полковника, светившихся агатовой чернотой и женской добротой, застоялась темная

решимость поводыря, а у сестры только коровий испуг». В стихах Цыгальского было выражение: «Мне все равно, с царем или без трону», а будущая Россия представлялась «увенчанная бармами закона»⁴. Полковник – «нянька с бармами закона» не допустил ареста Мандельштама.

Летом 1920 г., когда Крымом управлял генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель, сменивший 4 апреля А.И. Деникина на посту Главнокомандующего ВСЮР (впоследствии – Русской армией), поэт собирался покинуть полуостров, но в Феодосийском порту был неожиданно арестован. По свидетельству И.Г. Эренбурга, который в то время проживал в Коктебеле, причиной ареста послужило заявление какой-то женщины, будто Осип Эмильевич, служа у красных, пытал ее в Одессе⁵.

Подавленный недобрыми предчувствиями, поэт прерывает следователя фразой – ее приводят и Эренбург и Волошин: «А что, у Вас невинных иногда отпускают?» В ответ, согласно легенде, последовало: «Сначала лишаем невинности, а потом отпускаем». «Когда его заперли в одиночку, он начал стучать в дверь, а на вопрос надзирателя, что ему нужно, ответил: “Вы должны меня выпустить – я не создан для тюрьмы...”»⁶ Тюремщики посчитали, что Мандельштам симулирует сумасшествие, и перевели в психиатрическое отделение тюремной больницы⁷.

Участь поэта в заключении была незавидной. Александр Мандельштам сообщил об аресте в Коктебель, надеясь на помощь находившихся там литераторов, прежде всего – на М.А. Волошина. Однако тот был в ссоре с Осипом Эмильевичем, усугубившейся откровенно оскорбительным письмом поэта в адрес Волошина. Первая попытка уговорить Волошина, предпринятая княгиней М.П. Кудашевой (урожденной Кювилье) (1895–1985), поэтессой, вдовой офицера белой армии, погибшего в бою, в будущем – женой Романа Роллана, взявшей его фамилию, к которой Мандельштам был одно время равнодушен, окончилась неудачей. Вторым к Волошину отправился Э.Л. Миндлин, выслушавший подробно наставления Эренбурга (тоже, кстати, пребывавшего в ссоре с Волошиным).

И вторая попытка закончилась ничем. Волошин к тому же вспомнил о письме к нему Мандельштама и категорически отказался помогать, ссылаясь на свою болезнь.

Наконец, пошел Эренбург. По его словам, Волошина вообще не пришлось уговаривать. Возможно, Волошин искал примирения с Эренбургом и воспользовался поводом⁸.

Сам М.А. Волошин вспоминал в 1932 г.: «Тогда все друзья М[андельш]тама стали меня уговаривать, что я д о л ж е н за него заступиться. Раньше я мог делать или не делать. Это было в моей воле. А теперь (после того, как он мне написал ругательное письмо), я о б я з а н ему помочь. Напрасно я им доказывал, что сейчас не могу ехать в Феодосию, т. к. у меня болит рука и я никого из влиятельных лиц в Добр[ольческой] армии не знаю»⁹.

В конце концов, Волошин продиктовал письмо начальнику контрразведки Апостолову, которого совершенно не знал («но он твоё имя знает...»): «М[илостивый] Г[осударь]! До слуха моего дошло, что на днях арестован подведомственными Вам чинами – поэт Иос[иф] Мандельштам. Т[ак] к[ак] Вы, по должности, Вами занимаемой, не обязаны знать русской поэзии и вовсе не слышали имени поэта Мандельштама и его заслуг в области русской лирики, то считаем своим долгом предупредить Вас, что он занимает в русской поэзии очень к[р]упное¹⁰ и славное место. Кроме того, он человек крайне панический и, в случае, если под влиянием перепуга, способен на всякие безумства. И, в конце концов, если что-нибудь с ним случится, – Вы перед русской читающей публикой будете ответственны за его судьбу. Сколько верны дошедшие до меня слухи – я не знаю. Мне говорили, что Мандельштам обвиняется в службе у большевиков. В этом отношении я могу Вас успокоить вполне: Мандельштам ни к какой службе вообще не способен, а также и к политическим убеждениям: этим он никогда в жизни не страдал»¹¹.

Письмо поехала вручать Майя Кудашева. С ней в контрразведку (по Э.Л. Миндлину) явились известный писатель В.В. Вересаев и упоминавшийся А.В. Цыгальский. Княжеский титул Кудашевой сыграл свою роль: при-

нята она была весьма любезно. Правда, письмо Волошина вызвало у начальника контрразведки недоумение: «А кто же такой Волошин? Почему же он мне так пишет?» – «Поэт... Он со всеми так разговаривает...» – отвечала Майя «высоким и наивным голоском». Волошин признавал, что «письмо нарочно было написано в таком духе: оно было корректно, но на самом лезвии. Оно звучало как личное оскорбление и поэтому запоминалось. Это был обычный тон моих отношений с Д[оброволь]ческой армией. Нач[альник] к[онтр]разведки очень недовольным жестом сложил бумагу и сунул в боковой карман. И на другой день велел отпустить Мандельштама»¹².

Миндлин вспоминал, что друзья Мандельштама послали известному писателю А.Т. Аверченко, проживавшему тогда в Севастополе и публиковавшемуся в крымских газетах, телеграмму с просьбой вмешаться в судьбу арестованного. «Аверченко подтвердил телеграммой, что хорошо знает Мандельштама как замечательного поэта, знаком с ним по Петрограду, и ходатайствовал об освобождении поэта, далекого от всякой политики». Правда, мемуарист не помнил, пришел ли ответ Аверченко до или после освобождения Мандельштама¹³.

Не будем забывать и о том, что, по И.Г. Эренбургу, «у Осипа Эмильевича было в Феодосии много знакомых: либеральные адвокаты, еврейские купцы, любители литературы, начинающие поэты, портовые служащие»¹⁴. Вполне возможно, кто-то из них тоже хлопотал за Мандельштама.

Свою версию освобождения из тюрьмы О.Э. Мандельштама излагает Н.Я. Мандельштам. Во «Второй книге» она пишет: «На самом деле было так: до Коктебеля дошел слух об аресте Мандельштама, случившемся перед самым отъездом в Грузию <...> Эренбург бросился к Волошину и с огромным трудом заставил его сдвинуться с места и поехать в Феодосию, чтобы спасти арестованного. В те годы, как и потом, впрочем, ничего не стоило отправить на тот свет случайно попавшегося человека. Связи у Волошина были огромные: он был местной достоприме-

чательностью. Волошин проканителел несколько дней, а когда явился в Феодосию, Мандельштама уже выпустили на свободу. Своим освобождением он обязан полковнику Цыгальскому <...> Что же касается Волошина, я, думаю, что никакого обмана не было. Вернувшись, он просто сказал Эренбургу, что Мандельштам выпущен, а Эренбург решил, что вытащил его Волошин»¹⁵.

Однако нельзя отрицать того факта, что М.А. Волошин искренне стремился оказать помощь попавшему в беду человеку. Сохранился черновик его письма П.Б. Струве, начальнику управления иностранных дел (внешних сношений) Совета начальников управлений при Главнокомандующем Русской армией (Правителе Юга России) П.Н. Врангеле, где сообщается, что Мандельштам арестован уже две недели назад. Считая обвинение его в большевизме совершенно нелепым, Волошин просит освободить поэта на поруки или хотя бы ускорить производство следствия¹⁶.

Освободившись из тюрьмы, поэт, благодаря содействию начальника феодосийского торгового порта капитана 2-го ранга А.А. Новинского (1878–1960), давнего знакомого М.А. Волошина, любителя поэзии, в 1916 г. инициировавшего создание в Феодосии Литературно-художественного общества¹⁷, как-то приютившего О.Э. Мандельштама на ночь в управлении порта (поэт посвятил ему очерк «Начальник порта» из цикла «Феодосия», называя «добрым меценатом», «морским котенком в пробковом тропическом шлеме», «человеком, который, сладко зажмурившись, глядел в лицо истории, отвечая на дерзкие ее выходки нежным мурлыканьем», но при этом «морским божеством города и по-своему Нептуном», «начальником моря», «покровителем купцов, вдохновителем таможни и биржевого фонтана», «коньячным, ниточным, валютным, одним словом, гражданским морским богом»¹⁸), отправился морем в Батум. В меньшевистской Грузии, кстати, его снова арестовали, на сей раз как двойного агента – большевиков и Врангеля.

В Государственном архиве в Автономной Республике Крым (ГААРК) в фонде прокурора симферопольского

окружного суда (ф. 483. Оп. 4) мною было обнаружено дело «Переписка о Мандельштаме, обвиненного в большевизме» (д. 1367, орфография источника), состоящее из двух документов (машинописные копии), касающихся ареста поэта.

24 июля (ст. стиль) 1920 г. начальник Феодосийского наблюдательного пункта полковник Астафьев и офицер для поручений подполковник (подпись неразборчива) направляют для сведения товарищу прокурора Симферопольского окружного суда по Феодосийскому участку следующий документ № 1397 (секретно):

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

1920 года июля 22 дня в г. Феодосии я, начальник Феодосийского Наблюдательного Пункта Особого Отдела Штаба Главкомандующего В.С.Ю.Р. Полковник АСТАФЬЕВ, имея в виду, что на задержанного Иосифа МАНДЕЛЬШТАМА упадет основательное подозрение в принадлежности его к партии коммунистов-большевиков, руководствуясь § 4 Раздела I Правил производства расследований чинами К.Р. (контрразведки. – В. З.) ПОСТАНОВИЛ: впредь до выяснения всех обстоятельств дела подвергнуть названного МАНДЕЛЬШТАМА личному предварительному задержанию в Феодосийской тюрьме, о чем ему объявить.

Подлинное подписал Начальник Феодосийского Наблюдательного Пункта Полковник Астафьев

С подлинным верно Помощник Начальника пункта подполковник (подпись неразборчива. – В. З.)¹⁹.

Текст другого документа от 1 августа № 1553, препровожденного для сведения помощником начальника Феодосийского наблюдательного пункта подполковником (подпись неразборчива) и обер-офицером для поручений подпоручиком (подпись неразборчива) товарищу прокурора Симферопольского окружного суда по Феодосийскому участку:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

1920 года августа 1-го дня в г. Феодосия я, Начальник Феодосийского Наблюдательного Пункта Особого Отдела Штаба Главнокомандующего В.С.Ю.Р. Полковник АСТАФЬЕВ, рассмотрев расследование, произведенное в отношении Иосифа Эмильевича МАНДЕЛЬШТАМА, возникшее по павшему на него подозрению в принадлежности к партии большевиков-коммунистов и в участии его в деятельности чрезвычайной комиссии этой партии в г. Феодосии, НАШЕЛ: произведенными расследованиями и опросами по делу подозрение это подтверждения не получило, а потому и, принимая во внимание заключение Товарища Прокурора Симферопольского Окружного Суда по Феодосийскому участку, изложенное в сношении от 31-го июля с.г. за № 860, ПОСТАНОВИЛ: Иосифа Эмильевича МАНДЕЛЬШТАМА из под стражи освободить, а расследование о нем препроводить в Особый Отдел при штабе Главнокомандующего.

Подлинное подписал
Полковник Астафьев

(Надпись от руки): С подлинным верно
Обер-офицер для поручений Подпоручик (подпись неразборчива. – В. З.)²⁰.

Таким образом, выявленные документы позволяют определить даты ареста О.Э. Мандельштама в Феодосии и предъявленное ему официальное обвинение.

---

¹ Настоящая работа является расширенной версией ранее опубликованных статей: *Зарубин В.Г.* К вопросу об аресте О.Э. Мандельштама в Крыму (По материалам Центрального Государственного Архива Крыма) // Русская культура и Восток: Материалы III Крымских Пушкинских чтений. 13–19 сентября 1993 г. Бахчисарай; Симферополь, 1993. С. 78; *Он же.* Об аресте О.Э. Мандельштама в

- Крым (1920 г.) // Крымский контекст. Симферополь, 1996. № 4. С. 71–72; *Он же*. Об аресте О.Э. Мандельштама в Крыму в 1920 г. // Евреи Крыма. Очерки истории. М.; Иерусалим, 1997. С. 86–89. Автор выражает искреннюю признательность В.П. Купченко (1938–2004) за помощь, оказанную при подготовке данной работы.
- ² См. подробнее об этом периоде: *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 210–322; *Зарубин В.Г.* Гражданская война // Крым сквозь тысячелетия. Симферополь, 2004. С. 456–469.
- ³ *Волошин М.А.* О Мандельштаме, Эренбурге и других. Мое последнее пребывание в Париже // Путник по Вселенным. М., 1990. С. 300–301.
- ⁴ *Мандельштам О.* Бармы закона // Египетская марка. М., 1991. С. 182–183 (репринт).
- ⁵ *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Воспоминания: В 3 т. М., 1990. Т. 1. С. 146.
- ⁶ Там же. С. 308.
- ⁷ *Купченко В.П.* Странствие Максимилиана Волошина: Документальное повествование. СПб., 1997. С. 296.
- ⁸ *Миндлин Э.Л.* Из книги «Необыкновенные собеседники» // Волошин М.А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М., 1991. С. 388–390.
- ⁹ *Волошин М.А.* Указ. соч. С. 302.
- ¹⁰ В.Г. Перельмутер обратил внимание здесь на парафраз письма В.А. Жуковского, который писал А.Х. Бенкендорфу об А.С. Пушкине: «Ведь Вы не имеете времени заниматься русской литературой и должны в этом случае полагаться на мнение других» (*Купченко В.П., Давыдов З.Д.* Комментарии // Волошин М.А. Указ. соч. С. 368).
- ¹¹ *Волошин М.А.* Указ. соч. С. 303.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Миндлин Э.Л.* Указ. соч. С. 389.
- ¹⁴ *Эренбург И.Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 308.
- ¹⁵ Цит. по: *Фрезинский Б.Я.* Комментарии // Эренбург И.Г. Указ. соч. Т. 1. С. 580–581.
- ¹⁶ *Купченко В.П.* Указ. соч. С. 297.

Публикации и материалы к биографии О.Э. Мандельштама

- ¹⁷ См.: *Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб., 2002. С. 410–412, 470.
- ¹⁸ См.: *Мандельштам О.* Собрание сочинений: в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 393–396.
- ¹⁹ ГААРК. Ф. 483. Оп. 4. Д. 1367. Л. 2.
- ²⁰ Там же. Л. 1 об.

Н. Александрова

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ В РОСТОВЕ

Нина Иосифовна Александрова (в девичестве Гербстман) родилась в октябре 1904 г. в Ростове-на-Дону, в семье Иосифа Гербстмана, известного в городе врача. Сочинять стихи начала рано, в 14 лет она уже публиковалась в ростовском журнале «Светлый путь». Активная участница СОПО – Ростовского Союза поэтов, существовавшего в городе в начале 1920-х годов. Под псевдонимом Нина Грацианская (впоследствии она им практически не пользовалась) выпустила два сборника стихотворений – «Сейф сердец» (Москва, 1922) и «На стремених» (Ростов-на-Дону, 1925). Оба позднее были признаны упадочническими, что стало одним из поводов для исключения Н.И. Александровой в 1952 г. из членов КПСС (!). В 20–30-х годах работала в местных газетах, в радиокомитете, областном доме художественного творчества детей. В 1943 г. в киргизском городе Оше Нина Иосифовна закончила историко-филологический факультет эвакуированного туда Ростовского госуниверситета. В конце 40 – начале 50-х годов работала в Ростовском пединституте, а начиная с 1954 г. и вплоть до выхода на пенсию – в областной научной библиотеке им. К. Маркса (ныне Донская государственная публичная библиотека). В 1971 г. она начала писать воспоминания, где рассказывала о своих встречах с Бальмонтом, Городецким, Есениным,

с известными грузинскими поэтами, с Мандельштамом, о дружбе с поэтессой Сусанной Мар. Завершить этот труд Нина Иосифовна не успела: она умерла 30 июля 1990 г.

Фрагменты из воспоминаний Н.И. Александровой в изрядно отредактированном виде публиковались в журнале «Дон» (1997. № 4. С. 232–245). В настоящем издании отрывок о пребывании Осипа Мандельштама в Ростове-на-Дону приводится по копии, в 1979 году подаренной Н.И. Александровой С.В. Василенко. Публикатор благодарит С.В. Василенко за всестороннюю помощь в подготовке этой публикации.

Ранней осенью 1922 г. в Ростов приехал Осип Эмильевич Мандельштам с женой¹. В эту пору Ростовское отделение Союза поэтов располагало лишь одним помещением – Книжной лавкой². Здесь велась не только торговля книгами – проходили чтение и обсуждение новых стихов, собрания поэтов.

Н.И. Александрова-Грацианская

Столовая – эстрада Союза поэтов, помещавшаяся на углу Буденновского и ул. Энгельса, просуществовав два месяца, еще осенью 1920 года была закрыта³. Там вскоре стала работать столовая, доступная всем желающим.

А поэты для своих эстрадных выступлений и платных вечеров стали снимать различные концертные залы, чаще всего зал консерватории на ул. Энгельса. В этом доме затем разместилось музыкальное училище...

Как и все приезжавшие в Ростов литераторы, Мандельштам пришел в Книжную лавку. О его появлении мне тотчас же сообщили друзья-поэты: Борис Левин, Мирлэ, Лев Шендерович... Все они знали и высоко ценили стихи Мандельштама.

Два желания высказал им Осип Эмильевич: во-первых, он хотел выступить перед ростовчанами со своими стихами, во-вторых – он хотел купить шубу.

Организацией вечера стихов Мандельштама занялись товарищи повзрослей, а меня попросили помочь в исполнении второго желания.

С Мандельштамом и его женой Надеждой Яковлевной я познакомилась в Книжной лавке.

– Понимаете, в чем беда, – у меня украли шубу, а купить негде, – говорил Мандельштам, – даже страшно подумать, что зима близится.

Осип Эмильевич был худ, темнолик, с высоким лысеющим лбом. Его большие зеленовато-карие глаза беспокойно поглядывали на собеседника. В движениях поэта чувствовалась большая нервозность. Его жена – беленькая, вальсяжная, премилая женщина – была приветлива и молчалива, по-олимпийски спокойна.

Незадолго до того, во время летних каникул, мне довелось работать в Центросоюзе – ведать «столом справок». Моя служба была несложной: объяснить приходящим, где что находится, к кому обратиться, что и как написать в заявлении. Работала я на совесть, и подружилась со мной решительно все хорошие люди в Центросоюзе. У меня были добрые знакомые среди руководства Цент-

росоюза. Я обратилась с просьбой Мандельштама к одному из них. Он сначала задумался, сдвинул брови, но потом взял заявление от Ростовской организации Союза поэтов и сказал: «Ладно, обсудим, решим». Назавтра все уже было решено. Заведующему складом Центросоюза поручили поискать что-нибудь подходящее для поэта...

Шуба была найдена отличная, с большим меховым воротником, просторная, теплая, ну прямо как у Евгения Онегина. Но со склада Центросоюза ничего не выдавалось бесплатно, каждая вещь отпускалась по своей твердой цене. За шубу положено было заплатить что-то около двух тысяч – сумма по тем временам баснословно малая, однако Осип Эмильевич огорчился – двух тысяч у него не было.

Надежда приобрести шубу оказалась под угрозой, надо было торопиться с организацией платного вечера стихов Мандельштама, чтобы добыть для него деньги.

Эта поспешность причинила нам немало тревог. Снимаемый обычно Союзом поэтов зал консерватории был на ближайшие дни занят. Пришлось снять помещение, расположенное на углу проспекта Семашко и улицы Шаумяна, которое к нашей радости оказалось свободным⁴. Ныне там находится столовая, а тогда был оборудованный для эстрадных выступлений зал с рядами деревянных скамеек и помостом, над которым, создавая иллюзию сцены, содрогался синий плюшевый занавес.

Здесь обычно выступали заезжие гастролеры: фокусники, иллюзионисты, гипнотизеры. Иногда зал снимали самодеятельные коллективы, подготовившие концерт или спектакль. Немного позже мне довелось посмотреть на этой эстраде оперетту «Цыганский барон», сыгранную довольно эффектно ростовскими актерами-любителями.

Но тогда, осенью 1922 года, в прокатном зале предстояло читать стихи поэту Осипу Мандельштаму. Об этом сообщалось на огромной афише у входа в зал.

Поэты – устроители вечера бегали и хлопотали, а меня посадили в кассу продавать билеты. В целях экономии решили не приглашать кассиршу.

Я впервые занималась таким делом, но очень внимательно и ответственно отнеслась к своим неожиданным обязанностям.

Народ шел, билеты продавались. Одно удивляло меня: у окошка кассы, которая была расположена на небольшом возвышении, столпилась уйма мальчишек. Они смотрели на меня снизу вверх жаркими сверлящими глазами. Иногда кто-нибудь умильным голосом выкрикивал:

– Курносенькая, дай контрамарку!

«Зачем мальчишкам поэт Мандельштам?» – удивлялась я.

Но вот билеты проданы. Я отдаю деньги и корешки билетов поэту-казначею Льву Павловичу Шендеровичу, а сама бегу в зрительный зал.

Осип Эмильевич вышел на эстраду в белой рубашке с отложным воротником. На нем были темные брюки, перехваченные узким ремешком. Немного приподымаясь на носках, он стал читать стихи. Голос его был монотонен, стихи отменно хороши. Пленительные по своей музыкальности, своеобразию, яркости образов, красок, они были пронзительно лиричны и философски глубоки. Звучала и латынь...

Ряды слушателей замерли. Но уже с первых строк, произнесенных поэтом, по какому-то плывущему в зале шумку стало ясно, что многие ждали совсем другого. Примерно половина аудитории слушала все более увлеченно, но в большинстве были те, кто пришел не к поэту, а на обычную здесь пеструю эстрадную программу.

А Мандельштам все читал и читал, и слушать его было подлинным наслаждением.

Мне, к сожалению, не удалось побыть до конца вечера. Тихо подсел ко мне Борис Левин и шепнул:

– Деньги уже в Книжной лавке, но ты, «кассирша», лучше удались.

На другой день я выяснила, что денег за билеты никто не потребовал обратно. Но когда после чтения стихов объявили, что программа окончена, многие крепко ворчали. Они, мол, терпеливо слушали, рассчитывая, что за стихами последует какое-нибудь увлекательное зрелище...

Итак, Мандельштаму вручили шубу. Тут же, в Книжной лавке поэтов, он примерил свою обнову, с удовольствием расправляя большущий меховой воротник.

– Нина, вы добрый ангел из французского романа, благодарю вас, – сказал мне Осип Эмильевич.

Мне было совсем не по душе быть «добрым ангелом», да еще из французского романа!

Организаторы вечера, так неудачно избравшие помещение для выступления поэта, испытывали чувство неловкости перед ним. Но в душе у каждого из нас теплилась надежда, что Осип Эмильевич ничего не заметил – ни жалкой обстановки зала, ни случайных, чужих для поэзии слушателей.

После отъезда Мандельштама я взялась за чтение его стихов. Отыскала у друзей его книгу в белой, очень скромной обложке и, прочитав ее, поняла, какой прекрасный поэт побывал недавно нашим гостем!

На всю жизнь мне запомнилось его четырехстрочие:

О небо, небо, ты мне будешь сниться!
Не может быть, чтоб ты совсем ослепло,
И день сгорел, как белая страница:
Немного дыма и немного пепла!

1971–1979

*Публикация, примечания и предисловие
В. Волошиновой*

---

¹ Неточность: О. Мандельштам приехал в Ростов в начале января 1922 г.

² Книжная лавка (магазин «Слово») располагалась по адресу: ул. Энгельса, 124 (здание не сохранилось).

³ См. протокол горисполкома № 130 от 13/X 1920 г. – *Примеч. авт.*

⁴ В 1922 г. адрес этого помещения был: ул. Дмитриевская, 100 (угол Дмитриевской и Николаевского проспекта).

МАТЕРИАЛЫ
К ТЕМЕ «МАНДЕЛЬШТАМ И ВОРОНЕЖ»

<1>

Л. Лосев

ТЕТРАДЬ ИЗ ВОРОНЕЖА

В начале 1990-х годов вдова моего отца, поэта и детского писателя В.А. Лифшица (1913–1978), И.Н. Лифшиц-Кичанова (1918–1998), время от времени пересылала мне в Америку с оказией бумаги и memorabilia из отцовского архива. В одной из посылок я нашел дневник, который отец вел в военные годы, его орден Отечественной войны второй степени и ветхую самодельную тетрадь со стихами Мандельштама. Позднее И. Н. прислала мне неоконченные, а вернее, только начатые воспоминания отца. Я их опубликовал (журнал «Звезда». 2003. № 11).

В 1935 г., т. е. когда ему было 21–22 года, отец работал в редакции той же «Звезды» секретарем. Он пишет:

«Как-то в редакционной почте я обнаружил самодельный конверт, из которого достал тощую тетрадь стихов, не очень умело напечатанных на плохой машинке,

впритык одно к одному. Тетрадь была тоже самодельная, кое-как сброшюрованная, в розовой обложке. Это были стихи Мандельштама, присланные из Воронежа, где он уже отбывал ссылку. Стихи, известные сегодня всякому, кто любит поэзию. Я один сидел в редакции и один из первых читал эти стихи. Потом позвонил Тихонову¹:

– Николай Семенович! – закричал я в трубку. – Мандельштам прислал нам удивительные стихи! Из Воронежа!..

Н. С. охладил мой пыл. Мое сообщение его несколько не взволновало.

– Хорошо-хорошо, – сказал он и стал интересоваться чем-то совершенно другим. Я был ошарашен.

Драгоценной тетрадкой он так и не заинтересовался. А я, что-то почувствовав, больше не напоминал ему о ней. А когда прошло время, я забрал тетрадку Мандельштама из редакции домой. Я уже понимал, что напоминать о ней просто бестактно. Она и сейчас у меня, и я порой перелистываю ее ветхие страницы, перечитываю стихи, отпечатанные более сорока лет тому назад самим Мандельштамом или Надеждой Яковлевной».

Как и многие его современники, молодые поэты тридцатых годов, отец писал под влиянием не Мандельштама, а Сельвинского, Багрицкого, Антокольского, Тихонова. Между прочим, очень вероятно, что Мандельштам прочитал, по крайней мере, одно стихотворение юного Владимира Лифшица – «Тиль поет». С.Б. Рудаков 13 апреля 1935 года писал из Воронежа жене, что он и Мандельштам читали первые номера ленинградского журнала «Литературный современник» за тридцать пятый год и ждут третьего номера. Об этом чтении Рудаков отзывается двусмысленно: «В первых номерах отчаянные стихи, которые ожесточенно читали вместе»². В первом номере «Литературного современника» наряду со стихами других ленинградцев и переводами Тихонова из грузинских поэтов был и «Тиль поет». Мандельштам, как известно, Багрицкого ставил невысоко и, возможно, «ожесточенно» отнесся к стихотворению, написанному «под Багрицкого».

Владимир Лифшиц и его друзья всерьез следовали совету Сельвинского «избегать пастернакипии и мандельштампа», но обоих поэтов любили и знали прекрасно. При первом знакомстве с моей будущей матерью, в конце того же тридцать пятого года, отец читал ей «Коробка с красным померанцем...». Она решила, что это его стихи. Недоразумение выяснилось только несколько месяцев спустя, когда мое появление на свет было уже predetermined.

Речь моей мамы была насыщена точными и прилизительными поэтическими цитатами. Буквально с младенчества я привык слышать как присказку по самым разным поводам: «Греки сбондили Елену по волнам, ну а мне соленой пеной по губам...» или «Мы с тобой на кухне посидим, сладко пахнет белый керосин...». Тут интересно то, что эти стихи начала тридцатых годов в то время напечатаны не были, но литературной молодежи были известны.

Чего юный секретарь редакции «Звезды» не мог знать, это обстоятельств жизни Мандельштама в 1935 г.

После ареста 13 мая 1934 г. Мандельштам был сослан в Чердынь, а потом в Воронеж. В 1935 г. ему было разрешено заниматься в Воронеже литературным трудом, писать для местной газеты и радио. Отправка стихов в «Звезду» могла быть попыткой прощупать, не распространяется ли это разрешение и на публикацию лирики в центральных журналах. Видимо, неслучаен и выбор «Звезды», ведь там состоялась последняя перед арестом публикация – «Путешествия в Армению» (1933. № 5). Тихонов как редактор «Звезды» хорошо помнил разгромную критику, которой подвергла «Путешествие в Армению» центральная «Правда», так же, как он прекрасно знал, почему Мандельштам находится в Воронеже.

Истории отношений Мандельштама и Тихонова Н.Я. Мандельштам посвящает в «Воспоминаниях» специальную главу «Коля Тихонов». В ее трактовке Тихонов – гонитель Мандельштама:

«Мне особенно запомнилась искренняя и убежденная интонация Тихонова, когда он сказал: “Мандельштам

в Ленинграде жить не будет. Комнату ему мы не дадим"... Это произошло после нашего возвращения из Армении (1931. – Л. Л.); жить нам было негде, и О. М. попросил предоставить нам освободившуюся в Доме Литераторов комнату. Узнав об отказе и удивившись формулировке, я спросила Тихонова, должен ли О. М. просить разрешения писательских организаций, чтобы поселиться в Ленинграде, скажем, в частной комнате. Тихонов упрямо повторил: "Мандельштам в Ленинграде жить не будет. Комнату ему мы не дадим"... Я попробовала узнать, говорит ли он от своего имени или передает чьи-то инструкции, но толку не добила. Если инструкция – то зачем же такая искренняя интонация? Эта установка не предвещала ничего хорошего, и мы уехали в Москву. А интонация Тихонова означала: мы все ведем себя, как люди, делаем все, что положено, а кто такой этот Мандельштам, который ни с кем не считается, несет черт знает что да еще требует от нас комнат и работы... Больно много он себе позволяет, мы потом отвечай... Тихонов был по-своему прав – для беззаветно преданного человека, как он, Мандельштам являлся аномалией, вредным порождением прошлого, лишним человеком в литературе, где места распределяют высшие инстанции и те, кому это поручено...»³

И все же Тихонов, человек более высокой литературной культуры, чем «подростающее с наганами племя» новых идеологических чиновников, оставался последней надеждой Мандельштама во время воронежской ссылки. Известно, что и после нашей тетради, с декабря 1936 до марта 1937 г., Мандельштам посылал в «Звезду» стихи и все более отчаянные письма Тихонову с просьбой о помощи⁴. Эти письма впервые опубликовала С.В. Полякова (под псевдонимом «Серафима Полянина»), переслав их в Америку через своего ученика Г.Г. Шмакова, в альманахе издательства Ardis «Глагол» (Вып. 3. 1981. С. 289–297)⁵.

Своего рода эхо – через четыре десятилетия после службы моего отца в «Звезде» я, сразу после переезда в Америку в 1976–1979 годах, подрабатывал в Ardis'e и был наборщиком и корректором этой публикации.

Теперь о нашей реликвии. Тетрадь 30x21 см буквально «сшита на живую нитку». На обложке следы надписи карандашом: первая строка почти полностью стерлась, вторая – «Стихи». Заметен след от сгибания тетради в четыре раза. Вероятно, в таком виде она была послана в редакцию. В тетради 10 листов машинописи на обеих сторонах. Страницы пронумерованы; на первой, где напечатано стихотворение «Рояль», номера нет, далее – от 2 до 14 и от 19 до 24. Два листа (страницы 15–18) отсутствуют. Над стихами без названия – «три звездочки» из строчной буквы «х». Названия, где они есть, напечатаны прописными буквами и после названия поставлена точка. После каждого стихотворения – отбивка из нескольких тире. В трех случаях даются даты написания (см. ниже), в одном, «К немецкой речи», вслед за основным текстом – вариант первой строфы и восьмой строки. Поправки в тексте сделаны на машинке, поправок от руки нет. Несколько очевидных опечаток остались неисправленными.

В качестве авторитетного издания для сверки текстов мной использован первый том «Сочинений» Мандельштама (подготовка текста и комментарии А.Д. Михайлова и П.М. Нерлера. М., 1990).

В тетради стихи идут в следующем порядке:

1 «Рояль» («Как парламент, жующий фронду...»)

2 «Канцона» («Неужели я увижу завтра...»)

3 «Довольно кукситься, бумаги в стол засунув...»

4 «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...»

5 «Как народная громада...»

6 «Язык медведь ворочается глухо...» (Единственный текст в нашей тетради, не вошедший в «Сочинения». Впервые опубликован в «Собрании сочинений в трех томах» под редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова (Т. 1. Вашингтон, 1967): «Язык медведь ворочается глухо / В пещере рта. И так от псалмопевца / До Ленина: чтоб небо стало небом. / Чтоб губы перетрескались, как розовая глина... / Еще, еще...»).

7 «Фаятончик» («На высоком перевале...»)

8 «Сегодня можно снять декалькомани...»

9 «Еще мне далеко до патриарха...» Заканчивается строкой «И не живу, и все-таки живу». Вторая половина, начиная с «Я к воробьям пойду и репортерам...», напечатана как следующее отдельное стихотворение.

10 «Лазурь да глина, глина да лазурь...»

11 «После полуночи сердце ворует...»

12 «Жил Александр Герцевич...»

13 «Там, где купальни бумагопрядильни...»

14 «Дайте Тютчеву стрекозу...» (1) С датой «8-го июля 32-го г.».

15 «Дайте Тютчеву стрекозу...» (2)

16 «Импрессионизм» («Художник нам изобразил...») С датой: «22.V – 1932 г.».

17 «Словно гуляка с волшебною тростью...» (Без названия «Батюшков»)

18 «Новелинно» [sic; должно быть «Новеллино», опечатка не исправлена] («Вы помните, как бегуны...») С датой: «22.V – 1932 г.».

19 «Ламарк» («Был старик, застенчивый, как мальчик...»)

20 «Полюбил я лес прекрасный...»

21 «О порфирные цокая граниты...»

22 «Какая роскошь в нищенском селеньи...»

23 «Я тебя никогда не увижу...»

24 «На полицейской бумаге верже...» [«рапортички» напечатано с одним «п», тогда как должно быть каламбурное, от РАПП, «раппортички»].

25 «Я пью за военные астры, за все, чем корили меня...»

26 «Ты краски себе пожелала...»

27 «Закутав рот, как влажную розу...»

28 «Куда как страшно нам с тобой...»

29 «Как бык шестикрылый и грозный...»

30 «Ты розу Гафиза колышешь...»

31 «Ах, ничего я не вижу и бедное ухо оглохло...»

32 «Руку платком обмотай и в венценосный шиповник...»

33 «Не развалины, нет, но порубка могучего циркульного леса...»

34 «Холодно розе в снегу. На Севане снег в три аршина...»

35 «Шестого чувства крошечный придаток...»

36 «Когда в далекую Корею...»

37 «Сядь, Державин, развалился...»

38 «Гром живет своим накатом...»

39 «Зашумела, задрожала...»

40 «К немецкой речи» («Себя губя, себе противореча...»). Только первые четыре строфы канонического варианта. Затем под заголовком «Варианты» – вариант первой строфы: «Когда пылают Веймарские свечи...»; вариант 8-й строки: «На Западе у Христиана Клейста». Затем под тремя звездочками, т. е. как отдельный вариант всего стихотворения, строфа «Воспоминаний сумрак шоколадный» (предпоследняя в варианте, напечатанном в первом томе «Сочинений» на с. 399–400), за которой здесь следуют недостающие пять строф канонического варианта.

Возникает ряд вопросов, на которые у меня нет ответа. Почему в 1935 г. из Воронежа посланы московские стихи 1930–1932 гг.? Почему среди сорока присланных стихотворений есть семнадцать прежде печатавшихся – № 1, 3, 4, 10, 13, 17, 19, 21–23, 26, 27, 30–34? Надежда Павлович говорит в своих воспоминаниях: «...если он написал одно стихотворение, то он его продавал по крайней мере в десять издательств: куда только можно, одно и то же»⁶, – но это относится к хаотическому периоду начала двадцатых годов. В тридцатые годы предлагать в «Звезду» стихи, напечатанные тремя годами раньше в «Новом мире», кажется бессмысленным. Почему оказался разбитым армянский цикл: № 10, 21–23, 30–34? Почему пропущены страницы 15–18? Почему не исправлены даже такие бросающиеся в глаза опечатки, как «Новелинно» вместо «Новелино» в заглавии? Почему в редакцию «Звезды» послана не подборка из нескольких стихотворений, а, собственно говоря, небольшая книга стихов? Может быть, книжка и имелась в виду, и Мандельштам хотел помощи влиятельного Тихонова в ее публикации? Почему отец не упоминает сопроводительного письма?

Повторяю, ответов на эти вопросы у меня нет, а без них ветхая самодельная тетрадь вряд ли прибавляет что-то к нашему знанию Мандельштама.

Мандельштам дорожил прижизненным изданием Батюшкова: «Словно Батюшков сам дотронулся...»⁷. Тем же определяется для меня и ценность тетради.

---

¹ Поэт Н.С. Тихонов (1896–1979) был в то время главным редактором ленинградского журнала «Звезда».

² О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) / Публ. и подгот. текста Л.Н. Ивановой и А.Г. Меца // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1993 год. Материалы об О.Э. Мандельштаме. СПб., 1997. С. 40.

³ *Мандельштам Н.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1970. С. 250–251.

⁴ См. публикацию С.В. Поляковой в кн.: Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М., 1991. С. 28–33.

⁵ В кн. «Слово и судьба» первой публикацией писем ошибочно названа их перепечатка в нью-йоркском альманахе «Часть речи» (1982. № 2/3).

⁶ Осип и Надежда Мандельштам в воспоминаниях современников / Сост. О.С. Фигурнова, М.В. Фигурнова. М., 2001. С. 122.

⁷ *Мандельштам Н.* Книга третья. Париж, 1987. С. 174.

<2>

Д. Штейман

ЗАПИСКИ ОБ ОТЦЕ*

Мой отец, Исая Моисеевич Штейман, родился в городе Ливны Орловской губернии 28 августа 1897 года, а умер – в Воронеже, 15 октября 1954 года. В конце 20-х годов он стал директором Дома Политпросвета в родном городе, часто писал в различные газеты статьи. Когда понадобились новые журналистские кадры, он стал работать в газете «Новая деревня», а с 1933 года – в главной газете Центрального черноземья «Коммуне», где проработал более 20 лет. Он был литературным сотрудником, заведующим отделами и несколько лет собкорром по Воронежской области центральной газеты «Известия», был известен как очеркист. <...>

Работая в «Коммуне», Исая Моисеевич одновременно закончил литературный факультет педагогического института. Он учился у профессора П. Загоровского, чьи интеллигентность и глубокое знание психологии (предмета, который он преподавал) оставили у Исая Моисеевича глубокий след в сознании. <...>

В редакцию «Коммуны» часто заходил Осип Мандельштам, находившийся в Воронеже в изгнании с июня 1934 по май 1937 г. Он часто в редакции общался и с моим отцом. Я иногда заходила после занятий в школе в редакцию и видела у него в кабинете Мандельштама. Я запомнила его щуплую фигуру, его манеру неожиданно вскидывать голову и привычку во время разговора «мыкаться» туда-сюда. Будучи семилетним ребенком, я узнала от отца, что

---

* Печатается с сокращениями. Автор в настоящее время проживает в Ганновере (ФРГ). – *Ред.*

именно Мандельштам является автором многих замечательных стихов и радиопостановки для детей «Гулливёр», а также радиокomпозиции «Молодость Гёте» (в то время Мандельштам работал в Воронежском областном радиокомитете).

В 1937 г. из разговоров отца со взрослыми членами нашей семьи (хотя на тему о Мандельштаме они разговаривали на идиш) мой детский ум воспринял, что с Осипом Эмильевичем произошло что-то страшное. И позже мне стало понятным, почему отец говорил, что никогда с писательницей Ольгой Кретовой, которая в то время была в должности заместителя секретаря Воронежского отделения Союза писателей, не будет здороваться и никогда не подаст ей руки. Другого способа выразить свой протест у него не было. 23 апреля 1937 года в газете «Коммуна» была напечатана статья Ольги Кретовой, где она клеймила «троцкистов» и других классово-враждебных элементов, среди них и Осипа Мандельштама, который затем вскоре был арестован.

<...> В 1935 году, когда Штейман перешел на работу в «Коммуну», редактором был А. Швер – опытный журналист, умелый руководитель коллектива участников. В 1935 году Швера направили работать редактором областной газеты Сталинграда, он пригласил с собой в Сталинград несколько сотрудников из «Коммуны».

В 1937 году Швера осудили по 58-й статье и расстреляли, сотрудников, которые поехали с ним из «Коммуны», также осудили по 58-й статье, единственный, кто остался в живых, бывший заведующий отделом информации «Коммуны» Леонид Скорнецкий, ему удалось получить направление на передовую фронта. На фронте он получил тяжелое ранение ноги, но жизнь себе сохранил. <...>

С 1935 г. в «Коммуне» новый редактор С. Елозо, также опытный журналист, хороший руководитель, с большим уважением относился к моему отцу. С Елозо у Штеймана сложились хорошие товарищеские отношения. Когда в 1936 г. Елозо перевели на работу редактором областной газеты в Ростове-на-Дону, он предложил Штейману

поехать в Ростов на должность заместителя редактора этой газеты. Моя мама отказалась категорически ехать в Ростов, так как она считала, что большой процент населения этого города и области составляют донские казаки, которые, по ее мнению, являются в своем большинстве погромщиками. Отец остался работать в «Коммуне».

В середине 1938 г. стало известно, что Елозо предъявлена 58-я статья, его объявили «врагом народа», а сотрудники, которые из «Коммуны» поехали с ним в Ростов, были именованы «прихвостнями врага народа».

<3>

А. Глауберман

«КРУПНЕЙШИЙ ЗДЕСЬ ЛАРИНГОЛОГ...»

(Об отце и доме на улице Энгельса)

Мой отец, Семен Борисович Глауберман, родился 14(26) мая 1897 г. в Воронеже, в многодетной семье ремесленника.

В 1923 г. он окончил медицинский факультет Воронежского университета, специализировался по отоларингологии (болезням уха, горла и носа). Несколько лет работал в Борисоглебске Воронежской области. В конце 20-х годов возвратился в Воронеж, занимался лечебной работой в больницах, начал преподавать в медицинском институте, который в 1930 г. выделился из Воронежского госуниверситета. В 1933 г. он женился на моей матери, Дине Григорьевне Малкиной, в то время студентке мединститута, и вступил в жилищный кооператив, который вел строительство пятиэтажного дома на улице Ф. Энгельса (бывшей Малой Дворянской). Участвовать приходилось не только

денежными взносами, но и физическим трудом. С техникой было плохо, приходилось таскать кирпичи на верхние этажи на носилках, выполнять многие черновые работы.

В следующем году родился я, их единственный сын. В начале 1935 г. дом был закончен, наша семья получила в нем трехкомнатную квартиру.

О том, что в нашем доме жил О.Э. Мандельштам, я узнал гораздо позже, в конце 50-х годов, когда о поэте уже можно было говорить, но разговоры эти были сдержанные и какие-то неохотные. Люди еще не верили в необратимость перемен в стране. Я спрашивал у отца, знал ли он Мандельштамов. Он отвечал утвердительно, но больше ничего не рассказывал. Теперь я понимаю, что он опасался за нашу судьбу. И только через много лет после смерти отца, читая письма О. Э. к жене, я узнал, что он был пациентом моего отца!

Письмо, в котором говорится об этом, условно датировано 1935 г. Вполне возможно, что наш дом О. Э. узнал, будучи на приеме у отца, а в следующем году по чьей-то рекомендации Мандельштамы сняли комнату в квартире в соседнем подъезде. Они прожили в ней более полугода и как раз в это время познакомились с пришедшей к ним однажды молодой преподавательницей Наташей Штемпель.

Мне было тогда два года и все, о чем я вспоминаю, относится к более поздним годам накануне войны, когда мне уже было лет пять-семь. Но уверен, что в нашем доме и вокруг него все оставалось таким или почти таким же, как в 1936 году.

Кирпичный, неоштукатуренный дом. Его номер был 13-б (теперь просто 13). Нумерация подъездов и квартир начиналась тогда с другого конца, от дома 15. Магазинов в доме до войны не было.

Мы жили в квартире № 2 в первом подъезде, на первом этаже. Два окна (столовой и отцовского кабинета) смотрели на улицу. Кабинет был обставлен скромно. Простой книжный шкаф (много медицинских книг), у окна письменный стол с медицинскими инструментами, несколько стульев. У противоположной стены – низкая

кушетка, обтянутая черной кожей. На стене телефон. Снимаешь трубку – отзывается «барышня», ей называют нужный номер, в ответ: «Соединяю!» Детская память на всю жизнь сохранила наш номер: «четыре-двадцать два».

Отец был хорошим врачом, в городе это знали многие. Пришедшие пациенты ждали очереди в тесной прихожей. В кабинете – отец в белом халате и шапочке, с неизменным круглым зеркалом на лбу. Иногда приходили люди известные, в том числе артисты-гастролеры, если у них случалось что-нибудь с горлом или с голосом. Например, известный перед войной тенор Большого театра Давид Бадридзе. Перед самой войной был, ставший очень знаменитым после фильма «Музыкальная история», Сергей Лемешев. Уже после войны в нашей квартире, не в этой, а совсем в другой, помню Изабеллу Юрьеву.

Квартира Мандельштамов находилась на втором этаже соседнего, второго подъезда, и тогда носила номер 13 (ныне 39). Согласно планировке квартир (она сохранилась и теперь), их комната с отдельным входом из прихожей выходила окном на улицу.

Что видели Мандельштамы из своего окна? То же, что и мы. Булыжная мостовая, какой-то скучный одноэтажный дом напротив, он тянется направо до самого угла поперечной улицы. Теперь это улица Чайковского, тогда – «Итээровский» переулок. На углу – круглая афишная тумба из бетона, таких в городе было много (теперь сохранилась одна, в другом месте – реликвия, которую надо беречь!). За углом, совсем близко, здание бывшего Дворянского собрания – классической архитектуры, с колонным залом. Осенью 1937 г. в нем открыли филармонию, но Мандельштамов в Воронеже к тому времени уже не было. Фасад филармонии смотрит на большой, пустынный плац бывшего кадетского корпуса, за которым его трехэтажное здание – там был университет. Гитлеровцы взорвали его, отступая из города.

Яркое воспоминание детства: прошел ужасный ливень с грозой. Под нашими окнами, на всю ширину улицы сплошная река. Прохожие, разувшись, подвернув брюки и

платья, пробираются в потоке. Смех, крики, детский визг... «А город от воды ополоумел...», – конечно, это была другая весна и другая вода, но это была вода *того времени*. В ту весну плац засадили довольно большими деревьями, их привозили с глыбами земли у корней. Они разрослись быстро – получился прекрасный парк. Война была совсем близко, но этого никто не знал.

...Помню солнечный день. Мы собрались у родных на Никитинской улице. Взрослые что-то взволнованно обсуждают. Спрашиваю, что случилось, не отвечают. Теперь понимаю: не хотели ребенка пугать. Через несколько недель прихожу из детсада и вижу в кабинете отца в гимнастерке, «галифе» и в обмотках вместо сапог. В петлицах – две «шпалы». Стоит, улыбается. А мне весело и страшно: отец уже стал другим человеком. Скоро на оконных стеклах появились бумажные кресты, окна плотно занавешивали одеялами – затемнение, на лестницах – синие лампочки (говорили, что их свет не виден с самолетов), на фарах автомашин узкие щели. Начались воздушные тревоги, бомбоубежища, стрельба зениток и отдаленные разрывы.

В октябре сорок первого мы с мамой уехали на два долгих года в Казахстан, в г. Джамбул. Отец остался в Воронеже и первые месяцы жил один в опустевшей квартире. Потом начались его военные дороги: фронтовой эвакуопункт (ФЭП-93), санитарные поезда, санбаты. В звании майора медицинской службы отец прошел бои под Воронежем, потом с Воронежским и 1-м Украинским фронтами всю Украину, Польшу, Германию. Закончил войну в Праге в мае 1945 г. армейским отоларингологом 3-й Гвардейской армии. Награжден орденом Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией». В Воронеж он вернулся осенью сорок пятого и работал зав. отделением окружного военного госпиталя. Демобилизовался в сорок шестом.

А мы с мамой вернулись гораздо раньше, в октябре сорок третьего. Весь центр города – сплошные развалины. Поселились близко от довоенного дома, в уцелевшем небольшом корпусе мединститута между руинами филармо-

нии и поверженной и расколотой водонапорной башней, которая была видна из наших окон до войны. От нашего дома остались только стены с пустыми оконными глазницами. Мы зашли «в свою квартиру» – над головой небо, искореженные балки перекрытий, под ногами ржавое железо, битый кирпич. В «столовой», на своем месте – остов пианино с обрывками струн. Инструмент купили накануне войны, чтобы учить меня музыке. Под остовом, в обломках – чудом уцелевшая статуэтка мальчика, стоявшая на пианино.

Через несколько лет дом восстановили. Он стал другим. Большие окна разделили надвое, другие уменьшили. Квартиры первого этажа сделались магазинами. Чужие, оштукатуренные стены фасада. В свою довоенную квартиру мы не входили уже никогда.

Деревья, посаженные перед войной, выросли, образовали парк, который долго был полудиким. В 50-х годах мы студентами «зубрили» здесь перед летними сессиями, валяясь в траве. В зале разрушенной филармонии была устроена уникальная волейбольная площадка, защищенная от ветра сохранившимися стенами и колоннами, другая площадка была в самом парке. Мы играли на них несколько лет. Потом руины филармонии снесли, не пытаясь возродить знаменитое здание. А жаль! Сейчас на этом месте обычный жилой дом.

После войны наша семья жила в другом доме, на Студенческой улице. Отец был доцентом кафедры отоларингологии мединститута, совмещая преподавание с лечебной работой. Мать работала доцентом кафедры гистологии. Я же врачом не стал – закончил ВГУ по специальности радиофизика.

Отец умер скоропостижно 30 июля 1971 г. и похоронен на Еврейском кладбище. В мае 1994 г. я похоронил рядом с ним и свою мать...

Поэты иногда лучше всех говорят о себе сами. Давным-давно воронежцы похоронили великого земляка Кольцова и написали на могильном памятнике: «В душе страсти огонь разгорался не раз, но в бесплодной тоске он сгорел и погас...»

Рядом, над другой могилой: «Как узник рвался я на волю, упрямо цепи разбивал! Я света, воздуха желал!» Это – Никитин. Для Мандельштама Воронеж – последний город, где он испытал радость творчества. Его незримая могила здесь, а не там, во владивостокской безвестности.

Вот шестнадцать строк, написанных в Воронеже. На одном дыхании. Они сливаются воедино:

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять вы не могли.

И не ограблен я и не надломлен,
Но только что всего переогромлен,
Как Слово о полку, струна моя туга,
И в голосе моем после удушья
Звучит земля – последнее оружие –
Сухая влажность черноземных га!

Я должен жить, хотя я дважды умер,
А город от воды ополоумел.
Как он хорош, как весел, как скуласт,
Как на лемех приятен жирный пласт,
Как степь молчит в апрельском провороте,
А небо, небо – твой Буонарроти...

Поэт сам сказал все, что нужно сказать в память о себе именно в нашем городе. И тут ни прибавить, ни убавить.

Помечтаем. В Детского парке, в том его углу, что обращен к дому Мандельштамов и моего детства, изваян памятник Мандельштаму и его жене. На постаменте высечены его стихи.

А еще в Воронеже есть музей Мандельштама и улица его имени.

Так должно быть!

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ В КАЛИНИНЕ

В Калинин (нынешней Твери) Осип и Надежда Мандельштамы прожили несколько месяцев – с конца октября или начала ноября 1937 до 10 марта 1938 г.: сначала – в новоотстроенной гостинице «Селигер» на Советской ул., 52, а затем – с 17 ноября 1937 по 10 марта 1938 г. – в пятистенной избе на 3-й Никитинской ул., 43, в доме рабочего-металлурга Павла Федоровича Травникова и его жены Татьяны Васильевны. В своих «Воспоминаниях» Надежда Мандельштам посвятила им целую отдельную главу («Последняя идиллия»). По вечерам у Травниковых устраивались «концерты»: Осип Эмильевич ставил раздобытые им пластинки Баха, Дворжака, Мусоргского и др. и просматривал «Правду», на которую был подписан хозяин, а хозяйка угощала всех чаем с вареньем.

Совет поехать именно в Калинин дал Мандельштамам Бабель, предположивший, что с устройством на месте им сможет помочь уже сосланный туда Николай Эрдман. Позднее в Калинин приехала в ссылку подруга Надежды Яковлевны – Елена Михайловна Аренс с двумя сыновьями, выбравшая Калинин уже из-за наличия здесь Мандельштамов. Несколько раз в Калинин приезжали близкие люди – Е.Я. Хазин и Н.Е. Штемпель. В начале мая 1938 г., вскоре после ареста Мандельштама в Саматихе,

в Калинин приезжала Надежда Яковлевна, забравшая корзину с архивом О. М. Она опередила сотрудников областного управления НКВД Недобожина-Жарова и Пука, побывавших у Травниковых с безрезультатным обыском 28 мая 1938 г.

В конце мая 1939 г., уже после гибели мужа и неудачных попыток обосноваться в Малом Ярославце, Надежда Яковлевна «вернулась» в Калинин. Она поселилась и временно прописалась в одном доме с Е.М. Аренс и ее детьми (по адресу: деревня Старая Константиновка, № 78). Вместе с нею же она работала надомницей в артели детской игрушки, а с осени 1939 г., переехав ближе к центру (по адресу: Школьный пер., 23, кв.10), служила учительницей в школе (уволена к лету 1941 г.). 30 сентября 1941 г. Надежда Яковлевна с матерью (Верой Яковлевной Хазиной) эвакуировалась из Калинина в Среднюю Азию.

Обстоятельства жизни Мандельштамов в Калининне в 1938 и 1939–1941 гг. хорошо отражены в их письмах этого времени к Б.С. Кузину, а также в воспоминаниях Н.Я. Мандельштам.

В публикуемую ниже подборку материалов, связанных с пребыванием Мандельштама в Твери, вошли две статьи из местной периодики и обращение тверской интеллигенции к отцам города с предложением назвать одну из улиц именем поэта и увековечить тем самым пребывание Осипа Мандельштама в Твери (соответствующая информация прошла по каналам ИТАР–ТАСС 15 января 2001 г. и была зафиксирована в информационном письме Мандельштамовского общества 2001/1).

Мы надеемся еще вернуться к этой теме и благодарим И.М. Бружеставицкого и С.В. Глушкова за помощь в подготовке публикации.

П. Нерлер

<1>

М. Колкер

«УШАСТЫЙ ТРОЦКИСТ»*

<...> Теперь о Наталье Петровне Резниковой. Это, как говорится, совсем особенная история. Безусловно, первоначально я заинтересовался этой женщиной только потому, что она была знакома в том самом траурном году с Осипом Мандельштамом. Но проговорив с ней два часа в палате областной больницы, куда Наталья Петровна попала после сильнейшего приступа стенокардии, понял, что судьба этой женщины сама по себе безумно интересна.

<...>. – Мы жили в соседнем доме. У них был сорок третий номер, а у нас – сорок пятый. В том году мне было двенадцать лет, так что я все прекрасно помню. В то время наш район был городской окраиной, почти деревней. Каждый вечер около колодцев – тогда еще колонок не было – собирались женщины, ну и естественно, обсуждали все и вся. Мандельштама окрестные бабоньки называли между собой «ушастый». О том, кто он и чем занимается, практически никто не знал. Говорили, что вроде бы писатель, что из Москвы, что политический. Тогда всех, кто приезжал к нам на высылку – а было таких людей немало, – называли троцкистами. Вот и к Мандельштаму приклеилась кличка «ушастый троцкист».

Кстати, в это же время в Твери отбывал ссылку еще один «троцкист». Встречались ли они с Осипом Мандельштамом, до сих пор доподлинно не известно.

<...> Я хоть еще совсем девчонкой была, все-таки заметила, что новый жилец в доме № 43 какой-то необычный. Там жила рабочая семья – то ли Тепловы, то ли Тепляковы,

---

*Заголовок дан редакцией настоящего издания. – *Ред.*

сейчас уже и не помню. Помню только, что сыновья у них были летчики. И мы все, девчонки, бегали на них смотреть, когда они приезжали в отпуск. И вот в этом доме появился ни на кого не похожий человек в кожаном пальто, с действительно сильно оттопыренными ушами. Казалось, он ни секунды не может усидеть на месте. Все время ходил, чуть ли не бегал по двору. Со стороны мне это казалось очень смешным. И вот как-то однажды вечером я решила к нему подойти. Не помню сейчас, какую причину придумала, наверное, глупость – что может придумать девчонка в двенадцать лет? Но оправдываться мне не пришлось.

«Тебя как зовут?» – «Наташа...» – «А меня Осип Мандельштам... Ты в школе хорошо учишься?» – «Хорошо...» – «А стихи любишь?» – «Нет, не люблю».

Действительно, в то время я к стихам относилась, мягко говоря, прохладно. В школе нам говорили, что лучшим поэтом нашего времени является Маяковский, заставляли учить Демьяна Бедного и Тихонова.

– Есенина читала?

Есенин для нас был чем-то запретным. Его стихи ходили в списках, и если бы учитель литературы узнал, что ты читаешь Есенина, можно было бы и из школы вылететь. Поэтому отвечать на этот вопрос я не стала.

– А Блока?

И тут он, продолжая мерить своими шагами маленький двор соседнего дома, стал читать мне чудесные стихи – такие, которые я раньше не слышала:

Мой милый, будь смелым и будешь со мной,
Я вишеньем белым качнусь над тобой...

Эти строчки мне так врезались в память, что через много лет, открыв томик Блока, сразу узнала то стихотворение, которое мне морозным вечером читал странный «ушастый троцкист» в кожаном пальто.

После того памятного вечера Наталья Петровна с Мандельштамом не встречалась.

– Потом у нас были разговоры. Что «троцкиста», вроде бы, простили и разрешили опять жить в Москве. И только в начале шестидесятых я узнала по-настоящему, кто был нашим соседом. Тогда же узнала и о его судьбе...

*Из статьи М. Колкера «Две встречи»
[Вече Твери. 1998, 28 февраля]*

<2>

С. Глушков

**В ПОЕДИНКЕ С ВЕКОВ.
15 ЯНВАРЯ ИСПОЛНИЛОСЬ 115 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА**

В житейском смысле Осип Эмильевич был человеком скорее робким. Боялся собак, хулиганов, не любил ходить поздно в одиночку. Его ранние стихи были пронизаны мечтой об обретении первозданного единства музыки и слова, о чистоте «детских дум» и «детских книг», искренним желанием «все большое далеко развеять». Но когда, по его же выражению, «в жизни слова наступила героическая эра», поэт обрел удивительную отвагу, давшую ему силы поднимать «болезненные веки» «веку-властелину». Не бессильные проклятия, не бегство, не жизнь «применительно к подлости», но мужественное обличение «времен обманных и глухих» избрал этот робкий человек.

Внешность у Мандельштама тоже была не героическая и даже не поэтическая: невысокий рост, короткая шея и слегка оттопыренные уши. Из-за них бабки в тверском Заволжье прозвали его «ушастым троцкистом».

«Троцкистами» тогда называли всех сосланных, каковых в Калининне конца 30-х годов было немало.

Наш город в ту пору, по выражению Надежды Яковлевны, жены поэта, пронзал «ветер ссылок и правительственных гонений». «Мы погибли», – беспрестанно повторял Осип Эмильевич в эти суровые осенние и зимние месяцы 1937–38 годов, имея в виду, конечно же, не только себя и жену.

При всем том тверскую главу своих «Воспоминаний» Надежда Яковлевна назвала «Последней идиллией». Поводом для этого «идиллического» названия стали отношения, сложившиеся между ними и семьей Травниковых, в доме которых поэт получил последнюю в своей жизни прописку. Потомственные тверские пролетарии, как они сами себя называли, то суровое время определяли куда более прямо и открыто, чем запуганные московские интеллигенты, и к своим квартирантам относились вполне сочувственно. Правда, лишь потому, что видели в опальном сочинителе пассивную жертву режима. Политическую борьбу во всех ее видах Травниковы считали делом вредным и опасным.

Самый интересный эпизод этой главы связан с первыми выборами по «сталинской» конституции, от участия в которых Мандельштам хотел уклониться, говоря, что «ни за что не станет участвовать в этой комедии». Однако в возникшем по этому поводу споре верх, как ни удивительно, одержали малограмотные хозяева, убедившие квартирантов в том, что с этой властью лучше «не заводится», – все равно, мол, не отвяжутся. И Мандельштамы пошли на выборы, найдя, видимо, утешение в том, что и здесь они, как писала Анна Ахматова, оказались со своим народом – «там, где мой народ, к несчастью, был».

Может, был особый промысел в том, чтобы в предгильную свою пору русский поэт оказался на берегах Волги, которая, кстати, в ту пору тоже испытывала потрясения. До Калинина Мандельштамы несколько месяцев прожили в Савелове, где чувствовалась близость Калязина, который в то время затоплялся в рамках «великого плана преобразо-

вания природы», творимого рабским трудом тысяч заключенных Дмитровлага. Там Осип Мандельштам написал свое единственное «волжское» стихотворение: «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь. Гром, ударь в тесины новые...», в котором трагедия страны преломилась в трагическом разломе природного мира. «Ах, я видеть не могу, не могу / Берега серо-зеленые: Словно ходят по лугу, по лугу / Косари умалишенные...». Трудно сказать, кого имел в виду поэт, говоря о «косарях умалишенных»: тех ли, кто косил людей, как траву, полагая, что «русская баба новых нарождает», или тех, кто покорно «вставал на трудовую вахту», следуя указаниям безумных вождей.

Язык поэзии Мандельштама сложен, напряженная метафорическая связь образов неочевидна и зачастую неприводима на язык привычных житейских понятий. Поэт ждет от читателя не столько понимания, сколько постижения, близкого к вере. Не случайно так вдохновляла его божественная многозначность Священного Писания. В статье «Слово и культура» он прямо отождествлял миссию культуры и миссию церкви: «Светская жизнь нас больше не касается, у нас не еда, а трапеза, не комната, а келья, не одежда, а одеяние». Христианство для него было сутью культуры, и все, несовместимое с христианством, не совмещалось и с культурой. И как ни страшила его Голгофа, на которую влекла эта вера, уклониться от нее он не мог – хотя и пытался, когда, например, писал стихи о Сталине, которые должны были «уравновесить» его самоубийственное «Мы живем, под собою не чуя страны...».

И последнее, что хотелось бы сказать в связи с юбилеем. Судьба Осипа Мандельштама определилась почти исключительным соединением бесспорной гениальности с мученическим венцом. Он, безусловно, поэт будущего. И о наших временах потомки будут судить в том числе и по тому, как мы чтим его память. Увы, нам нечем гордиться. В городе, ставшем последним пристанищем поэта, ничто не напоминает о нем: ни улицы его имени, ни хотя бы библиотеки, ни даже обыкновенной мемориальной доски на том месте, где когда-то стоял дом, в котором он обитал.

Мы ставим памятник певцу «блатной романтики», упорно держимся за улицы, носящие имена террористов и «тонкошеих вождей». Но именем Мандельштама мы даже (камень) *яму* не назовем. И потомки справедливо назовут нас беспамятными.

Тверская Жизнь. 2006, 17 января

<3>

Главе города Твери А.П. Белоусову
Комиссии по топонимике г. Твери

Мы, нижеподписавшиеся жители города Твери, поддерживаем предложение Тверского отделения Российского общества «Мемориал» о присвоении одной из улиц нашего города имени великого русского поэта Осипа Мандельштама, трагическая судьба которого тесно связана с Тверью, где он жил последние месяцы перед арестом и гибелью. Увековечение его имени на карте Твери – долг нашей памяти по отношению к человеку, соединившему в себе блистательный поэтический дар и высокое гражданское мужество.

Сергей Глушков, Алексей Злаказов и др.

Под этим обращением в начале 2001 г. были собраны десятки подписей представителей культурной элиты Твери, однако отклика со стороны тогдашнего главы города не последовало. Со стороны нынешнего – тоже. С.Г.

А. Галушкин

ИЗ РАЗЫСКАНИЙ
ОБ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМЕ

1

О.Э. Мандельштам в дневниках И.Н. Розанова
(1921–1922)

Известный литературовед Иван Никанорович Розанов (1874–1959)¹ на протяжении нескольких десятилетий своей долгой жизни вел дневник, большая часть которого (записи за 1919–1959 гг.) хранится ныне в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки². Хотя Розанов цитировал фрагменты дневника в своих воспоминаниях³, сам дневник еще не привлекал внимание исследователей. Между тем для историка русской литературы XX в. это – один из интереснейших и богатейших источников. Во время работы над трудом «Литературная жизнь России 1920-х годов»⁴ автор этих строк обследовал розановский дневник за 1919–1922 гг.⁵ Активный участник литературной жизни 1920-х годов, Розанов посещал литературные вечера и диспуты, фиксируя не только время и место их проведения, но и состав выступающих, прочитанные произведения, записывал разговоры с писателями, отмечал факты выхода книг и других произведений печати и т. п. В дневнике обнаружили и интересные свидетельства о Мандельштаме.

Первая запись о поэте сделана в связи с несостоявшейся дуэлью Мандельштама и В.Г. Шершеневича⁶.

9 апреля 1921 г. И.Н. Розанов записывает: «<...> встреча с М.А. Петр<овским>⁷. <...> Рассказал о дуэли ссоре [так!] Шершеневича с Мандельштамом в Камерном театре (слышал утром от Шихмана⁸) и о вызове на дуэль, секунданты Кусиков и Ковалевский. Посл<едний> заявил, что Шерш<еневич> уклоняется».

27 марта 1922 г. Розанов приходит на вечер Мандельштама (скорее всего, во Всероссийском союзе писателей), но, как он записывает в этот же день: «Нет света. Заседания не было».

8 апреля 1922 г. Розанов фиксирует выступление Мандельштама на литературном «субботнике» в объединении «Никитинские субботники». Из протокола заседания известно, что заседание носило название «Вечер женской лирики» и на нем выступали С.В. Шувалов (доклад «О ритме стихотворения А. Ахматовой»), О.Г. Савич (доклад «Несколько слов о творчестве С.Я. Парнок»), Б.М. Зубакин (доклад «Несколько слов о поэтессе Аде Ней») и И.Н. Розанов (доклад «Трактат-сатира о женской лирике»), а в прениях участвовали Г.А. Шенгели, Б.М. Зубакин, К.Н. Лаврова, В.А. Моница, С.В. Шувалов, О.Г. Савич, В.М. Волькенштейн, Н.К. Гудзий и др.⁹ После докладов и ужина выступил О. Мандельштам с чтением стихотворения «Золотистого меда...» и др. И.Н. Розанов записывает: «После ужина Мандельштам. Перед чтением стихов он сказал: “Прошу, что[бы] не было никаких прений и баллотировок. Это меня нисколько не интересует”. Это, как я узнал впоследствии, возмутило Федорова¹⁰ и Вешнева¹¹. Первый хотел сказать: “А меня не интересует мандельштамовщина”, а второй: “В чужой монастырь”. Вышел я с Гудзиями¹². Хохот».

10 апреля И.Н. Розанов отмечает вечер Мандельштама во Всероссийском союзе писателей (в Доме Герцена).

Наиболее интересно свидетельство от 18 апреля 1922 г. о посещении семьи Гудзиев (присутствуют С.В. Шувалов, Л.П. Гроссман, О.Э. и Н.Я. Мандельштамы): «С Мандельшт<амом> очень долго беседовали <...> Поэт дышит стихами. Слово “дыхание” здесь самое уместное...

Не надо пушкинизма и пушкинианства: у нас слишком много пишут о Пушкине и изучают его, а мало читают. Надо читать – и только. Пушкин д<олжен> б<ыть> нашей кровью... Кровь должна струиться в жилах, но не проступать на поверхность... Стихи дышат прозою... (В них всегда есть надобность, польза). Сологуб и Тургенев плохие прозаики. Можно говорить[:] Пушкин, Л. Толстой, Кузьмин [так!], но нельзя[:] Тургенев и Кузьмин. Это величины несоизмеримые. Тургенев – плохой писатель, а Кузьмин – первоклассный... (Пафос его рассказывания – “любопытство к жизни”). Нельзя спрашивать, нравится ли нам Кузьмин, а надо наоборот: нравимся ли мы Кузьмину.

– Из новейших поэтов лучше других Нельдихен¹³. Но вообще я не умею открывать поэтов “на корню”, мне надо, чтобы они уже развернулись. Из современников я люблю Ходасевича. “Поколебленный треножник” прекрасная статья¹⁴... Марина Цветаева все время говорит пословицами и присловьями: нельзя же так. (У нее Мандельштамы и поселились.) Софья Парнок (недостаточно интересна): “Уж если ходишь на носке, то давай нам стальной носок ... Боратынский – опустошенная душа – явление поразительное. Он, как Андре Шенье, уходит от античности, но к романтизму не приходит. Лучшие его стихи в античном духе: “Люблю я вас, богини пения...” и т. д.»¹⁵.

2 июня Розанов фиксирует присутствие Мандельштама на общем собрании Всероссийского союза писателей (в Доме Герцена)¹⁶.

2

Неизвестная рецензия на книгу «О природе слова» (1922)

В 1922 г. в Харькове выходит книга Мандельштама «О природе слова», прошедшая практически не отмеченной современной критикой (известна только рецензия А.Л. Бема в пражском журнале «Воля России»).

Благодаря помощи киевского литературоведа С.А. Захаркина, удалось разыскать еще один отклик, не известный в литературе о Мандельштаме. В харьковском журнале «Художественная мысль» (1922. №13/14. С. 8; этот номер отсутствует в библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга) была напечатана рецензия за подписью «И. Сталь». По предположению С.А. Захаркина, с которым я полностью солидаризируюсь, можно предположительно атрибутировать этот отклик известному впоследствии литературоведу Иеремии Яковлевичу Айзенштоку (1900–1980)¹⁷, фамилия которого и обыгрывается в псевдониме.

Приведу полный текст этой рецензии по первой публикации в журнале.

«Возродившийся интерес к литературе неизбежно вызвал появление ряда книг, посвященных выявлению путей литературы и обоснованию точек зрения систем, школ и направлений. Но в большинстве случаев все эти книги, имея в виду исключительно спрос рынка, захлебываются в громких фразах, и, в конечном счете, ничего не дают читателю. Поэтому появление книги Мандельштама, серьезно подошедшего к вопросу, надо приветствовать. Кроме того, она интересна как попытка одного из виднейших акмеистов дать обоснование этого направления, так как до сих пор по этому вопросу, кроме случайных журнальных статей, мы ничего не имели.

Автор, исходя из несостоятельности теории прогресса для литературы, где нет старта, необходимо подразумеваемого при всяком прогрессе, отмечает постоянную смену литературных явлений и неизбежную “утрату” и “потерю” при всяком “улучшении”. Но известное единство для русской литературы есть. Таким критерием условного единства является язык народа. По мнению Мандельштама, живые силы эллинистической культуры, уступив запад латинским влияниям и надолго загащиваясь в бездетной Византии, устремились в лоно русской речи – и поэтому русский язык стал звучащей и говорящей плотью. Вся книга написана под углом такой “филологической” точки зрения. Так

подходит автор к футуризму и символизму и, рассмотрев на ряде писателей проявление “филологии”, переходит к краткой истории возникновения акмеизма и обоснованию его. В книге много интересных мыслей и остроумных сравнений. “О природе слова”, несмотря на специальный характер, читается легко».

3

К истории издания книги «Стихотворения» (1928)¹⁸

Вспоминая о знакомстве Мандельштама и Н.И. Бухарина, Н.Я. Мандельштам писала: «Мы “ходили” к Николаю Ивановичу [Бухарину] с 22 года, когда О. М. хлопотал за своего арестованного брата Евгения Эмильевича...» – и добавляла: «Всеми просветами в своей жизни О. М. обязан Бухарину. Книга стихов 1928 года никогда бы не вышла без активного вмешательства Николая Ивановича, который привлек на свою сторону еще и Кирова»¹⁹. Упоминаемая книга «Стихотворения» (М.; Л.: Государственное издательство, 1928) – последнее издание стихов Мандельштама, вышедшее при его жизни. Известно, как долго добивался поэт издания этого сборника, сколько согласований и утрясок пришлось ему пройти, доказывая, что его книга может заинтересовать советского читателя. Но все попытки были безуспешны. Однако трудности, с которыми столкнулся Мандельштам, были, как мне кажется, связаны не столько с отношением именно к его творчеству, сколько с общей ситуаций в книгоиздании того времени.

Мандельштам хотел издать свою книгу не где-нибудь, а в Госиздате – главном советском издательстве, претендовавшем на роль абсолютного монополиста в издательском деле. Работа Госиздата неизменно и очень жестко контролировалась сверху. И как раз в то время, когда поэт хлопотал о своей книге, Госиздат проверяла очередная партийно-правительственная комиссия.

В Архиве Президента РФ сохранились предложения, подготовленные Отделом печати ЦК ВКП(б) по поводу работы издательства. В числе «грехов» Госиздата значились, в частности, и такие:

«Отличительной чертой Отдела *художественной литературы* Госиздата за отчетный период [1925–1926 гг.] является в первую очередь *недостаточная обоснованность пропорций между частями отдела*. <...> Авторский (писательский) состав Госиздата (помимо “иностранцев”) пестрит “попутническими” именами: примерно 40% всех авторов, выпущенных Госиздатом в 1926 году. К писателям этой категории (Сейфуллина, Бабель, Лидин, Никитин и др.), пролетарским и крестьянским писателям Госиздатом в 1926 году не было уделено в своей продукции достаточного места. С другой стороны, Госиздатом не было обращено должного внимания на выпуск: 1) коммунистически выдержанной критической литературы (история, теория); 2) образцов художественной литературы народов СССР (украинская, белорусская и т. п.); 3) массовой популярной литературы для рабочих. Издание последней (с дальнейшей централизацией выпуска и массовой худ<ожественной> литературы, предназначенной для обслуживания крестьян) должно быть основной задачей Госиздата в области художественной литературы».

Отдел печати рекомендовал в будущей работе Госиздата:

«Усилить издание пролетарских и крестьянских писателей, обратив большее внимание на выдвижение молодых пролетарских и крестьянских писателей.

Сузить выпуск “попутнической” литературы, издавая таковую лишь при несомненной социальной и художественной ценности.

Усилить работу по изданию выдержанной коммунистической критики, в особенности попутнической литературы, ведя планомерную борьбу с различными проявлениями, разлагающими советскую молодежь, и в особенности рабочую молодежь»²⁰.

Вряд ли Мандельштам в этой ситуации имел шансы на издание книги, если бы не помощь Н.И. Бухарина.

В бухаринском фонде в Российском государственном архиве социально-политической истории (бывш. Центральный партийный архив) сохранились копии двух писем Бухарина: Мандельштаму (судя по всему – ответ на недодшедшее до нас обращение поэта) и директору Госиздата А.Б. Халатову.

Приведу их полный текст:

«10/VIII–27

Передано т. Мандельштаму

Лично

Копия

О.Э. МАНДЕЛЬШТАМУ

Многоуважаемый Осип Эмильевич,

Апbei²¹ – письмо Халатову. Чрезвычайно извиняюсь за задержку, запоздание etc., но Вы меня любезно простите – я был занят до последних пределов.

С искренним уважением

Ваш Н. Бухарин».

«О.Э. МАНДЕЛЬШТАМУ

Тов. ХАЛАТОВУ

Дорогой тов. Халатов,

Вы, вероятно, знаете поэта О.Э. Мандельштама, одного из крупнейших наших художников пера. Ему не дают издаваться в Гизе. Между тем, по моему глубокому убеждению, это неправильно. Правда, он отнюдь не “массовый” поэт. Но у него есть – и должно быть – свое значительное место в нашей литературе. Я это письмо пишу Вам *privatim*²², т. к. думаю, что Вы поймете мои намерения etc. Очень просил бы Вас или переговорить “пару минут” с О.Э. Мандельштамом или как либо иначе оказать ему Ваше просвещенное содействие

Ваш Н. Бухарин»²³.

Бухарин, как мы видим, осторожен и особенно подчеркивает «частный» характер своего письма. Но именно оно, конечно, сыграло решающую роль в судьбе мандельштамовской книги.

Вскоре после этого письма, 18 августа 1927 г., Мандельштам заключает договор с Ленинградским отделением Госиздата на издание «Стихотворений»²⁴ обычным для книги того времени тиражом в 2 тыс. экземпляров.

Судьбе книги «Стихотворения» посвящено и письмо Мандельштама А.Б. Халатову (приводящееся в настоящем издании по копии из американского архива Мандельштама²⁵).

Книга выходит в апреле 1928 г. и вызывает в печати довольно сдержанные и на редкость единодушные отзывы. Однако Мандельштам воспринимал ее иначе. Об этом свидетельствует, в частности, известный эпизод, связанный со «Стихотворениями».

По свидетельству Н.Я. Мандельштам, поэт весной 1928 г. обращается к Бухарину с просьбой о помиловании членов Правления Обществ взаимного кредита, приговоренных к смерти. А некоторое время спустя посылает и «Стихотворения» с дарственной надписью приблизительно такого содержания: «В этой книге все протестует против того, что Вы хотите сделать»²⁶.

---

¹ См. о нем: *Новикова А.М.* Иван Никанорович Розанов. М., 1966; Озеров Л. Об Иване Розанове // Розанов И. Литературные репутации: Работы разных лет. М., 1990. С. 3–14.

² По некоторым сведениям, отдельные дневниковые записи И.Н. Розанова сохранились также в частном архиве (Москва). Дневник И.Н. Розанова не описан в указателе, выполненном на материалах Отдела рукописей бывш. Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (Воспоминания и дневники. XVII–XX вв.: Указатель рукописей / Ред. и послесл. С.В. Житомирской. М., 1976), так как поступил в библиотеку после его выхода в свет.

- 3 Розанов И. Литературные репутации. С. 423–424, 430, 434–436.
- 4 Литературная жизнь России 1920-х годов: События, отзывы современников, библиография. М., 2005. Т. 1. Ч. 1–2.
- 5 Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 653. Карт. 6. Д. 2–6.
- 6 См. о ней: *Нерлер П.М.* Мандельштам и Шершеневич // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990.
- 7 Петровский Михаил Александрович (1887–1937) – литературовед, переводчик; в то время – сослуживец И.Н. Розанова по Румянцевскому музею.
- 8 Шихман Борис Семенович (1892–1960), в то время – поэт, член Всероссийского союза поэтов (даты его жизни сообщены Л.Д. Стоновым).
- 9 Протокол см.: Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея. Ф. 357. Оп. 1. Д. 76.
- 10 Федоров Василий Павлович (1883–1942) – поэт и переводчик. См. о нем: *Дроздов В.* Дерзопоэт Василий Федоров // Федоров В. Мумии: 1921: Книга стихов. М., 2001.
- 11 Вешнев Владимир Георгиевич (наст. фам. Пржецлавский; 1881–1932) – драматург и критик.
- 12 Литературовед Николай Калининвич Гудзий (1887–1965) и его жена.
- 13 Нельдихен (наст. фам. Нельдихен-Ауслендер) Сергей Евгеньевич (1891–1942) – поэт. В 1922 г. вышла его книга «Органное многоголосье» (Пг., 1922).
- 14 Точнее: «Колеблемый треножник».
- 15 Ср. в мандельштамовской статье 1922 г. «Литературная Москва».
- 16 Реконструкцию этого собрания см.: Литературная жизнь России 1920-х годов: События, отзывы современников, библиография. М., 2005. Т. 1. Ч. 2. С. 427.
- 17 См. новейшее издание, подготовленное С.А. Захаркиным: Айзеншток І. Автобіографія; Вибрані листи (1910-і – 1920-і роки). Київ, 2003.
- 18 Первый вариант этой заметки опубликован: «Вы, вероятно, знаете поэта О.Э. Мандельштама...»: Николай Бухарин об Осипе Мандельштаме // Русская мысль=La Pensée Russe. P., 2000. № 4321.

Публикации и материалы к биографии О.Э. Мандельштама

- ¹⁹ Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1989. С. 106.
- ²⁰ Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 21.
- ²¹ При этом (*нем.*).
- ²² Частным образом (*лат.*).
- ²³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 329. Оп. 1. Д. 13.
- ²⁴ См. «Даты жизни и творчества», составленные П.М. Нерлером: Мандельштам О. Собрание сочинений. В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 449.
- ²⁵ Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. С. 95–96. См. публикацию в настоящем издании.
- ²⁶ Вскоре он получает от Бухарина телеграмму с сообщением о смягчении приговора (*Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. С. 450*).

АННА АХМАТОВА
И ВЛАДИМИР ШИЛЕЙКО

<1>

Л. Видгоф

МОСКОВСКАЯ ВСТРЕЧА
С АННОЙ АХМАТОВОЙ

Хорошо известно о многолетней дружбе, связывавшей Осипа Мандельштама с Анной Ахматовой. Каждая их встреча была важна для обоих поэтов. Естественным и неизбежным образом, мы знаем, в сущности, очень немного из того, что можно назвать – в широком смысле – содержанием этого непосредственного, живого устного общения. Более того, мы наверняка не знаем о многих из этих встреч вообще.

Тем внимательнее стоит отнестись к моментам их общей судьбы, которые были отмечены, выделены самими поэтами. И пусть о чем-то мы знаем сегодня совсем мало – не исключено, что когда-нибудь одна из нитей, которые у нас в руках, выведет нас к новому знанию и пониманию.

В дополнениях к «Листкам из дневника», создававшимся в 1957–1963 гг., Ахматова кратко упомянула встречу с Мандельштамом в 1918 г.: «О. М. в 3-м Зачатьевском»¹. Имеется в виду Третий Зачатьевский переулочек рядом с улицей Остоженкой в Москве. В этом переулочке Анне Ахматовой довелось жить в 1918 г.; несмотря на то что ее тогдашнее пребывание в новой столице было достаточно кратким, она не раз возвращалась памятью к этим местам – очевидно, они многое значили в ее жизни. (Переулочек расположен рядом с женским монастырем, наименованным в честь Зачатия св. Анны; святая Анна, по преданию, – мать девы Марии. Дом, в котором жила Анна Андреевна, – о нем ниже – находится в ближайшем соседстве с монастырем. Несомненно, Ахматова не могла не обратить внимания на это обстоятельство: место, которое назначила ей в Москве судьба, оказалось как бы ей соименным – хотя сама она получила имя в честь другой Анны, евангельской Анны-пророчицы.) В записной книжке, которую Ахматова заполняла с весны 1961 по осень 1963 г. (отдельные записи добавлялись в 1964-м), содержится план задуманной ею книги «Мои полвека» (1910–1960). План состоит из 20 пунктов. Пункты 12 и 18 фиксируют пребывание в Москве в 1918 г.: «Москва в 1918 (3-ий Зачатьевский)»; «Москва в 1914. (С вокзала на вокзал через Кремль. Накануне войны 1914.) В 1918 – Третий Зачатьевский. Голодная Москва»². В другой записной книжке (июль 1964 – январь 1965) встречаем краткую запись о переулочке у Остоженки: «Третий Зачатьевский (1918 г.) с Вл<адимиром> К<азимировичем> Ш<илейко>»³. В книжке, хранящей записи, сделанные Анной Ахматовой в самом конце жизни (конец февраля – начало марта 1966), в перечне, озаглавленном «Даты (малый список)», содержится более значимое упоминание: «Москва (первая) с Шилейко. III-й Зачатьевский, 3? Осень 1918. С Вл<адимиром> Каз<имировичем> Шилейко. Стихи»⁴.

Возможно, ахматовское выражение «Москва (первая)» говорит о первом приезде в старую, ставшую новой, столицу именно с В. Шилейко. Однако не исключено, что

речь идет о «первом» настоящем знакомстве с городом – ранее Ахматова только бывала в Москве, «останавливалась» в Москве, но не жила в ней. «Голодная» Москва 1918 г. могла остаться в памяти Ахматовой как «первая» – поскольку в это время Москва впервые по-настоящему вошла в ее жизнь. (Добавим, что это первая запись о Москве в цитируемом списке дат.)

Не раз говорила Анна Андреевна об этой поездке в Москву в беседах с П.Н. Лукницким. Приводим его записи на интересующую нас тему:

«1918 (?). Ездил в Москву с В.К. Шилейко. У него был мандат, выданный отделом охраны памятников старины и подписанный Н. Троцкой, удостоверяющий, что ему и его жене (АА) предоставляется право осматривать различные предметы, имеющие художественную ценность, и накладывать на них печати»⁵; «1918 <...> 1 или 2 августа АА уехала с Шилейко в Москву»⁶.

Упомянутая в разговоре с П. Лукницким «Н. Троцкая» – жена Л.Д. Троцкого Наталья Ивановна Седова-Троцкая. В мае 1918 г. в Народном комиссариате просвещения был создан отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины («музейный отдел» Наркомпроса). Н.И. Троцкая возглавляла отдел с июня 1918 г. в течение почти десяти лет. «Накладывать печати» на предметы, «имеющие художественную ценность», – значило ли это «готовить их к последующей реквизиции»? Судя по тому, что известно о работе музейного отдела, – дело обстояло так далеко не всегда. Напротив, во многих случаях работники Музейного отдела спасали от конфискации, разграбления и уничтожения памятники старины, книги, разного рода коллекции и пр. И, вполне вероятно, В. Шилейко и Ахматова могли участвовать в этой работе спасения.

В одной из вышеприведенных записей Ахматовой назван (с некоторым сомнением) и номер дома в Третьем Зачатьевском переулке, в котором Анна Андреевна и В.К. Шилейко жили – «3?». Это предположительное краткое упоминание является свидетельством замечательной памяти

автора записи: как неопровержимо доказывают публикуемые ниже найденные Л.А. Рыбиной архивные материалы, Ахматова в 1966 г. не ошиблась в номере дома, где она прожила не так уж долго – вторую половину августа и какую-то часть сентября в 1918 г. – почти полвека тому назад.

Хотелось бы обратить внимание на еще одно обстоятельство. Согласно одной из записей П. Лукницкого, Анна Андреевна с В.К. Шилейко уехали в Москву «1 или 2 августа». Однако в соответствии с ниже публикуемым⁷ документом они поселились в доме 3 по 3-му Зачатьевскому переулку 15 августа. Даже учитывая обстановку в стране в 1918 г., трудно представить, что поездка из Петрограда в Москву длилась около двух недель. Можно предположить, конечно, что до размещения в отведенном им жилье в 3-м Зачатьевском они жили определенное время в Москве где-либо еще. Но это очень маловероятно и на этот счет нет никаких свидетельств. В своей «Летописи жизни и творчества Анны Ахматовой» В.А. Черных пишет: «1-е февраля 1918 г. специальным декретом ВЦИК и Совнаркома было объявлено 14-м февраля. <...> Однако Ахматова и многие другие люди ее круга “не приняли” этой реформы и еще много лет продолжали датировать свои произведения и частные письма по “старому стилю”... Постепенно, ко второй половине 20-х годов это неприятие стало непоследовательным... Во многих случаях оказывается невозможным точно определить, по какому стилю тот или иной факт или документ. В настоящем издании приняты следующие, поневоле компромиссные приемы датировки... [И несколько ниже В. Черных сообщает об одном из таких приемов. – Л. В.:] В тех <...> случаях, когда не удается точно установить, по какому стилю датирован в источнике данный факт или документ, он включается в Летопись по дате оригинала, предшествуемой звездочкой. Таким образом обозначение даты: *Ноября 15 может означать и Ноября 15 (2) [в скобках – дата по старому стилю – Л. В.] и Ноября 28 (15)»⁸.

В своей «Летописи...» В. Черных, цитируя вышеприведенную и нами запись Лукницкого, приводит дату отъез-

да Ахматовой и В.К. Шилейко из Петрограда с предваряющей звездочкой: «*Августа 1 или 2. “А.А. уехала с В.К. Шилейко в Москву”»⁹. Основываясь на документе, обнаруженном Л.А. Рыбиной, можно с очень большой вероятностью утверждать, что П. Лукницкий в данном случае записал, со слов Ахматовой, дату отъезда по старому стилю: в домашней же книге даты должны были проставляться, очевидно, в соответствии с официально принятым порядком летоисчисления. Таким образом, можно считать практически доказанным, что встреча Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама в 3-м Зачатьевском пер. не могла состояться ранее 15 августа (н. ст.) 1918 г.

Собственно говоря, и сам П.Н. Лукницкий именно в связи с этой поездкой Ахматовой и Шилейко в Москву отмечает возможную стилевую путаницу, записывая слова Анны Андреевны: «В августе 18 года с В.К. Шилейко уехала в Москву, в сентябре мы приехали на несколько дней вместе в Петербург и опять уехали в Москву. (Тут стили уже мешаются, начинается путаница стилевая... – если не “стильная”!), [в скобки помещено, видимо, замечание П. Лукницкого – Л. В.]. Пробыли там (в Москве) недолго и совсем вернулись в Петербург»¹⁰.

В какой атмосфере встретились в 3-м Зачатьевском Ахматова и Мандельштам? Не вдаваясь в обстоятельства, отметим только трагический колорит написанного позднее стихотворения-воспоминания «Третий Зачатьевский» (1940) – «Переулочек, переул... / Горло петелькой затянуло»¹¹ – и декларируемый в стихотворении «Ночью», созданном в Москве 1918 г., – именно в то время, когда Ахматова жила в 3-м Зачатьевском – уход в себя, сведение до минимума контактов с окружающим миром: «Идет домой неверная жена, / Ее лицо задумчиво и строго, / А верную в тугих объятьях сна / Сжигает негасимая тревога. // Что мне до них? Семь дней тому назад, / Вздохнувши, я прости сказала миру. / Но душно там, и я пробралась в сад / Взглянуть на звезды и потрогать лиру»¹².

(«Горло петелькой затянуло...» – ахматовский образ топографически точен: 2-й и 3-й Зачатьевские переулки,

опоясывающие монастырь, образуют, вместе с Коробейниковым и Молочным, нечто вроде петли, и дом 3 по Третьему Зачатьевскому находится внутри этой «петельки».)

В «Листках из дневника», вспоминая революционные годы, Ахматова отмечает: «Особенно часто я встречалась с Мандельштамом в 1917–1918 гг.... <...>

Мне пришлось объяснить Осипу, что нам не следует так часто встречаться, что это может дать людям материал для превратного толкования наших отношений.

После этого, примерно в марте, Мандельштам исчез. Тогда все исчезали, и никто этому не удивлялся»¹³.

Но, думается, исчезновение Мандельштама из поля зрения Ахматовой надо отнести к несколько более позднему времени.

В мае–июне 1918 г. Мандельштам бывает, приезжая из Петрограда, а затем и поселяется в Москве; в это время он создает стихотворения «Когда в теплой ночи замирает...», «Телефон», «Сумерки свободы» (видимо, тогда же пишется и «Все чуждо нам в столице непотребной...»). «В Москве Мандельштам становится постоянным сотрудником “Знамени труда”, – пишет Ахматова. – Таинственное стихотворение “Телефон”, возможно, относится к этому времени»¹⁴. И, после этих слов, Ахматова помещает в «Листках из дневника» полный текст упомянутого стихотворения. Однако сотрудником «Знамени труда» Мандельштам становится, насколько известно, в начале следующего, 1919 г., и именно в 1919 г. он действительно «исчезает» – едет в феврале в Харьков, потом в Киев и далее на юг; в Москве и Петрограде он снова появится только в октябре 1920 г.¹⁵ Каким образом текст стихотворения «Телефон», чей беловой автограф сохранился в архиве Н.В. Рыковского, сотрудника газеты «Раннее утро»¹⁶, мог оказаться у Ахматовой (стихотворение впервые было опубликовано в составе ахматовских «Листков из дневника» в нью-йоркском альманахе «Воздушные пути» – в № 4 за 1965 г.)? Можно предположить, что Мандельштам познакомил Ахматову со своим стихотворением в конце лета – начале осени 1918 г., когда она жила в Москве, в Третьем Зачатьев-

ском переулке. Газета «Знамя труда» также, конечно, упомянута Ахматовой не случайно. На страницах этой газеты был опубликован мандельштамовский «гимн» «Сумерки свободы» (в номере от 24 мая 1918 г.). «Революция была для него [Мандельштама. – Л. В.] огромным событием, и слово *народ* не случайно фигурирует в его стихах», – утверждает Ахматова в «Листках из дневника»¹⁷, выделяя слово «народ». Очевидно, это отсылка к «Сумеркам свободы», где народ именуется, в обращении к нему, «солнце» и «судия».

«Снова и совершенно мельком я видела Мандельштама в Москве осенью 1918 года», – продолжает Ахматова свой рассказ о покойном друге-поэте в «Листках из дневника»¹⁸. В «Дополнениях к “Листкам из дневника”» сказано несколько иначе, «мельком» отсутствует: «Он неожиданно очень грозно обиделся на меня и совсем перестал бывать на Боткинской [в Петрограде, где он часто бывал у Ахматовой, пока она не дала ему понять, что слишком частые встречи нежелательны. – Л. В.]. Однако тогда все вокруг было так раздрызгано, бесформенно, кто-то уезжал навсегда, кто-то не навсегда... что исчезновение О. М. меня не удивило. О. М. в 3-м Зачатьевском»¹⁹.

С июня 1918-го по середину февраля 1919 г. Мандельштам работал в Наркомпросе – служил в отделе реформы школы в должности заведующего подотделом эстетического воспитания (в связи с этой работой написана его статья «Государство и ритм»). Наркомпрос располагался тогда в бывшем Катковском лицее (Остоженка, 53) – в десяти минутах ходьбы от дома в Третьем Зачатьевском переулке, где жили в августе–сентябре 1918 г. В. Шилейко и Ахматова. Нельзя не отметить, что они получили «право на жительство» в доме № 3 как работники того же учреждения, в котором служил тогда Мандельштам: в домовую книгу указано, что «Шелейко» (так!) Владимиру и Анне Андреевне «выдано удостов. народным комиссариатом по просвещению отд. по дел. муз. и охраны пам. искуст. (так!) и старины»; указан и адрес Наркомпроса: «Ост. уг. Крым. проезд. д. 53» (Остоженка, угол Крымского проезда, д. 53).

Виделись ли Мандельштам и Ахматова в Москве 1918 г. действительно «мельком» или их общение было несколько более интенсивным, мы установить не можем. Во всяком случае есть все основания предполагать, что Мандельштам познакомил Анну Андреевну со своими стихами этой поры. Встреча с Мандельштамом в революционной Москве была для Ахматовой, несомненно, важна, почему она и считала нужным обязательно упомянуть ее в своих воспоминаниях о поэте.

Восемнадцатый год! Достаточно только напомнить о некоторых событиях той поры, чтобы можно было почувствовать дуновение ветра этого невероятного года:

– 30 августа Л. Каннегисером был убит председатель ЧК Петрограда М. Урицкий; в этот же день в Москве на заводе Михельсона совершается покушение на Ленина (виновницей покушения на жизнь вождя объявляется эсерка Ф. Каплан);

– 2 сентября ВЦИК объявляет Советскую Республику «военным лагерем»;

– 5 сентября провозглашается «красный террор».

Столь же ощутимо проявило себя время в скупых строчках квартирной книги, о которой идет речь ниже: записи о получении продовольственных карточек говорят сами за себя (см. в статье Л.А. Рыбиной).

Как свидетельствует домовая книга, В.К. Шилейко снова поселился здесь, уже один, 8 февраля 1919 г. (точнее, в книге указано «8 февраля 1918», но это явная описка), и тот же «В.», который выдавал карточки ему и Анне Андреевне в августе 1918 г., выдал Владимиру Казимировичу и теперь, «10/II», «1 хл 1 пр 1 пап» – последнее сокращение этой трехчастной формулы означает очевидно «папиросы». Запись в графе «Куда и когда выбыл; подпись полицейского чиновника» (использовалась еще «старорезжимная» книга; эти записи делались, естественно, другим лицом, ответственным за прописку и подписывавшимся «МД») говорит о том, что Владимир Казимирович уехал отсюда «на фронт». Под этими словами стоит неясная, причем зачеркнутая дата (число читается явно как «28»,

но какого месяца – сказать точно затруднительно). Под этой записью имеется другая: «6/Х 1919», говорящая, видимо, о дне очередного просмотра книги тем же ответственным лицом. Обозначенную в квартирной книге причину отъезда В.К. Шилейко из дома в 3-м Зачатьевском в 1919 г. – «на фронт» – можно рассматривать, видимо, как фиктивную: насколько нам известно, никаких данных о пребывании Шилейко в этом году на каком-либо фронте не имеется. Ведь и против имени «Анны Андреевны Шелейко» [так!] тот же «МД» проштамповал в той же графе, где регистрировалось прекращение прописки (именно проставил в данном случае штамп, а не записал): «13 окт 1919» (куда уехал в данном случае «желец», не говорится). К этому времени Анна Андреевна уже более года как не жила в Москве.

Вернемся к августу 18-го. Уже многое было пережито и увидено (и предвидено). Еще в дни «революции Керенского» Ахматова говорила Б. Анрепу: «Будет то же самое, что было во Франции во время Великой революции, будет, может быть, хуже»²⁰. Осип Мандельштам еще в 1916 г. написал об Ахматовой: «...в настоящее время ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России»²¹, а в декабре 1917 г. адресовал ей стихотворение «Кассандре», в котором предсказал ее будущее: одиночество среди беснующейся дикой толпы. Совсем недавно, в конце июня или начале июля, Мандельштам разорвал выхваченные из рук Я. Блюмкина некие «приговорные» бумаги; после этого в страхе скрывался от чекиста. Этим же летом в стихотворении «Все чуждо нам в столице непотребной...» он сказал с афористической ясностью: «...страшный вид разбойного Кремля»²².

Время было голодное, страшное – и необыкновенное. Трагедия перестала быть литературным жанром и стала жизнью. Мандельштам писал о «невыносимом гнете» власти и, в то же время, о пробудившемся народе. «В кипящие ночные воды / Опущен грузный лес тенет. / Восходишь ты в глухие годы, – / О Солнце, судия, народ» («Сумерки свободы», 1918)²³. Несомненно, образ восходящего народа-

Солнца (может быть, по аналогии с выражением «король-Солнце»?) никак не поверхностно-восторженный. Поднимающийся народ – «судия», и суд его не будет мягкосердечен. В русской поэзии слово «судия» не может не вызывать в памяти лермонтовское «есть грозный судия...». Не обладая достаточными познаниями в области лермонтовской текстологии и, соответственно, не имея ни в малейшей степени намерения вмешиваться в спор о том, «как правильно» – «есть грозный суд» или «есть грозный судия», заметим только, что в многочисленных публикациях «Смерти поэта» XIX – первой половины XX в. встречается второй вариант, «есть грозный судия», и, таким образом, он мог восприниматься в мандельштамовское время как адекватно лермонтовский. Лермонтов писал, несомненно, о суде Божьем – хотя поэт, еще в 1830 г. заявивший: «Настанет год, России черный год, / Когда царей корона упадет...» («Предсказание», 1830) и приветствовавший Французскую революцию («30 июля. [Париж] 1830 года»; в этом стихотворении идет речь и о будущем «окончательном» Божьем суде, причём употреблено именно слово «судия»: «Когда появятся весы / И их подымет судия ...»²⁴), не исключал, очевидно, возможности проявления Божественной справедливости и в форме земного возмездия. Мандельштам именуется «судией» революционный народ, и слово «судия» в «Сумерках свободы» вызывает в памяти лермонтовское определение: «грозный». Суд будет грозный. Тем не менее поэт был увлечен, захвачен трагическим величием происходящего.

При полном сознании масштабности перемен Ахматова, думается, была настроена менее патетично.

Шел 1918 год. Ахматовой было 29 лет, Мандельштаму – 27.

Столько еще было впереди!

---

¹ Ахматова А. Дополнения к «Листкам из дневника» // Ахматова А. Requiem. М., 1989. С. 147.

- 2 Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М.; Torino, 1996. С. 136–137.
- 3 Там же. С. 586.
- 4 Там же. С. 662.
- 5 Лукницкий П. Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. 1924–1925 гг. Р., 1991. С. 34.
- 6 Там же. Т. II. 1926–1927 гг. Париж; М., 1997. С. 78.
- 7 См. в статье Л. Рыбиной.
- 8 Черных В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. 2. М., 1988. С. 5–6.
- 9 Там же. С. 14.
- 10 Лукницкий П. Указ. соч. Т. I. С. 103.
- 11 Ахматова А. После всего. М., 1989. С. 130.
- 12 Ахматова А. Десятые годы. М., 1989. С. 241.
- 13 Ахматова А. Листки из дневника // Ахматова А. Requiem. С. 130–131.
- 14 Там же. С. 131.
- 15 Даты жизни и творчества О. Мандельштама // Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 440–441.
- 16 См. примечания А.Г. Меца к стихотворениям О. Мандельштама // Мандельштам О. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. М.Л. Гаспарова и А.Г. Меца. Сост., подг. текста и примеч. А.Г. Меца. СПб., 1995. С. 651.
- 17 Ахматова А. Листки из дневника. С. 130.
- 18 Там же. С. 132.
- 19 Ахматова А. Дополнения к «Листкам из дневника». С. 146–147.
- 20 Апреп Б. О черном кольце // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 61.
- 21 Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1993. Т. 1. С. 208.
- 22 Там же. С. 136.
- 23 Там же. С. 135.
- 24 Лермонтов М. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Л., 1989. Т. 1. С. 131, 141.

<2>

Л. Рыбина

ДОМ В ТРЕТЬЕМ ЗАЧАТЬЕВСКОМ

В стороне от Остоженки, рядом со стенами полуразрушенного Зачатьевского монастыря стоит двухэтажный дом – образец рядовой застройки послепожарной Москвы XIX в., с каменной пристройкой в стиле модерн начала XX столетия. Дом № 3 по 3-му Зачатьевскому переулку, чудом сохранившийся до нашего времени, связан с именами выдающихся деятелей отечественной культуры прошлого столетия: Ф.И. Шаляпина, А.А. Ахматовой и В.К. Шилейко.

Дом выстроен в 1816 г. надворной советницей А.А. Вяземской и первоначально был двухэтажным (низ каменный, верх деревянный) с мезонином. На протяжении XIX столетия сменилось несколько его владельцев. С 1903 г. дом числился в собственности потомственного почетного гражданина С.И. Коробова. По заказу домовладельца в том же 1903 г. дом был перестроен по проекту архитектора А.А. Остроградского: разобраны мезонин и торцовая северо-восточная стена здания, сделана двухэтажная жилая пристройка в стиле модерн. Дом приобрел современный вид. Здание оставалось в собственности Коробовых вплоть до 1917 г.

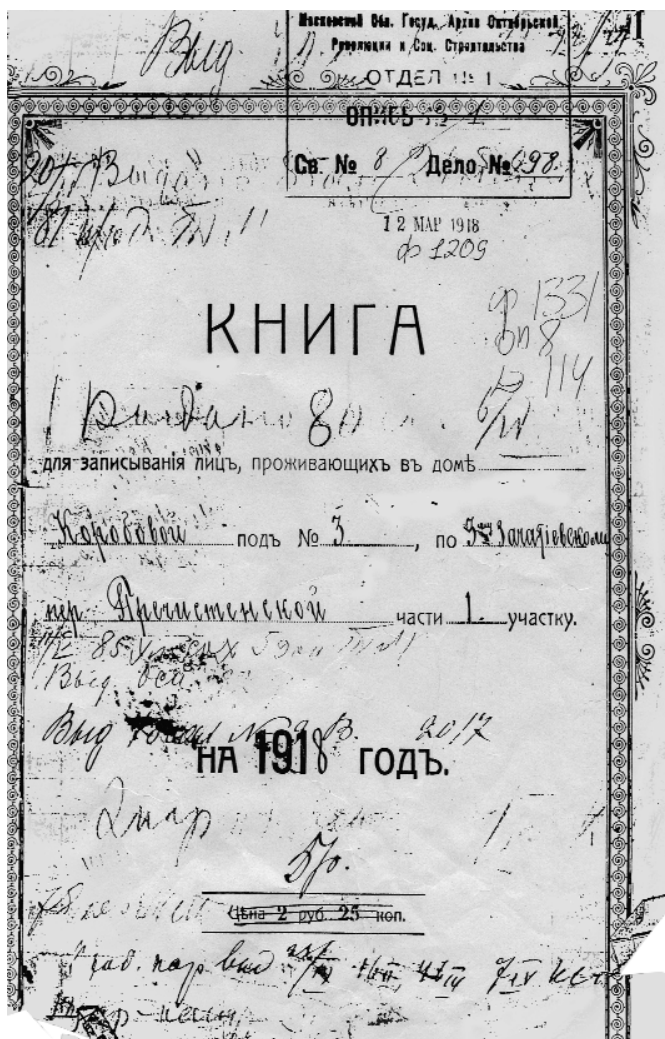
С 1903 по 1907 г. дом арендовал Ф.И. Шаляпин. Дочь Шаляпина Ирина Федоровна в своих воспоминаниях связывала переезд семьи в 3-й Зачатьевский переулок со смертью в июне 1903 г. первенца, любимца Ф.И. Шаляпина – сына Игоря: «Потеря ребенка глубоко потрясла отца, в припадке отчаянья он чуть было не застрелился; страдания его были жестоки, он долгое время не мог прийти в себя»¹. Тогда-то и было принято решение оставить старую квартиру в Леонтьевском переулке, где слишком многое напоминало о потере, и переехать в тихий и зеленый район Остоженки, в дом С.И. Коробова. Переезд состоялся осенью 1903 г., к тому

Третий Зачатьевский пер., д. 3. Фотография Л. Видгофа.
1990-е годы

времени перестройка дома С.И. Коробовым была уже закончена. «Вскоре перебрались на новую, более просторную квартиру, вернее, небольшой особняк, в 3-й Зачатьевский переулок около Остоженки...»², – вспоминала Ирина Федоровна.

Здесь у Шаляпиных в гостях часто бывали многие писатели, художники, композиторы: А.М. Горький, С.Г. Скиталец, Л.Н. Андреев, С.В. Рахманинов, К.А. Коровин и др. 22 сентября 1904 г. у Ф.И. Шаляпина родился сын Борис, будущий известный художник. В этот день Ирине Федоровне запомнился «отец – счастливый, радостный, несущий на руках по широкой лестнице мать, одетую в белое, воздушное, украшенное кружевами и лентами платье. (Столовая находилась в первом этаже, а комната матери – на втором»³.) По воспоминаниям С.Г. Скитальца, Шаляпин «на радостях созвал небольшую, но интимную компанию гостей: тут были только художники, композиторы и писатели <...>

Книга для записывания лиц, проживающих в доме № 3 по 3-му Зачатьевскому переулку, на 1918 г. Центральный муниципальный архив г. Москвы. Ф. 1331. Оп. 8. Д. 114. Титульный лист.

Фотография Л. Рыбиной

Современники

Откуда и когда прибыл в дом.	Фамилия, имя, отчество и звание, холост или женат.	Врожденное звание.	Какая учрежденная, какого года, месяца и числа и за какую № выданная предьявляемый на жилищно-коммунальный документ.	Срок полного сбора коммунальной платы.
Имущество	Шведова Красовича	Удальца	Шведова Красовича	
свобод.	Кайшов Александр		Кайшов Александр	
2 чф.	Моловская		Моловская	
25 чф.	Модальская		Модальская	
	Модальская		Модальская	
	Модальская		Модальская	
чф.	Модальская		Модальская	
Александр	Шлейко		Шлейко Александр	
гражд.	Владимир		Владимир	
Ива	Шлейко		Шлейко Ива	
Петр	Анна		Анна	
2 чф.	Ахматовой		Ахматовой	
Ива	Шлейко		Шлейко Ива	
Петр	Влад. Кашин		Влад. Кашин	
	П. чф. Петрова		Петрова	

Книга для записывания лиц, проживающих в доме № 3 по 3-му Зачатьевскому переулку, на 1918 г. Страница с именами В.К. Шлейко и Анны Ахматовой. Фотография Л. Рыбиной

Публикации и материалы к биографии О.Э. Мандельштама

Имя и фамилия большой касты. Ж и время занесения записей на участнику касты.	На квартиру или на переулки и если на квартиру, то чья квартира.	№ квартиры	Срок паспорта	Год, месяц и число явки и прописки в город, поселок, сельсовет, коммунальный двор.	Куда и когда выехали, подпись владельца коммунального двора.
Козлов, Андрей ср.	переселенца	1	1918г. 25	1918г. 25	Кларин, Андрей 22 мая 1918г. с. Шелехово
					В. Шилейко Л. Рыбина
				15 Августа 1918г.	с. Шелехово ин. I сел. 1918
				15 Августа 1918г.	с. Шелехово ин. I сел. 1918
				8 февраля 1918г.	с. Шелехово ин. I сел. 1918

Книга для записывания лиц, проживающих в доме № 3 по 3-му Зачатьевскому переулку, на 1918 г. Страница с указанием даты, когда В. Шилейко и Ахматова поселились в этом доме: 15 августа 1918 г. Фотография Л. Рыбиной

Очень интересная компания собралась у него за чайным столом»⁴. «Не хватало только Алексея Максимовича Горького, – пишет Ирина Федоровна. – Отец впопыхах не сразу сообщил ему о рождении сына. Но Алексей Максимович каким-то образом узнал и прислал поздравление “по-горьковски”: “Что же ты мне, черт, не телеграфировал, когда родился сын? Эх, ты, друг! Колокольня! Алексей”»⁵.

На втором этаже дома находились жилые комнаты, детская, кабинет, большой зал, где стоял рояль и где работал Ф.И. Шаляпин. В этом зале В.А. Серов, живший недалеко, в Большом Знаменском переулке, и часто бывавший у Шаляпиных, написал углем известный портрет артиста в полный рост. Ф.И. Шаляпин охотно позировал Валентину Александровичу, а в перерывах жена певца Иола Игнатъевна угощала их чаем. За чаем художник делал зарисовки; таким образом был создан портрет хозяйки дома И.И. Шаляпиной накануне рождения близнецов Федора и Татьяны в сентябре 1905 г. В 1907 г. семья Шаляпиных уехала за границу; возвратились Шаляпины в 1909-м, но поселились уже в другом месте.

В этом же доме в конце лета 1918 г. жили А.А. Ахматова и В.К. Шилейко. Владимир Казимирович Шилейко – выдающийся ученый, востоковед, занимался изучением древнейших цивилизаций: Шумера, Вавилона, Ассирии. Шилейко был не только ученым, он обладал и незаурядным поэтическим даром⁶. Ему посвящен ахматовский цикл стихотворений «Черный сон».

Местоположение дома довольно точно описано в стихотворении Ахматовой «Третий Зачатьевский»: «Как по левой руке – пустырь, / А по правой руке – монастырь». Владение, находившееся с левой стороны от дома, к 1918 г. представляло собой пустырь, так как вся застройка после Февральской революции сгорела. С правой же стороны дом примыкал к соседнему владению и к стене Зачатьевского монастыря. В связи с тем что документальных подтверждений о пребывании Ахматовой и Шилейко в этом доме не было, исследователи творчества А.А. Ахматовой, москвоведы вынуждены были писать с оговоркой «возможно».

Недавно обнаруженная сотрудниками Центра историко-градостроительных исследований в Центральном муниципальном архиве г. Москвы (ЦМАМ) домовая «книга для записывания лиц, проживающих в доме Коробовой под № 3 по 3-му Зачатьевскому пер. на 1918 год» подтверждает это предположение. В ней указано, что квартиру № 2 (вероятно, на втором этаже) в доме Коробовой с 15 августа по 1 сентября занимали прибывшие из Петрограда «Шелейко Владимир и Шелейко Анна Андреевна»⁷. Ими было предоставлено удостоверение от 16 июля 1918 г., выданное Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по просвещению. Видимо, об этом удостоверении упоминает П.Н. Лукницкий, писавший со слов А.А. Ахматовой, что у В.К. Шилейко «был мандат, выданный отделом охраны памятников старины и подписанный Н. Троцкой, удостоверяющий, что ему и его жене предоставляется право осматривать различные предметы, имеющие художественную ценность, и накладывать на них печати». Кроме того, Анной Андреевной было предъявлено удостоверение от Союза коммун Северной области (№ 3259 от 6 августа 1918 г.). Тогда же, 15 августа, в день прописки А.А. Ахматова и В.К. Шилейко получили две хлебные и две продовольственные карточки. Об этом свидетельствует запись рядом со штампом «Карточное бюро Пречистенск. Комиссариата»: «Выд. 2 хл., 2 пр. 15/8. Сах. не получ.» (вторая часть записи читается как «Сахар не получен». — *Л. Р.*).

В сентябре 1918 г. Ахматова с Шилейко вернулись в Петроград, и вскоре Анна Андреевна поселилась у Владимира Казимировича в его комнате в северном служебном флигеле Фонтанного Дома. Несмотря на то что вскоре Анна Андреевна и Владимир Казимирович уехали в Петроград, квартира числилась за ними до 13 октября 1919 г. В.К. Шилейко приезжал в Москву и зимой 1919-го.

Анна Андреевна была замужем за Владимиром Шилейко недолго (1918–1920; официальный развод состоялся в 1926 г.); в Москве они провели, казалось бы, считанные дни.

Однако короткое время их жизни в холодной и голодной Москве запомнилось Анне Андреевне. В 1940 г. она написала стихотворение «Третий Зачатьевский».

Переулочек, переул...
Горло петелькой затянул.
Тянет свежесть с Москва-реки,
В окнах теплятся огоньки.
Покосился гнилой фонарь –
С колокольни идет звонарь...
Как по левой руке – пустырь,
А по правой руке – монастырь,
А напротив – высокий клен
Красным заревом обагрен,
А напротив – высокий клен
Ночью слушает долгий стон.
Мне бы тот найти образок,
Оттого что мой близок срок,
Мне бы снова мой черный платок,
Мне бы невской воды глоток⁸.

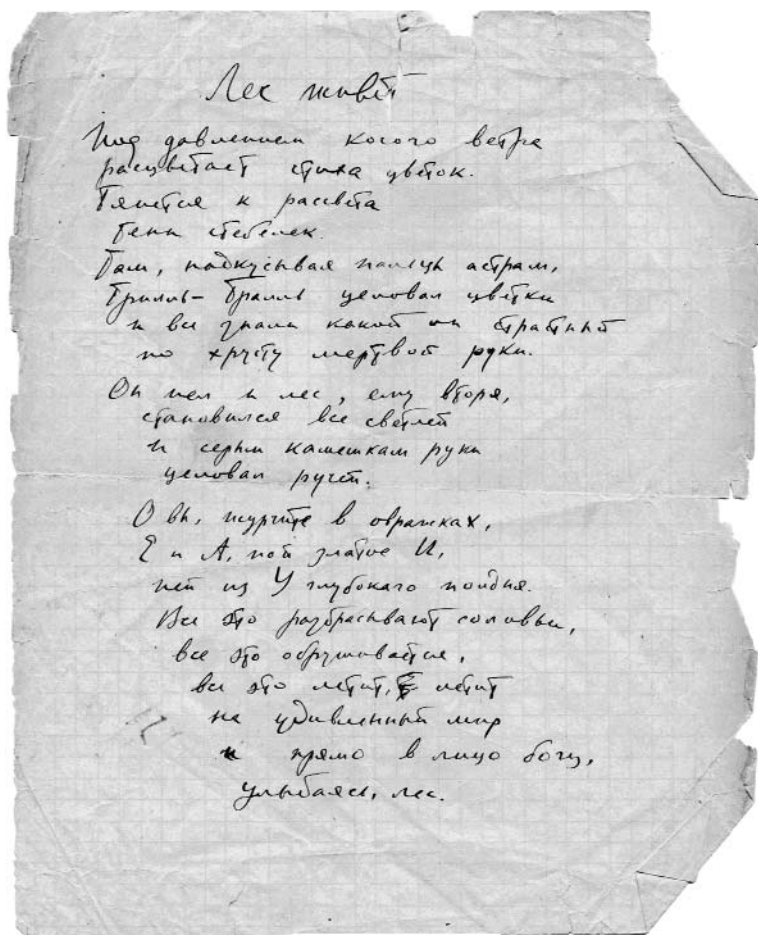
В 1960-е годы Ахматова часто просила писательницу Н.И. Ильину отвезти ее в 3-й Зачатьевский. Н.И. Ильина вспоминала: «В самом конце 1958 года мне удалось привести в исполнение давнюю свою мечту: купить автомобиль, который я стала водить сама». «Ходить ей [Ахматовой. – Л. Р.] было трудно, поездки в автомобиле давали ей возможность видеть улицы города, видеть природу». «Мы с ней много ездили. Она любила арбатские переулки, улицу Кропоткина (всегда называла ее Пречистенкой), часто просила меня отвезти ее в 3-й Зачатьевский <...> В этом переулке она жила когда-то <...>»⁹.

- ¹ Федор Иванович Шаляпин. В 3-х т. Т. 2. Воспоминания о Ф.И. Шаляпине. М., 1977. С.14.
- ² Там же. С. 15.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 174–175.
- ⁵ Там же. С. 15.
- ⁶ Творческое наследие В.К. Шилейко представлено, в частности, в кн.: *Шилейко В.К.* Пометки на полях. Стихи. СПб., 1999; *Всходы вечности: Ассиро-вавилонская поэзия в переводах В.К. Шилейко.* М., 1987; *Шилейко В.К.* Через время. М., 1994. В этих же изданиях см. характеристику Шилейко как ученого, переводчика и поэта. См. также: *Шилейко Т.И.* Легенды, мифы и стихи... // Новый мир. 1986. № 4. С. 199–212.
- ⁷ ЦМАМ. Ф.1331. Оп. 8. Д. 114. См. также данные об истории дома: ЦАНТДМ (Центральный архив научно-технической документации г. Москвы). Ф. 1, Пречистенская часть. № 102/105; ЦИАМ (Центральный исторический архив г. Москвы). Ф. 14. Оп. 6. Д. 188.
- ⁸ *Ахматова А.* После всего. М., 1989. С.130–131.
- ⁹ *Ильина Н.* Дороги и судьбы. М., 1991. С. 342, 346.

Б. Фрезинский

О БОРИСЕ ЛАПИНЕ

Поэт, прозаик, переводчик Борис Лапин родился в Москве 17 (30) мая 1905 г. Его отец Матвей Осипович Лапин был врач, и на двери их квартиры в Мясном переулке (в доме 26 между улицами Сретенкой и Трубной, принадлежавшем О.Р. Фальку) красовалась дощечка: «Кожные, мочеполовые и венерические болезни. Прием по вторникам, четвергам и субботам с 3 до 5 часов дня». Мои сведения о детстве Лапина – скудны. Знаю только о распаде семьи: отец остался с сыном, жена уехала во Францию, в Париже у нее была новая семья. И.И. Эренбург, вдова Б.М. Лапина, считала, что французская писательница Доминик Десанти – дочь матери Лапина от нового брака (единоутробная сестра Б. М.). Я с Доминик встречался в 1996-м в Париже, но разговора о Лапине не получилось – она рассказывала только об Эренбурге... Биографы Лапина М. Протасова и И. Тёмкина много говорили о своем герое с Ириной Ильиничной и след этих бесед остался в их книге¹: в частности, в словах об одиноком детстве Бориса и о горькой тени семейной трагедии... Борису Лапину было 12 лет, когда случилась революция – какая там была учеба! Но, человек книжных интересов и языков, он учился сам. Вот его собственное свидетельство: «Мой отец был врачом, он работал в полевом госпитале Красной Армии. Когда мне

Стихотворение Б. Лапина «Лес живет».
Автограф О.Э.Мандельштама (Собрание Б.Я. Фрезинского).

было пятнадцать лет, я поехал вместе с отцом – это было в 1920 г. Отец перевязывал раненых, я сидел в вагоне, где мы помещались, и читал книжки. В шестнадцать лет я начал писать стихи – книжные, туманные и оторванные от жизни»².

Ранние стихи Лапина и знакомство с ними Мандельштама

Лапин писал стихи с 1921 г., тогда же он поступил в Высший литературно-художественный институт имени В.Я. Брюсова (окончил его в 1924-м) и одновременно посещал занятия по стихосложению у Вяч. Иванова в ЛИТО Наркомпроса («Он учил нас ямба и амфибрахиям, изысканности в стихах, неопределенности строф, сложности в построении фразы и презрению к штампам... В целом это был человек скорее ученый, чем вдохновенный, унылый и слабый, весь в символизме, сын его и отец тоже <...>»³).

На коротком временном отрезке самого начала 1920-х годов литературная жизнь Москвы была многослойной и буйной; никогда еще в нее не рекрутировались полчища молодежи, которой нечем было себя занять. И это была жизнь устная: возможности издать полноценную книгу практически не существовало, а вот литературных выступлений и чтений было сколько угодно. Существовала масса литературных групп и объединений, которым иногда удавалось издавать тощенькие сборнички стихов и прозы. За полтора года Борис Лапин прошел через несколько таких групп. Первой (и самой запомнившейся ему) была «Молодая Центрифуга» – своего рода комсомол «Центрифуги», ныне знаменитой преимущественно участием в ней Бориса Пастернака. Лидеры группы С. Бобров и И. Аксенов были для юного Лапина мэтрами, но «Молодая Центрифуга» издала (в мае 1921 г. стеклографированным способом объемом 32 страницы) всего одну книжицу⁴ и, сохраняя пиетет к старшим центрифугистам, Лапин формально группу покинул. Поскольку в ту пору он увлекся молодыми немецкими экспрессионистами, то примкнул (вместе с Е. Габриловичем) к теоретику имажинизма и основателю русского экспрессионизма Ипполиту Соколову⁵. Перед тем к Соколову примкнул и поэт С. Спасский. В конце 1921 г. вышел сборничек «Экспрессионисты» (16 с.), в нем напечатали одно стихотворение Лапина («Пальмира») – по-видимому, это его первая публикация, – а также стихи Спасско-

го и Соколова и «Вторую, лирическую главу из рассказа “ААТ”» Е. Габриловича⁶. В 1921 г. группа экспрессионистов формально распалась, но и Лапин, и Спасский продолжали весь 1922 год числить себя за экспрессионистами...

Следующая группа, в которую вошел Лапин, называлась «Литературный особняк» (она существовала с 1919 г. и в 1921 предполагала выпускать журнал «Особняк»). В самом начале 1922 г. вышел подготовленный группой сборник стихов ее малоизвестных участников, незамысловато названный именем группы⁷; в нем участвовал и Б. Лапин.

А в феврале 1922 г. в Москве вышел 2-й сборник стихов Всероссийского союза поэтов. Именно в нем произошла первая встреча стихов Лапина и Мандельштама. Поэты в сборнике располагались по литгруппам, литгруппы – по алфавиту: от акмеистов, представленных одиноким Мандельштамом (напечатано только одно его стихотворение «Сестры, тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» – явно взятое из феодосийского альманашика «Ковчег», который в Москву был привезен Эренбургом и Миндлиным, а потому имелся у напечатанной в «Ковчеге» Цветаевой) – до экспрессионистов, представленных Спасским и Лапиным (напечатано одно стихотворение Лапина «Спит тююн. Не движется осока...»). По окончании алфавитного списка шли поэты «Вне групп», среди которых – Цветаева (первая публикация стихотворения «Возвращение вождя») и Сельвинский. Публикацию центрифугистов в этом сборнике украшали два стихотворения Пастернака. Замечу, что в рецензии Н. Оцупа на этот сборник утверждалось, что авторами интересных стихов являются лишь три поэта: О. Мандельштам, Б. Пастернак и М. Цветаева⁸, с чем сегодня согласится любой читатель. Мандельштам, скорее всего, этот сборник увидел уже в Москве, куда приехал в конце марта 1922 г.; не исключено, что на стихотворение Лапина он обратил внимание уже тогда.

Посещая в Москве поэтические вечера, Лапин, вообще говоря, мог присутствовать и на выступлениях Мандельштама в июле 1922 года в «Литературном особняке» и Союзе поэтов⁹. Но утверждать это не берусь, поскольку

акмеисты глазами «левого» Лапина воспринимались исключительно как «правые». К тому же «мэтр» С.П. Бобров, почитавшийся Лапиным, высказывался тогда в адрес Мандельштама едва ли не пренебрежительно¹⁰.

А вот посещения Лапиным вечеров имажинистов подтверждаются воспоминаниями Е. Габриловича, который хотя и был старше Лапина почти на пять лет, считал его тем не менее своим учителем. Габрилович пишет не только о вечерах имажинистов, но и о неудачной попытке Лапина и его самого войти в их группу (скучноватый сам по себе «Литературный особняк» Лапину явно был не интересен): «В те годы нам с Лапиным очень хотелось попасть в имажинисты. Мы несколько раз приносили им наши стихи. Имажинисты хвалили нас. Они говорили, что мы их ученики, но в группу не принимали»¹¹. Именно с этим связывает Габрилович создание Лапиным собственной литературной группы «Московский Парнас»: «Душой этой группы был Лапин <...> Тихий по внутренней сути своей, в узеньком пиджачке, в отцовских желтых ботинках образца 10-го года, в отцовском докторском галстучке, Лапин выказывал удивительную энергию, создавая “Московский Парнас”. Он привлекал и молодежь и людей постарше. И вот наш “Парнас” живет, и мы выступаем хором на литвечерах и печатаем вскладчину, частным образом, сборники – группа как группа, не хуже, например “ничевоков”, и Лапин маленьким голосом бормочет с эстрады свои стихи, чуть слышно, порой невнятно, уходя бормотаньем в себя, – совсем не в манере ревущего, рококущего чтения того времени»¹².

Первая книжка, выпущенная издательством «Московский Парнас» (май 1922), называлась «Молниянин»¹³ – она включала 14 стихотворений Лапина и рассказ Габриловича «Ламентация». «Молниянин» открывался предисловием обоих авторов, которые, признавая с концом войны крах «орлов российского футуризма», заявляли в постскрипуме: «Лирный глас раздается лишь с тех вершин, где сияют пленительные и нетленные имена наших дядюшек: Асеева, Аксенова, Вечер'а, Боброва, Ehrenstein'а, Пастернака и Хлебникова, коими ныне почти исчерпывается свет-

лый мировой экспрессионизм»¹⁴. В этом списке – пять отечественных авторов («Центрифуга» и Хлебников) и два тогдашних немецких экспрессиониста. Одно из стихотворений «Молниянина» было обращено к Хлебникову, под чьим явным влиянием (наряду с немецкими романтиками XIX в.) Лапин находился:

В.В. ХЛЕБНИКОВУ

Вчера его лазурный локоть
Задел мурейные лады,
И там раздался мирный клетот
Дыханья утренней звезды,
Возницы вскормленная морда
Учила: «Говори, гори»,
Не задевая гексахорда
Всей гениальностью зари.
Но он налег на листья лиры –
Грудь, гриф подводного коня,
И растворились двери дня,
И звезды опустили зиры.

Своеобразие поэтического таланта Лапина в «Молниянине» оценил Брюсов¹⁵, подаривший ему свою книгу «Дали» с надписью «Борису Матвеевичу Лапину Валерий Брюсов 26 июля 1922»¹⁶. (Борису Матвеевичу было всего семнадцать.)

Издательство «Московский Парнас» в 1922 г. выпустило два одноименных коллективных литературных сборника. Первый в продажу не поступал и в книгохранилищах не зафиксирован, про него, кроме названия и объема в 64 страницы, мне ничего не известно; второй сборник вышел в ноябре 1922 г.¹⁷ – в нем напечатаны три стихотворения Лапина и его переводы с немецкого: стихотворение Георга Гейма «Дерево», два стихотворения Теофиля Мюллера «Осень. Человек...» и «Лето 1917 года», – и два стихотворения Якова Ван-Годдеса «Конец мира» и «Город», а также рассказ Лапина и Габриловича «Крокус Прим». Ну,

а кроме того – статья И. Аксенова «К беспорядку дня», стихи и проза Боброва, стихи Адалис. В книге было объявлено, что печатается сборник Лапина «1922-я книга стихов» и готовятся к печати «Незабываемые рассказы» Лапина и Габриловича, которые не вышли.

Вторым сборником Лапина стала «1922-я книга стихов»¹⁸. В нее вошло 47 стихотворений, декларативное предисловие автора, датированное 15 октября 1922 г., и, в качестве послесловия, «Посылка» Е.О. Габриловичу, подписанная «Б. Лапин. 21923» (что, надо думать, означает февраль 1923 года). Эта «Посылка» не содержит никаких намеков на интерес к поэзии Мандельштама; более того, слова «Слава слова, колеблемая “слева” – Заумьем и “справа” – Всяческой Акмэ, воскресает силою Брентано и Хлебникова...»¹⁹ подтверждают устойчивое пренебрежение к акмеизму и сохраняющееся преклонение перед Хлебниковым; последнее подчеркивается и публикацией в «1922-й книге» стихотворения «На смерть Хлебникова»:

Он мечтательно и ложно
слушал божьи голоса,
стол был убран так роскошно,
а на блюде небеса,
и ничтожные былинки
там устроили поминки.
Как вихрь букв бил в блед-
ный розовый закат
мира черного, как след
окрылатых мириад,
так РИТЬ РОЙ, ИГРЕНЬ, ПЕСНЬ!
Построен маленький челнок,
в этом челноке ты уплываешь
куда-нибудь на восток,
где нет ни лести, ни неба,
а синие шляпы и нанковые штаны.
Там ты будешь
разговаривать и курить.

Из 47 датированных и недатированных стихотворений «1922-й книги стихов» отметим одно («Бог солнца»), посвященное И.А. Аксенову и помеченное «Ц.Ф.Г. 22» – т. е. Центрифуга, 1922, – и четыре, помеченные «М.П. 22» – т. е. Московский Парнас, 1922. – Только в этих случаях Лапин счел необходимым указать свою «партийную принадлежность» на момент написания стихов.

Ряд стихотворений связан с немецкой темой – эпиграфы (Шиллер и Шлегель), сюжеты, отсылки (Клейст, Тик, Brentano, Эйхендорф, Фуке и Гофман). Все это благополучно уживается не только с Лермонтовым, Марлинским или Фетом, но и с Центрифугой. Вот характерное стихотворение:

КАНТ ЗАРЫТ

Кант зарыт наверно
в плотный ночи ров,
сказал нелицемерно
великий Сергей Бобров.
Над Канта могилой
месяц, ночи бант,
освещает милый
ров, где тлеет Кант.
Пусть он там навечно,
и покоясь, спит,
муза нам беспечно
свой цветок дарит.

«1922-я книга стихов» раздосадовала Брюсова, и он в своем обзоре поэзии, назвав Лапина «полудебютантом», ее разругал: «Только этой осенью появились его первые стихи в печати (сборник “Молниянин”). В свое время они дали повод говорить о таланте молодого поэта; тем серьезнее должно отнестись к его новой книжке. В сущности в ней тот же Б. Лапин, как полгода назад, но что в первый раз может быть сочтено своеобразием, при повторении начинает походить на оригинальничанье. Стихи Б. Лапина,

большею частью, мало вразумительны. Это не значит, что нельзя доискаться в них смысла. Читавший Маллармэ, декадентов, футуристов сумеет дешифровать ломаную речь Б. Лапина, однако поэтическая речь вправе отличаться от прозаической не одной образностью, но и синтаксически только *ради чего-нибудь*, – для большей выразительности, большей сжатости. Ломать язык, чтобы не говорить как другие, – ребячество. Зачем изломана речь Б. Лапина часто неясно»²⁰.

Свои ранние стихи сам автор в совершенно иную эпоху, в 1934 г., оценивал как «книжные, туманные и оторванные от жизни», между тем как его «ученик» и впоследствии вполне успешный писатель Евгений Габрилович в 1968-м, идеологически отнюдь не либеральном, году оценивал их иначе: Лапин «увлекался Тиком, Брентано и писал стихи тонкие, словно вздувавшиеся на ветру. Это была поэзия редких слов, скорбных образов, одна из самых сильных в те годы»²¹.

В воспоминаниях Габриловича содержится портрет Лапина 1923 г.: «Б.М. Лапину было тогда лет восемнадцать, он был худ, я бы сказал – костляв, невысок, черен, с большим лбом и чудесным взором <...> Он увлекался немецкими романтиками и русскими “центрифугистами” – группой поэтов, казавшихся нам пожилыми, но состоявшей из очень молодых литераторов: Аксенова, Пастернака Боброва и кое-кого из других. Мои сочинения гимназических лет, которые я ему показал, Борис Лапин назвал сиропом, кашей и реализмом и сказал, что так сейчас пишут только дамы в пенсне. Он велел мне прочесть Рембо и Клейста и начать сызнова, со стихов, а не с прозы <....> Он писал, казалось, всегда: по ночам, за обедом, во время прогулок и диспутов, в театре, в кино. Он писал на ходу, иступленным огрызком карандаша»²². И это не последняя здесь цитата из Габриловича.

Можно утверждать, что личное знакомство Лапина с Мандельштамом состоялось в Москве в конце 1922-го. Оно и послужило началом их отношений, продолжавшихся вплоть до самого 1938 г.

Обсудим этот сюжет подробнее и начнем со свидетельства Н.Я. Мандельштам: «На нашей полке, появившейся в тридцатые годы, совсем не было поэзии XX века – только Анненский, акмеисты – Ахматова и Гумилев, да еще две-три случайные книги. Поэзию XX века ОМ пересмотрел в 22 году. Случилось так, что два молодых человека решили попробовать, каково быть частными издателями, и заказали ОМ антологию русской поэзии от символистов до “сегодняшнего дня”. Антология открывалась Коневским и Добролюбовым, а кончалась Борисом Лапиным. ОМ, как обычно, искал у поэтов удач: у Добролюбова “Говорящих орлов”, у Бальмонта “Песню араба, чье имя ничто”, у Комаровского “На площади одно лишь слово – даки”, у Бородаевского – “Стрижей”, у Лозины-Лозинского – “Шахматистов”. Он с удовольствием переписал два-три стихотворения Бори Лапина – что-то про умный лоб и “звезды в окнах ВЧК” и еще “Как, надкусывая пальцы астрам, Триль-Траль целовал цветы” <...> Антологию запретили, потому что ОМ не включил в нее поэтов, которым уже тогда покровительствовало государство, то есть пролетарских <...> От всей этой работы осталось только несколько листков верстки»²³.

Сначала разберемся с переписанными Мандельштамом стихами Лапина. Легче всего назвать стихотворение со строчкой о Триль-Тралле – хотя бы потому, что листок, на который Мандельштам переписал это стихотворение, Н.Я. Мандельштам в 1960-е годы подарила вдове Лапина И.И. Эренбург²⁴. Вот переписанный Мандельштамом текст:

ЛЕС ЖИВЕТ

Под давлением косога ветра
расцветает стиха цветок.
Тянется к рассвета
тени стебелек.
Там, надкусывая пальцы астрам,

Трилль-Тралль целовал цветки
и все знали, какой он страстный,
по хрусту мертвой руки.
Он пел и лес, ему вторя,
становился все светлей
И серым камешкам руки
целовал ручей.
О вы, журчите в овражках,
Е и А, пой златое И,
пей из У глубокого полдня.
Все это разбрасывают соловьи,
все это обрушивается,
все это летит, летит
на удивленный мир
и прямо в лицо богу,
улыбаясь, лес.

(Курсив мой. – Б. Ф.)

Как видим, Н. Я. привела две строчки почти точно – работая над «Воспоминаниями», она этого листка перед собой не имела, но в 1960-е годы его несомненно перечитала и помнила.

Что касается стихов, где «что-то про умный лоб и “звезды в окнах ВЧК» – то речь идет о следующем стихотворении Лапина:

1920

Ты сведешь меня с ума
Злостью, пухлая зима.

Дни цветут губастой страстью
Отмороженной руки,
Так порвать их на куски,
Раздавить их теплой пастью.

Звезды в окнах М.П.К.
Ночь; нежнейшая простуда;
Бьет костяшки Ундервуда;
Ночь; раздавленный сугроб.

*Плоский, умный, мертвый лоб
На рыдучих горевальцев
Усмехался под стеклом.*

*Муза, скройся! А потом
В писчей судороге пальцев!
Как перо, лети в припадке,
Округляйся стих, как сыр.*

*Собирай свои монатки,
Драгоценный мой кумир.
(Курсив мой. – Б. Ф.)*

Это стихотворение напечатано в книге «Молния-нин». Как видим, Н. Я. помнила про упоминавшуюся там аббревиатуру, но в ее памяти расхожая ВЧК вытеснила вышедшую из употребления М.П.К. (Московский партийный комитет²⁵).

Три аргумента: 1) то, что Н. Я. подарила И.И. Эренбург только один листок (с текстом стихотворения «Лес живет»), 2) что она не помнила точно, сколько (2 или 3) стихотворений Лапина Мандельштам переписал и 3) что она смогла привести более или менее точно две строчки только из стихотворения «Лес живет» – говорят в пользу предположения, что в 1960-е годы Н. Я. второго листка не видела, а значит – уцелел лишь один листок со стихотворением Лапина, переписанным Мандельштамом, а второй и, возможно, третий – утрачены (так что память Н. Я. по части упомянутой Лапиным «ВЧК» – давнего времени).

Теперь о том, как мог Мандельштам получить тексты Лапина.

Стихотворение «Лес живет» напечатано в «1922-й книге стихов»²⁶, вышедший в 1923 г. Эта книга анонсировалась во втором сборнике «Московского Парнаса», вышедшего в конце ноября 1922, и, скорей всего, издана в начале 1923 г. (Брюсов писал о ней в апрельском номере «Печати и революции») – так что в конце 1922-го, когда Мандельштам составлял «Антологию русской поэзии от символистов до наших дней», лапинская «1922-я книга стихов» еще

не вышла из печати и с вошедшими в нее стихами составитель антологии мог познакомиться только по рукописи. Что касается выпущенной «Московским Парнасом» в мае 1922 г. книжки «Молниянин», то естественно предположить, что ее передал составителю антологии автор и глава издательства Б.М. Лапин. Таким образом, можно считать, что личное знакомство Мандельштама с Борисом Лапиным состоялось в конце 1922 г.

Мандельштам, отбирая стихи для антологии, видел стихотворения Бориса Лапина на фоне огромного потока тогдашнего рычащего виршеплетства (недаром он отверг убогие сочинения пролетарских поэтов), и, мне кажется, самый образ семнадцатилетнего московского мальчика, в котором проглядывала серьезность, всепоглощающая страсть к литературе и жизни, к языкам, неожиданным знаниям, человека, увлеченного Хлебниковым, тихого и глубокого – способствовал интересу Мандельштама к стихам Лапина. Интерес этот в 1922 г. (когда Лапин знал лишь «Камень») не был взаимным, но, начиная с «Tristia», поэзия Мандельштама в жизнь Лапина вошла. И тот факт, что общение продолжалось до самого 1938 г. – подчеркну: именно с Мандельштамом, а не с «центрифугистом» Пастернаком (поэтом не менее значительным, но с Лапиным, сколько понимаю, не пересекавшимся), – думаю, заслуживает того, чтобы быть специально отмеченным.

Группа и издательство «Московский Парнас», по-видимому, в том же 1923 г., когда вышла «1922-я книга стихов», перестали существовать. Во всяком случае, две следующие книги стихов Б. Лапина – «Гимны против века» (стихи 1923 г., написанные в его первую поездку в Таджикистан) и «Бессонная ночь» (стихи 1924–1925) – изданы не были; лишь в 1975 г., готовя к печати книгу избранных стихов Лапина и Хацревина, ее составитель (К.М. Симонов) включил в сборник четыре стихотворения Лапина 1923, одно – 1924 и тринадцать – 1925 гг. Но это уже стихи совершенно иные – в них чувствуются отголоски реальных впечатлений жизни. Назвать их мало вразуми-

тельными Брюсов бы никак не мог, и советская цензура через полвека их пропустила. Отход Лапина от поэтики Хлебникова не прекратил его встречи с Мандельштамом – они становились все более дружескими.

Взрослый Лапин и его встречи с Мандельштамом

С 1925 г. шаг за шагом Лапин становится писателем-путешественником. И тут, говоря о начале этой перемены, снова процитирую Габриловича: «В этом маленьком человеке в очках жил беспокойный дух путешественника. Помню, я ехал в Ялту. Борис пошел меня провожать. Стоял апрель, холодное московское время, Борис был в пальто и в галошах. Мы сидели с ним в ожидании отхода поезда, когда к нам подошел человек, сказавший, что у него есть лишний билет в Севастополь. Лапин тут же купил билет. И поехал со мной на юг, успев позвонить отцу (который, кажется, не удивлялся уже ничему), что едет надолго. И точно: уехал надолго, на восемь месяцев, в пальто и галошах без багажа. Сначала он путешествовал пёхом по Крыму, в жару, в пальто и галошах, потом отправился на Кавказ, добывая себе на хлеб работой в местных газетах, потом пересек Каспийское море и попал в Среднюю Азию. Здесь полюбились ему таджики, и он полгода жил в их стране, все в том же пальто и галошах»²⁷.

В стихах Лапина 1925 г. можно найти прямое прощание с прежней оседлой жизнью:

Прощай! Я ухожу из дома
В лесную глушь родной земли.
Я снова вышел в свист заката,
В туман и в грусть сырых полей.
О, как мне страшно, как мне странно
Босой ногой ступать в пыли
В осколках солнца, без дороги,
Среди неведомых людей.

Здесь, дома, я оставил скромный,
Уютный мир домашних книг,
Себя, диван, любовь и деньги,
И сослуживцев, и друзей,
Все то, чем я был жив и честен,
Чем я был весел и велик,
Упрям, уверен, неподкупен,
Заносчив, ясен и силен, –
Меня твое хранило войско,
Семейный мир, веселый сон,
Гардины осеняли счастье,
Как пустота сырых знамен...²⁸

Случившуюся тогда перемену в 1934 г. он описал так: «Нужно было становиться самостоятельным. И вот мне удалось поступить нивелировщиком в геоботаническую экспедицию. Я поехал в Среднюю Азию <...> На моих глазах совершалось удивительное превращение Средней Азии в Советскую республику, на моих глазах нарушались все старые отношения, возникали совершенно новые. Я еще продолжал писать книжные и туманные стихи, но в то же время я начал писать заметки в газету. Так я сделался журналистом. Уже через два года я бросил все остальные работы и стал ездить по стране, как газетчик-профессионал»²⁹.

Легко осваивая языки, Лапин стал профессиональным путешественником по востоку и нашел себя в прозе, жанр которой определить непросто: она органически включала специально написанные стихи, документы, публицистику, элементы научных сочинений, увлекательные новеллы. Лапин объездил Кавказ, Среднюю Азию, Чукотку, Японию, Турцию и Ближний Восток. Его первые очерки печатались в 1925 г. в «Красной газете» под псевдонимом Пьер Дюкаж, а затем – Пограничник. Постепенно вырабатывается его прозаическая манера – точная, строгая, документальная и вместе с тем сюжетная и увлекательная («Повесть о стране Памир», 1929; «Тихоокеанский дневник», 1929; «Подвиг», 1933; «1869», 1935). С 1932 г. Лапиным ряд

книг был написан в соавторстве с Захаром Хацревиным («Америка граничит с нами», 1932; «Дальневосточные рассказы», 1935; «Путешествие», 1937; «Рассказы и портреты», 1939). Об этом сотрудничестве точно написал Илья Эренбург, близко узнавший обоих в последний год их жизни: «Они оба любили Восток, и мягкость, лиризм Хацревина дополняли точность, эрудицию, волю Лапина»³⁰. До конца дней Лапин продолжал писать стихи, которые входили в его прозу, как ее неотъемлемая часть.

Лапин был советским писателем – он едва ли не с детства принял русскую революцию, не любил буржуазию, и обновление стиха воспринимал неотрывно от обновления страны. Ему повезло – его литературная ниша оказалась относительно свободной и на резолюцию очередного съезда ВКП(б) он не должен был откликаться новой повестью. При этом формально он был лоялен к власти, его книги издавались беспрепятственно, и в 1934-м его избрали делегатом Первого съезда писателей (с совещательным голосом), а начале 1939-го – включили в обойму из 172 писателей, награжденных орденами (из нее вычеркнули Бабеля, Олешу, Пастернака и лапинского тестя Эренбурга; Лапин получил орден третьего сорта – «Знак почета»).

1937 г. поверг его в отчаяние; он становился все более и более молчаливым³¹...

Сохранившиеся свидетельства авторитетных источников о встречах Лапина с Мандельштамом относятся к поре 1931–1938 гг., но эти же источники фиксируют уже на 1931 г. отношения, не вчера возникшие, а, стало быть, начавшиеся в 1920-е. Стержнем их встреч стал, как кажется, интерес Лапина к стихам Мандельштама – не сразу возникший, но зато устойчивый и все возраставший.

Упомянутыми источниками являются мемуары Н.Я. Мандельштам и Э.Г. Герштейн. Приведем последовательно все эпизоды, связанные в них с Лапиным.

Первый сюжет относится к полетам на аэроплане и мертвой петле. В рассказе об этом главное – собственные впечатления Н.Я. Мандельштам, а имя Лапина возникает только в связи с тем, что упоминание ощущений от мертвой

петли в «Путешествии в Армению» напрямую связываются именно с рассказами Бориса Лапина: «В начале двадцатых годов мы как бы притирались друг к другу, а это не простое дело. Первый громовой скандал разразился, когда я улизнула на аэродром, где по благу меня покружили на учебной машине и я узнала, что такое “мертвая петля” <....> В “Путешествии в Армению” есть несколько слов о “мертвых петлях”, но я здесь ни при чем. Он выслушал не меня, а Борю Лапина, которому устроил полет тот же человек, что мне <...>»³². Имеются в виду описанные в «Путешествии в Армению» проводы в Армению Б.С. Кузина в 1931 г.: «Началось разливание по рюмкам виноградных московских вин, милое отнекивание женщин и девушек, брызнул сок помидоров и бестолковый общий говор: об авиации, о мертвых петлях, когда не замечаешь, что тебя опрокинули, и земля, как огромный коричневый потолок рушится тебе на голову <...>»³³. Между тем, комментируя текст «Путешествия в Армению», Н. Я. делает следующее примечание к упоминанию мертвых петель: «За несколько лет до отъезда Кузина о них рассказывал Борис Матвеевич Лапин»³⁴, т. е. относит рассказ Лапина не к 1931 г., а к более раннему времени. То, что рассказ Лапина о мертвых петлях хорошо запомнился Мандельштаму, Надежда Яковлевна упоминает, не датируя самого рассказа, во «Второй книге» в воронежском сюжете лета 1935 г., когда вспоминает о похоронах военных летчиков и о вариантах стихотворения Мандельштама «Нет, не мигрень...» («В описании вида земли с большой высоты сказались и горные путешествия, и рассказ Бори Лапина о полетах...»³⁵). Здесь нелишне будет привести свидетельство Льва Славина о человеческих качествах Лапина-рассказчика: «Иногда, рассказывая что-нибудь (а рассказывал он с блеском истинного художника), он вдруг осекался и, к удивлению слушателя, впадал в бесцветное бормотание. Он стыдился своего блеска, он намеренно притушивал его, боясь быть уличенным в неестественности, в позе, которой он чурался больше всего на свете <...>»³⁶

Эмма Герштейн, бывшая свидетелем рассказа Лапина о полетах на аэроплане и о мертвых петлях, записала свои

воспоминания об этом рассказе когда «Вторая книга» уже была опубликована. Она датирует рассказ иначе, чем Н. Я., и, как представляется, точнее: «Я была в Старосадском, когда к Мандельштаму прибежал Борис Лапин. Он только что летал на самолете и делал мертвую петлю – тогда были такие сеансы под Москвой. Он удивительно точно и интересно описал, как менялось зрительное соотношение между небом, землей и аэропланом, показывал, как надвигалась на него земля. Тут Осип Эмильевич прочел ему свою “Канцону”»³⁷. Стихотворение Мандельштама датируется 26 мая 1931 г., когда поэт действительно жил у брата на Старосадском³⁸ и работал над «Путешествием в Армению», так что, скорее всего, первое упоминание о мертвых петлях в его тексте возникло по горячим следам рассказа Лапина.

О том, что в 1931 г. Лапин не раз забегал к Мандельштаму, упоминается и в другом месте «Второй книги» – там, где, рассказывая об идиллической жизни в Старосадском после поездки в Армению, Н.Я. Мандельштем пишет: «Дел не было никаких. Забегал старик Маргулис, спасшийся от ленинградского голода и безработицы в Москву <...> Заходил Боря Лапин с пишущей машинкой и молча выстукивал новый стишок. Однажды он принес кусок киноленты, и мы рассматривали ее на свет <...>»³⁹. Вообще, по-видимому, в московские наезды Мандельштама Лапин «забегал» к нему, если только не оказывался в очередном путешествии. Так что Н. Я. вполне могла и не упомянуть, в какой именно его «набег» Лапин рассказывал о мертвых петлях.

Следующая документированная встреча – в 1933 г. Эта встреча – иного рода, и зафиксирована она в «Записках для себя» И.М. Басалаева. Речь идет о творческом вечере Мандельштама в Ленинградской Капелле 23 февраля 1933 г. Басалаев оставил замечательное описание этого вечера, на котором присутствовала масса литературной публики от Ахматовой до Саянова. Выразительно перечисляя гостей вечера, автор упоминает и нашего героя: «По ковровой дорожке идет, вытянув шею, с короткими ручками, в огромных роговых очках Борис Лапин. С ним неизмен-

ный его спутник, прилизанный, с головой египтянина, Хацревин <...>»⁴⁰ Какие дела привели тогда Лапина и Хацревина в Ленинград – неизвестно, не исключено, что именно вечер Мандельштама.

Лапин наверняка делился с Мандельштамом впечатлениями о маршрутах своих сменявших одна другую восточных поездок. Предполагать, что Осип Эмильевич был знаком с его прозой, неизменно основанной на материале этих путешествий – прозой, стыдиться которой автору не приходилось, как и ожидать, что она рассорит его с Мандельштамом, – не кажется слишком смелым, хотя фактическими подтверждениями этого мы не располагаем...

Последняя встреча Лапина с Мандельштамом (февраль–март 1938) состоялась перед отъездом Мандельштамов в Саматиху, где 1 мая Осип Эмильевич был арестован. Эту встречу упоминает Н. Я., перечисляя, какие именно книги Мандельштам взял с собой с Саматиху: «ОМ привез с собой Данте, Хлебникова, однотомник Пушкина под редакцией Томашевского, да еще Шевченко, которого ему в последнюю минуту подарил Боря Лапин»⁴¹.

Эренбург приводит слова, сказанные ему Лапиным в начале 1938 г.: «Я пишу о пустыне Гоби...Когда я писал “Тихоокеанский дневник”, “Подвиг“, я выбирал темы – писал, как жил. Теперь иначе... Мне бы хотелось написать про другую пустыню, но это невозможно... А нужно работать – иначе еще труднее...»⁴².

О гибели Мандельштама Борис Лапин узнал, по-видимому, в начале 1939 г. А летом 1939-го Лапин и Хацревин были отправлены военными корреспондентами в Халхин-Гол (Монголия), в район боевых действий против японских войск, где показали себя людьми бесстрашными. С начала Отечественной войны Лапин – военный корреспондент «Красной звезды». В последний приезд в Москву в августе 1941 г. он по памяти записал в беловую тетрадь свои ранние стихи, после чего вместе с Хацревиным отправился на Юго-Западный фронт. Лапин погиб в сентябре 1941 г., при наступлении немцев на Киев, в окружении, отказавшись бросить Хацревина, которого свалил сильный при-

ступ болезни. Последние его слова, которые сохранили очевидцы, были: «У меня есть револьвер».

В 1942 г. известие о гибели Лапина достигло Средней Азии. 11 июля Н.Я. Манделъштам написала Б.С. Кузину: «В Ташкенте я со дня на день не перестаю считать потери: Борис Лапин, художник Тырса...»⁴³, а 28 июля С. Бобров из Ферганы писал Илье Эренбургу: «Мы с женой огорчились известием о Боре Лапине – ведь мы так давно его знаем, еще совсем мальчиком, так всегда радостно следили за его ростом, за его успехами! Ах, боже мой! С какими ужасными потерями приходится мириться»⁴⁴.

---

¹ Протасова М., Тёмкина И. Путешествие длиною в жизнь. О Борисе Лапине и Захаре Хацревине. М., 1972.

² Лапин Б. Время толкает вперед // Писатели XVII партсъезду. М., 1934. С. 121.

³ Габрилович Е. Вторая четверть // Искусство кино. 1968. № 5. С. 44.

⁴ Тэ М., Левит Т. Содружество «Флейты Ваграма». Стихи. М., 1921.

⁵ И. Соколов без ложной скромности заявлял: «Экспрессионизм возник в голове И. Соколова; таинство крещения получил 11 июля 1919 года на эстраде Всерос. Союза поэтов» (см.: Литературные манифесты от символизма до наших дней. М., 2000. С. 298). Все свои сочинения Ипполит Соколов издавал брошюрочками в 16 страниц: в 1919 г. – «Бунт экспрессиониста»; без указания года издания – Полное собрание сочинений. Издание не посмертное. Т. 1. (6 стихотворений); в 1920 г. – «Бедекер по экспрессионизму»; в 1921 г. – «Имажистика».

⁶ Экспрессионисты. М.: Сад Академа, 1921. 16 с. В конце сборника перечислены 4 вышедших книжки Спасского и 9 – Соколова, а также готовящаяся – Габриловича; издания Лапина среди планируемых не значится.

⁷ Литературный особняк. М.: Лит. особняк, 1922. 32 с.

- ⁸ Цех поэтов. Пг., 1922. Кн. 3.
- ⁹ Они упомянуты в составленных П.М. Нерлером «Датах жизни и творчества» – см.: Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 445.
- ¹⁰ Так, в рецензии Боброва на новые сборники стихов (напечатана под псевдонимом Э.П. Бик: «Печать и революция». 1922. № 1) можно встретить выражения вроде «обычно лакированного Мандельштама» и «мандельштамизации стиха», наряду, впрочем, с «невнятной Цветаевой», что усиливало комплимент Пастернаку, «которого, признаться, чуточку обидно видеть в этой компании». Отметим, что в этой же статье Бобров обругал стихи всех молодых, хотя и заметил, что «все таки кое-что остается. Таковы за многими оговорками и если вообще не бросят стихачество» – а далее перечислены 6 имен, включая Лапина.
- ¹¹ Искусство кино. 1968. № 5. С. 44.
- ¹² Там же. С. 44–45.
- ¹³ *Лапин Б., Габрилович Е.* Молниянин. М.: Московский Парнас, 1922. 32 с. (Тираж 250 нумерованных экз., из них 50 именных.)
- ¹⁴ Там же. С. 5.
- ¹⁵ Печать и революция. 1923. № 4. С. 136.
- ¹⁶ Собрание автора.
- ¹⁷ Московский Парнас. Сборник 2. М.: Московский Парнас, 1922. 109 с. (Тираж 500 экз.)
- ¹⁸ *Лапин Б.* 1922-я книга стихов. М.: Московский Парнас, 1923. 56 с. (Тираж 500 экз.)
- ¹⁹ Там же. С. 54
- ²⁰ *Брюсов В.* Среди стихов // Печать и революция. 1923. № 4. С. 136.
- ²¹ Искусство кино. 1968. № 5. С. 44. Габрилович сохранил свои ощущения начала 1920-х и ценил их; другой приятель Лапина – Лев Славин – познакомился с этими стихами через 10 лет, в совершенно иное время, и его суждение 1960-х годов совершенно иной тональности: «Лапину скоро надоела мышьяная возня московской салонной поэзии двадцатых годов. Однажды он отшвырнул от себя всех этих Новалисов и Кусиковых, “общительных мамелюков” и “радучих

горевальцев” <у Лапина: рыдучих. – Б. Ф.> Что ему весь этот прокатный бред экспрессионизма? Он вырос из него, как вырастают из детского платья. К тому же оно было не свое, заемное, не гревшее на русских морозах. А Лапин был человек очень московский» (*Славин Л.* Портреты и записки. М., 1965. С. 54).

²² Искусство кино. 1968. № 5. С. 43–45.

²³ *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. М., 1989. С. 228–229.

²⁴ На конверте, в котором хранился этот листок, рукой И.И. Эренбург написано: «Стихотворение Лапина (Записано О. Мандельштамом)»; в настоящее время листок хранится у автора статьи.

²⁵ Потом ее заменила широко и долго употреблявшаяся аббревиатура М.Г.К – московский городской комитет, соответственно ВКП(б), а с 1952 г. – КПСС.

²⁶ *Лапин Б.* 1922-я книга стихов.

²⁷ Там же. С. 45.

²⁸ *Лапин Б., Хацревин З.* Только стихи. М., 1976. С. 51.

²⁹ *Лапин Б.* Время меня толкало. С. 121.

³⁰ *Эренбург И.* Предисловие // *Лапин Б.* Избранное. М., 1958. С. 5. Перепечатано под названием «Борис Лапин (1905–1941)» в книге: *Лапин Б.* Подвиг. М., 1985. С. 7.

³¹ Илья Эренбург вспоминал: «Борис Матвеевич любил опасность. Но когда в 1937 году начали бесследно исчезать друзья, товарищи, знакомые, он душевно сжался. Был он любознательным, общительным, и новая наука далась ему с трудом. Он и прежде говорил негромко а в то время начал говорить еще тише. Порой он шутил с Ириной, со мной, а когда снимал очки, я видел в его глазах грусть и недоумение» (*Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: В 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 297).

³² *Мандельштам Н.Я.* Вторая книга. М., 1999. С. 143.

³³ *Мандельштам О.* Собрание сочинений: В 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 190.

³⁴ *Мандельштам О.* Сочинения: В 2 т. / Сост. П. Нерлера; Подг. текста и коммент. А. Михайлова; Вступ. ст. С.С. Аверинцева. М., 1990. Т. 2. С. 428.

³⁵ *Мандельштам Н.Я.* Вторая книга. С. 480.

³⁶ *Славин Л.* Портреты и записки. С. 54.

- ³⁷ *Герштейн Э.Г.* Мемуары. СПб., 1998. С. 22. Впервые этот эпизод опубликован в: *Герштейн Э.Г.* Новое о Мандельштаме. Париж, 1986. С. 41.
- ³⁸ Предположение, что Герштейн ошиблась по части чтения «Канцоны» и все происходило на Старосадском ранше, т. е. в декабре 1928 г., видимо, неоправданно, так как Лапин 1928 г. провел в Японии. Да и сохранившийся снимок Лапина на летном поле относится к самому началу тридцатых годов.
- ³⁹ *Манделъштам Н.Я.* Вторая книга. С. 547.
- ⁴⁰ *Басалаев И.* Записки для себя. Тетрадь четвертая. 1932–1938 // Минувшее. М.; СПб., 1996. № 19. С. 436.
- ⁴¹ *Манделъштам Н.Я.* Воспоминания. С. 340.
- ⁴² *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Т. 2. С. 297.
- ⁴³ Борис Кузин. Воспоминания. Произведения. Переписка. Надежда Манделъштам. 192 письма Б. Кузину. СПб., 1999. С. 678.
- ⁴⁴ *Попов В.* К истории одного предисловия (Эренбург и Бобров) // Русская литература. 1997. № 4. С. 168.

«ГУГОВНА»

(Из писем А.Г. Усовой Л.В. и А.В. Горнунгам)

Алиса Гуговна Усова (урожденная Левенталь, 1895–1951) – ташкентская знакомая Надежды Яковлевны Мандельштам, ее отчество стало названием одной из очень доброжелательно написанных глав книги Н.Я. Мандельштам «Воспоминания». Сохранившиеся письма Алисы Гуговны к Льву Горнунгу и его жене Анастасии Горнунг ценны для истории литературы как своеобразный комментарий к ташкентским страницам Надежды Яковлевны и еще один источник для составителей летописи жизни А.А. Ахматовой.

То немногое, что известно об Алисе Гуговне, почерпнуто в основном из писем ее мужа, поэта и переводчика, Дмитрия Сергеевича Усова (1896–1943)¹.

Семья Алисы Гуговны была не чужда литературе. Ее тетка, Рашель Мироновна Хин-Гольдовская (1863–1928) – писательница тургеневской школы, мемуарист, друг В.С. Соловьева, А.Ф. Кони, Стороженко и М.А. Волошина², знакомая Л.Н. Толстого, А.М. Горького, Г. Брандеса, К.Д. Бальмонта, С.А. Полякова. Среди знакомых Алисы Гуговны – жена поэта Андрея Белого (Б.Н. Бугаева) антропософка К.Н. Бугаева, поэт и литературовед Ю.Н. Верховский. Алиса Гуговна была дружна со своим кузеном Э.И. Гриннером и его женой, преподавательницей ритмики

А.Г. Усова. 1947 (?). Москва (?). Фотографии Льва Горнунга.
Из собрания М.Б. Горнунга

Театрального училища им. Б.В. Шукина и Вахтанговского театрального училища, В.А. Гриннер³, Н.К. Гудзием. Два варианта ex-libris'a для книг Алисы Гуговны выполнил в 1923 г. знаменитый гравер И.Н. Павлов. На одном из них мы видим А.Г. Левенталь с ее сестрою, в старинных платьях тургеневских времен. В письмах зимы–весны 1930 г. она шлет приветы знакомым Д.С. Усова – поэту и прозаику Б.А. Садовскому, рвущемуся в Москву из Нижнего Новгорода и наконец-то, летом 1930 г., ставшему соседом Усовых по Новодевичьему монастырю, на территории которого те поселились еще в 1926-м; писателю-царскоселу Э.Ф. Голлербаху; ленинградскому переводчику и специалисту по И.Ф. Анненскому А.В. Федорову, поэту и библиографу Е.Я. Архипову. К Алисе Гуговне с доброжелательной симпатией относились навещавшие Усовых в Москве поэты: Вс. Рождественский, Е.И. Васильева (Черубина

де Габриак), В.А. Меркурьева («Она (А.Г. Усова. – Т. Н.) очень мне понравилась, милая, простая, умная и с большим тактом», «Мне очень по душе Алиса Гуг<овна> – она изящна и гибка»⁴).

Алиса Гуговна получила юридическое образование, занималась русской историей, работала над архивными документами Зимнего Дворца с академиком М.М. Богословским, в институте социологии у Р.Ю. Виппера, служила в ГАХН (Государственной Академии Художественных Наук) в должности архивистки, там она и познакомилась с Дмитрием Сергеевичем Усовым, а в 1925 г. стала его женой. К сожалению, ее личное дело из архива ГАХН (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Д. 349) было уничтожено по акту № 1 от 15.01.1974. В ГАХН она служила в Кабинете Революционной литературы, принимала участие в знаменитом словаре «Писатели современной эпохи» (М., 1928), где ей принадлежат статьи о В.Я. Брюсове, Андрее Белом, М.А. Волошине, Б.А. Грифцове, Д.К. Гудзие, С.Н. Дурылине, П.С. Сухотине, Д.С. Усове, Р.М. Хин, М.А. Цявловском.

В 1930 г. Алиса Гуговна была уволена из ГАХН «по сокращению штатов». Летом того же года гостивший у Усовых Вс. Рождественский писал: «Живут они с А.Г. в двух маленьких комнатухах с окнами на тихий московский дворик, дома у них также все очень тихо и в большом порядке: каждой книге, каждому стулу найдено свое место. У них культ быта – настолько, насколько это возможно в нашем сквозняке. Оба они домоседы, никого у них не бывает, и каждый телефонный звонок, каждое явление почтальона вызывает тревогу. Дм. Серг. очень занят своими лекциями, Ал. Гуговна – теперь, когда она без места – хозяйством. Дм. Серг. увлекается теорией художественного перевода, мы с ним много говорили на эту тему и кое-что пытались делать вместе (Жамм⁵). За чаем играли все трое в домино, вывезенное мною с Черноморья. Часто ходили в театр – видели “Пиковую Даму” у Станиславского, “Три толстяка” там же. Один раз пошли даже на звуковое кино, которое произвело на нас жалкое впечатление. Ездили

в Новодевичий монастырь. Было очень хорошо и тихо. Жизнь Дм. Серг. всё яснее и углубляется. Скоро она начнет отражать звезды <...> Ал. Гуг. очень подходит к нему. Она тоже тихая умница. В ней, пожалуй, еще больше этой мягкости, закругленности духа. Она из породы тех женщин, которых больше на свете нет.

В жизни Усовых я чувствую уклад-порядок, русский замоскворецкий уют и немецкую прибранность души. Эти два начала здесь соединились. На полу их комнат всегда должно было бы лежать солнце.

Да благословит господь тишины и порядка их неторопливые дни!»⁶

Та же тихая гармония чувствуется в стихотворении Усова, обращенном к Алисе Гуговне:

Милый друг! Нас небо не забыло
И земли нам лучшей не найти.
Мы с тобою были всем, что было,
Что на нашем встретилось пути:
Были садом, облаком и башней,
Были домом, печью и ковром,
И разлучены, как день вчерашний,
И как день сегодняшней – вдвоём.
Я судьбы своей не испытую
И не знаю про свою звезду.
Я тебе всю жизнь мою простую
Полотенцем на руки кладу,
Чтобы в час, полуденный и строгий,
Отереть в прохладе пот земной
Возле вяза у большой дороги,
Об руку исхоженной со мной.
16–21 августа 1928⁷

В 1934 г. Алиса Гуговна перенесла брюшной тиф. Вот какими описывает Усовых Меркурьева: «Оба похудели и побледнели, извелись; она стала совсем маленькая, а у него нервно дергается лицо. Болезнь ее подвела обоих»⁸.

В феврале 1935 г. Д.С. Усов, как и многие специалисты, работавшие над новым немецко-русским словарем, был арестован. В 1937 г. Алису Гуговну, как жену репрессированного, выслали из Москвы в Киргизию. Провожали ее недавно поженившиеся Л.В. и А.В. Горнунги. Перед отъездом она попросила Льва Горнунга сообщить о своей высылке Усову в лагерь. В своих воспоминаниях Горнунг скупно пишет, как страшно было выполнять такое поручение. Отсидев пять лет, в феврале 1940 г. Усов, узнав у Горнунга адрес жены, отправился в Киргизию, в Беловодск, откуда к зиме они перебрались в Ташкент, где Усов стал преподавать в Ташкентском государственном педагогическом и учительском институте.

Началась война. Эвакуация привела в Ташкент старых знакомых Усовых: филолога Б.В. Горнунга с семьей, поэта и переводчика А.С. Кочеткова, В.А. Меркурьеву. В это время и произошло знакомство Усовых с Н.Я. Мандельштам, хотя, возможно, они виделись мимолетно и в Москве в 1933–1934 гг. Весною 1943 г. от болезни сердца в возрасте 46 лет Д.С. Усов умер. После его смерти Алиса Гуговна, давно уже под влиянием мужа интересовавшаяся немецким и французским языками, стала вести те курсы, которые раньше читал в ташкентских вузах Дмитрий Сергеевич.

Об одном эпизоде ее тогдашней жизни, красноречиво рисующем твердый характер этой маленькой женщины, рассказали недавно опубликованные дневники Г.С. Эфрона⁹, навещавшего Усовых как знакомых своей тетки, А.И. Цветаевой, к тому же приходившихся ему дальними родственниками – двоюродный брат Усовой, Михаил Соломонович Фельдштейн, был мужем сестры С.Я. Эфрона, В.Я. Эфрон.

Вдовство и совместная работа в САГУ (Среднеазиатский государственный университет) способствовали более короткому знакомству Алисы Гуговны с Надеждой Яковлевной Мандельштам. Тогда же она знакомится с Ахматовой и даже остается у нее регулярно ночевать. А.Г. Усова и Н.Я. Мандельштам часто виделись на протяжении

нескольких лет, но особенной дружбы между ними все-таки, как это видно из писем, не было. В 1951 г. Алиса Гуровна умерла.

Выдержки из писем А.Г. Усовой Л.В. и А.В. Горнунгам печатаются по автографам, хранящимся в РГАЛИ (Ф. 2813. Оп. 1. Д. 18 и 19).

<1>

ЗVI-43

Дорогие Стазя¹⁰ и Лева! Вчера я получила письмо <...>, что Вы в Москве. После Митиной кончины это было мое первое радостное чувство. Ведь я уже ничего о Вас не знаю. Когда скончался Митя, я послала с оказией из клиники, где с ним жила, записку Бор<ису> Влад<имировичу>¹¹ с просьбой заехать ко мне. Но так никто из них и не был у меня. <...> Сердце <Д.С. – Т. Н.> не вынесло той нагрузки, которая выпала на его долю. Хотя всё время, с 21 февраля <19>40 г. и до зимы <19>42 г., мы жили прекрасно во всех отношениях. А уже с конца зимы <19>42 г. Митя не получал того, что ему было нужно для поддержания сердца. Московские вещи начали продавать лишь с этой осени, <...> деньги поступали с перебоями. Питался он последнее время неплохо, но, к несчастью, было уже поздно. Наступила вторая декомпенсация. У меня такое опустошение и такое оупение, что я всё еще не осознаю всей глубины своей утраты. Я поступила на работу, сперва научным сотрудником по разделу библиографии в Публ<ичную> Библ<иотеку>, а сейчас перешла зав<едующей> филологическим кабинетом в Университет. Там ставка больше и работы немного. Но я стараюсь больше работать и меньше думать. Жизнь утратила для меня весь свой вкус и ценность. До 10-го нахожусь пока на обеих службах, т<a>к к<a>к еще не развязалась с первой. Устаю.

За это время умерла Вера Алекс<андровна> Меркурьева¹². Мы ее почти не видали¹³, потому что общение

с Кочетковым¹⁴, у которого она жила, было весьма мало приятным. Да и сама она пришла в большой упадок (не тем будь помянута): читала Вербицкую, занималась сплетнями и т. п. Вообще быт здешний Кочетковых – это такая юмористика, над которой Вы бы смеялись до слез.

Вышла книга стихов Ахматовой¹⁵: всё почти старые. Ее выдаю иногда. Она по-прежнему великолепна, но окружена каким-то невероятным бабьем. Выдаю также Над<жду> Як<овлевну> Мандельштам, иногда ночуем друг у друга, т<а>к к<а>к живем далеко. Но она – это «обормошник»¹⁶ и терпеть ее можно только ради стихов О<сипа> Э<милевича>. Если поедет в Москву И.А. Кашкин¹⁷, я пошлю с ним и фото, и последние стихи Ос<ипа> Эм<ильевича>, которые Вы, может быть, не знаете, и два последних стихотворения Мити, «Скорпион» и одно без названия, написанные 28 февраля, за два месяца до кончины. Очень прошу Вас, напишите мне о себе, о Стазе, как сейчас ее здоровье? Мой адрес: Беш-Агач, Театральная, д. 5, кв. 6. Спасибо Вам, что сохранили нашу библиотеку. Может быть, когда-нибудь где-нибудь расставлю ее снова так, как она стояла у нас. Я здесь абсолютно одна и одинока и так привыкла к своему одиночеству, что предпочитаю его общению с людьми, чуждыми мне и неинтересными. Писала Архиппову¹⁸, но, видимо, его жена скрыла от него мое письмо: говорят, от него скрывают все смерти. Это в наше-то время! Ответьте поскорее. Нежно обнимаю Вас обоих и всегда помню. Ваша А.

<2>

<Число оторвано. На конверте штемпель 7/ IV.44>

Дорогой Лева! Я перед Вами очень виновата, что не ответила на Вашу открытку. Но мне очень трудно писать письма, а потом я всё ждала оказии и хотела послать письмо с Анной Андр<еевной>. Но ее отъезд, видимо, откладывается¹⁹. Надеюсь, что это письмо застанет Вас в Москве. Спасибо Вам большое за то, что сохраняете наши книги.

Это, пожалуй, сейчас единственная моя привязанность на земле, ради чего я хочу приехать в Москву, возможно даже этим летом. Мне обещают командировку. Я преподаю в зд<ешнем> Университете франц<узский> яз<ык>, стараюсь много работать, чтобы время быстрее проходило. Всё, что произошло со мной, кажется мне до сих пор неправдоподобным, и я не могу привыкнуть к мысли, что Мити нет. – Оч<ень> прошу Вас написать мне. Получили ли Вы письмо через Эфр<оса>²⁰? Однимаю Вас и Стазю. Ваша А. Пишите.

<3>

<Дата на конверте 23.04.<19>44>

Дорогой Лева!

<...> Я живу по-старому, один день похож на другой. <...>

Я много работаю, преподаю в университете франц <узский> язык студентам и аспирантам и, кроме того, заведу филологическим кабинетом (там же). Занимаюсь у Шишмарева²¹ по истории фр<анцузского> яз<ыка>, читаю великолепные старофранцузские тексты, в связи с этим семинаром сама, насколько позволяет время, занимаюсь латинским и итальянским. Неожиданно достала здесь, в Ташкенте, Данте по-итальянски.

А вообще, здесь с книгами трудно, и мне, кроме новых журналов, которые я получаю в Кабинет, читать уже больше нечего. Хочется многое перечитать и приходится выискивать. Очень много сижу дома. Из людей выдаюсь только с Анной Андр<еевной> и с Над<еждой> Як<овлевной> Мандельштам. С последней вижусь ежедневно, т<a>к к<a>к она сейчас тоже преподает в САГУ (англ<ийский>). Музыка, к сожалению, не слушаю, т<a>к к<a>к все недоступно из-за дальности расстояния (по вечерам не выхожу совершенно). Но особенно интересного сейчас нет ничего. Было очень много (даже слишком много) концертов с Чайковским <...>.

Что сделал Эфрос с моим письмом и фото? Вы пишете очень глухо. Куда он всё это дел? <...> Пишите мне непременно (даже если не очень хочется!). Ведь мы оба привыкли Вас считать самым близким нашим другом. М<итя> часто вспоминал московские дни 40-го года с Вами. <...>

<4>

11/VI-44

Дорогой Лева! <...> В Москве была Анна Андреевна, которая должна была Вас видеть. Не дала ей письма для Вас только потому, что перед этим писала. <...>

<5>

7/V-45

Дорогой Лева! <...> Я решила остаться здесь, ибо в Москве одной мне решительно нечего делать. В Москву мы должны были вернуться вместе. Ташкент мне совсем не нравится, это чужой и чуждый нам город, но мне решительно все равно, где жить, а кроме того, не хочется уезжать от Мити. Я часто езжу к нему на могилу, была, разумеется, вчера, и в четверг, и в прошлое воскресенье, в годовщину его смерти, служила панихиду. Посадила клен – русское дерево – и цветы. – Я преподаю в САГУ – франц<узский> и нем<ецкий> яз<ыки>. И с этого года в Пединституте, на кафедре нем<ецкого>языка, которой заведовал Митя. Там я веду профилирующие дисциплины – лексику – дом<ашнее> и классное чтение. Вначале я боялась, т<a>к к<a>к все комментарии и вводные лекции должны вестись на языке, но сейчас привыкла и мне это очень нравится. Зима была тяжёлая, очень холодная и длинная. Приходилось под снегом и гололедицей преодолевать большие расстояния (от моего дома до университета 3–4 км), на трамвай было трудно рассчитывать. Я не знаю даже, как я выдержала эту

зиму, во всяком случае, не физическими силами. Живу, в остальном, в полном затворе. Нигде не бываю. Очень скучаю без музыки. С отъездом Ленинградской консерватории здесь ничего не осталось. Читаю много, большей частью перечитываю, – мне приходится много читать для курсов. Здесь несказанно трудно с добыванием книг. Мне так не хватает моих книг! <...>1) Больш<ой>нем<ецко>-русс<кий> словарь необходим, на весь город всего два экз<емпляра> в Публичной б<иблиотек>е и на дом получить нельзя. 2) Bédier. Le Roman de Tristan et d'Isolde. 3) Charles Cros. Le Coffret de Santal²². <...>

<6>

15/VIII-45

Дорогой Лева!

<...> Я очень устала за этот год и просто не знаю, как я вынесла холодную зиму, хождение четыре раза в неделю (7 км в оба конца) в университет и очень большую нагрузку. Нагрузка эта, разумеется, и остается плюс заведывание кафедрой нем<ецкого> яз<ыка> в Пединституте (кот<орой> в свое время заведывал Митя), пока временное, но если заведующая не вернется из командировки, то и совсем. Какая ирония судьбы, не правда ли? Как бы Митя надо мной издевался!

Расскажу Вам одну небольшую здешнюю сплетню, только не для широкого распространения. Н.Я. Манд<ельштам> не имеет высшего образования и сейчас сдаёт экстерном при филфаке. Разумеется, всё делает быстро и формально. Пришла сдавать все русские литературы сразу. Экзамен происходил у меня в комнате, т<а>к к<а>к экзаменатор живет у нас в доме. Вопрос: Ну а что Вы можете сказать об Озерове²³? Ответ: Да, да, ах, Озеров, это о нем мой муж писал... И за тем приводится какая-нибудь цитата. Впоследствии выясняется, что покойник не читал ни единой строчки ни Озерова, ни Сумарокова²⁴. Я чувствую, как Вы сотрясаетесь от смеха. Пишите мне, Лёва, хоть изредка.

С Вами и Стазей мне никак не хочется утрачивать связь. Если я когда-либо думаю о жизни в Москве, то, помимо моих, единственно, кто меня притягивает ещё там, так это Вы! И это не пустые слова. Вы ведь оба провожали меня в путь <...>.

<7>

11/III-46

<...> Как жаль, что Вы только теперь пишете мне о ташкентском сборнике Ахматовой. У меня был лишний экземпляр, который я послала во Фрунзе Ю.А. Самарину²⁵. Не знаете ли Вы, кстати, что с ним? Я не получила от него ответа ни на письма, ни на бандероль. Здоров ли он?.. – Я постараюсь достать Вам книгу, б<ыть> м<ожет>, у Н. Я. (Манд<ельштам>, к Вашему сведению) остались экземпляры, и вышлю. А я, со своей стороны, оч<ень> Вас прошу, когда будете приобретать для себя новый её сборник, приобретите для меня. Если это будет трудно, попросите от моего имени Гудзия, он имеет эту возможность и, думаю, мне не откажет. Туда вошло много стихов, которые возникали здесь, в Ташкенте, можно сказать, у меня на глазах. А. А. много читала мне. Я бывала у неё довольно регулярно раз в неделю и ночевала в тот вечер, когда мне на следующий день надо было быть в 9 ч. в САГУ.

<...> В этом году я особенно устала. Такая напряженная работа продолжится ещё до 16/IV, там IV курсы кончают заниматься.

На будущий год мне поручили еще два новых курса, правда, небольшие – стилистику (для этого я и выписываю Меуег'а²⁶) и теорию перевода. «Волш<ебный> Рог»²⁷ мне оч<ень> нужен. Я работаю на материале немецкой баллады, и там могут встречаться источники для многих баллад. Я делаю литературно-методические разработки, нужные мне для преподавания. Сделала «Ленору» и «Кор<инфскую> невесту» – лексический анализ и анализ перевода,

а сейчас работаю над «Ивиковыми Жур<авлями>». Здешний НКП (Народный Комиссариат Просвещения) размножает их на машинке в качестве пособия для преподавателей. Хотелось бы собрать материал побольше (баллад) – попытаться напечатать в кач<естве> школьного издания. Это интересно и оч<ень> приятно. Как Вам нравится перевод А.К. Толстого «Кор<инфской> невесты»? Почти адекватный, правда?

Сегодня ровно три года, как я отвезла Митю в клинику Слонома²⁸, 31/III, это была его последняя поездка. Как я ни старалась сегодня весь день забить себе голову так, чтобы не думать, ничего не получилось <...>.

<8>

6 X-46.

Дорогой Лёва!

<...> У Над<ежды> Як<овлевны> нет ташк<ентско-го> издания, если смогу достать в другом месте, пришлю с оказией. Н. Я. сама в дурном настроении <...>.

<9>

26 V-47.

Дорогой Лёва! Сегодня получила Ваше письмо по дороге в университет и читала его вместе с Над<еждой> Як<овлевой>, которой Вы прислали привет. Как мне приятно получать Ваши письма. Если бы Вы это знали, Вы бы почаще писали ко мне.

Недели две тому назад я послала Вам открытку о том, что в самом конце июня я буду в Москве и обязательно хочу повидать Вас и Стазю. И еще у меня к Вам будет просьба: встретить меня на вокзале. Я сейчас даже не представляю, с каким чувством я приеду в Москву, после десяти лет разлуки и одна, без Мити, и мне хочется, чтобы все, кто нам дорог, встретили бы меня. Конечно, придут Грине-

ры²⁹, но мне хотелось бы видеть и Вас. Я пошлю телеграмму и им и Вам. Кроме того, надеюсь освободить Вас от наших книг. Они, верно, здорово Вам надоели <...> В начале мая делала доклад о приёмах стилистического анализа литературного текста, и все меня стали уговаривать положить этот доклад в основу диссертации. Не знаю, думаю, что ничего не выйдет, я, по-моему, бездарна и бестолкова, но попробую, посоветуюсь. Вот об этом я и хочу поговорить с Гудзием³⁰.

А как хорошо умер Винокур³¹!

Скажите, знаете ли Вы что-то об Архиппове? Он уже больше года не пишет, не ответил на несколько писем. Думаю, что если бы он умер, Клодя³² написала бы всё же. Мне почему-то кажется, что он на меня за что-то обиделся. По-моему за то, что я не высказывала должного пиэтета Черубине и не писала о ней с большой буквы, как он. – Ну, Бог с ним.

<10>

30/VIII-47

Дорогие Стазя и Лева!

<...> С Н. Я. не виделась, получила только от нее «заумную» записку <...>.

<11>

29/IX-47

Дорогие Лева и Стазя!

<...> От Архиппова имею 3 открытки, одна глупее другой, я Вам покажу. Но так как он стал мне писать, то мне хотелось бы ему выслать увеличенное Митино фото – 37 г. Если Вы успеете, то привезите его с собой. Для старика это будет большая радость. И привозите, вообще, аппарат.

С Н. Я. почти не выдаюсь. Я с этого года в университете не преподаю (сняли всех совместителей – 64 чел.),

а к ней никак не могу собраться, неприятностей у неё не было никаких, но она пребывает в черной меланхолии из-за хронических недостатков и экстренных расходов, связанных с частыми поездками в Москву <...>.

<12>

18/X-47

Дорогие Стазя и Лёва!

<...> У меня все по-старому. Но на этой неделе случилось обострение с сердцем и я дня 3 пролежала, вернее, просидела дома. Сегодня была на лекциях уже.

28-го делаю доклад на здешней институтской конференции о «Лесном царе», разумеется, оригинально и с точки зрения языка и стиля <...> Н. Я. не вижу совершенно. Не раз вспоминала, как Вы, Лёва, сказали про неё: все-таки она какая-то шалая. Это – золотое слово. «Шалость» ее сейчас у неё в самом неприятном аспекте и потому я избегаю встреч, а она говорит, что так подавлена своими штудиями и открытиями в области филологии, что собраться не может никак. Вероятно, мы с вами вместе к ней соберемся.

<13>

25 XI-47

Дорогие Стазя и Лева!

<...> У нас несколько оживилось в смысле музыки. <...> В консерваторию, говорят, привезли орган из Львова. Надеюсь, будут баховские концерты.

Н. Я. почти не видаю. Она в мрачном настроении и сейчас находится в одном из своих наименее приятных аспектов. Про Аннушку³³ говорили, будто она умерла. Интересно бы проверить. М.б., знает С<ергей> В<асильевич>³⁴? <...>

<14>

22 I-48

Дорогие Стазя и Лева!

<...> С Н. Я. почти не встречаюсь. Она много работает. Собирается в начале февраля в Москву, возможно, что увижу её перед отъездом, если будут какие поручения. Между нами говоря, она стала почти непереносима, а потому я не жажду встреч с ней. У неё появился высокомерный тон, необычайно авторитарные и безапелляционные суждения обо всем («Я в научных вопросах привыкла (!! Когда успела?) говорить оч<ень> резко» и т. д.).

<15>

20 VII-48

Дорогие Стазя и Лёва!

<...> В Москве сейчас Над<ежда> Як<овлевна>. Видали ли Вы ее? Я с ней последнее время почти не встречалась. К ее «шалости», которую Вы так хорошо подметили, прибавился ещё какой-то страшный гонор, мания величия от будущей ученой степени (!). Она совершенно утратила способность разговаривать с людьми просто, не «с кондачка» <,> и общение с ней стало тягостным. <...>

<16>

30/VII-48.

Дорогой Лёва!

<...> Буду очень рада, если Вы пришлете портрет Пастернака³⁵. Как хотелось бы видеть его стихи, которые Вам понравились. Должна сказать, что из последних его сборников («Земной простор», «На ранних поездах») мне почти ничего не понравилось. Он заговорил простым, понятным языком и как-то сразу потускнел.

Напишите еще что-нибудь про Аннушку. Как он<а> сейчас выглядит? Жаль, что Вам не удалось её снять. Где она теперь?

Я понимаю Вас, что Вам неохота видеться с «Надей». Она, между нами говоря, стала непереносима. Я за один день получила от неё через знакомых 3 известия, что Жирмунский сказал, что она выдающийся филолог. <...>

<17>

22/VIII-48.

Дорогой Лёва!

Вчера возвратившись от Н. Я., которая привезла от моих небольшую посылочку, я застала Ваше письмо.

<...> Портреты Пастернака замечательны и, кажется, «прославились». О них мне вчера говорила Н. Я. Спасибо еще раз и, если будете иногда присылать фотографии, буду очень благодарна. Кстати, за Вами один «фотодолжок» – портрет Наденьки, который я почему-то не захватила с собой. Если не трудно, пришлите. Н. Я. я нашла не в блестящем виде. Её оперировали в Москве, вырезали из груди опухоль, которая, к счастью, оказалась все же не раком, но чем-то, из чего впоследствии может образоваться рак. «Канкроид» – так, кажется. Я женщина темная и необразованная и медицинский термин легко могу спутать. Она, в общем, в мрачном расположении духа не из-за болезни, а так, вообще. Аннушке, по ее словам, предложили перевести азербайджанских поэтов. Это хорошо.

<18>

22/VIII-48.

Дорогой Лёва! <...> С Н. Я. почти не видаюсь. Она очень занята, у неё чуть ли не 36 ч. в неделю; кроме того, она занимается дома с какими-то старыми психопатками... готским языком! Правда, это очень подходит к её «зауми» вообще? <...>

<19>

20/VII-51³⁶

Дорогие Стазя и Лева!

<...> Вчера получила письмо от Над. Як. Она какая-то «шалая», успела так обострить в Ульяновске отношения³⁷, что ищет себе «на всякий случай» что-нибудь под Москвой. Пишет, что у Анны был инфаркт, что она в больнице³⁸.

*Подготовка текста, вступительная заметка
и примечания Т. Нешумовой*

---

¹ См. о нем: *Усов Д.С.* Стихотворения / Вступит. заметка и подготовка текста Н. Алексеева [Н. А. Богомолова] // Новобасманная, 19. М., 1990. С. 75–83; *Гаспаров М.Л.* «Переводчик» Д.С. Усова: с русского на русский // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М., 1995. С. 198–201; *Степанова Л.Г., Левинтон Г.А.* Из истории дантоведения: статья Д.С. Усова о переводе «Новой жизни» в «Гермесе» // Тыняновский сб. Вып. 10. Шестые–Седьмые–Восьмые тыняновские чтения. М., 1998. С. 514–547; *Нешумова Т.Н., Усов Д.С.* Статья для «Мандельштамовской энциклопедии» (в печати).

² Ср. строки из письма М.А. Волошина начала 1929, приводимые в «Воспоминаниях» Е.К. Герцык: «Ушедший год был тяжелым годом – в декабре из близких умерла еще Лиля (Черубина Габриак) и писательница Хин» (*Герцык Е.* Воспоминания. М., 1996. С. 150). «Отпевал ее по восточно-католическому обряду С<ергей> М<ихайлович Соловьев>. Он был прекрасен в черной ризе – подлинный “уголь горящий”, свеча темного воску, несоизмеримый с привычными “пастырскими” образами» (Письмо Д.С. Усова Е.Я. Архиппову – РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 78. Л. 138).

³ См. ее мемуары: *Гриннер В.А.* Мои воспоминания о С.М. Волконском / Публ. Вяч. Нечаева // Минувшее. Исторический альманах. Вып.10. М.; СПб., 1992. С. 330–340.

- 4 РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 123. Л. 8 об., 26 об.
- 5 Жамм Франсис (1868–1938) – французский поэт.
- 6 Письмо Е.Я. Архиппову от 18 ноября 1930 г. (РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 74).
- 7 ОР РГБ. 218. 1071. 22. Л. 63.
- 8 РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 123. Л. 42 об.
- 9 Эфрон Г. Дневники. Т. 2. М., 2004, по ук. В комментарии ошибка в дате смерти А.Г. Усовой.
- 10 Домашнее имя Анастасии Васильевны Горнунг (1897–1956), жены Льва Владимировича Горнунга (1902–1993). См. о них: *Горнунг Л.* Упавшие зерна. *Горнунг А.* Бегущие ландыши: Избранные стихотворения / Сост. М.З. Воробьева. М., 2004.
- 11 Филологу Б.В. Горнунгу (1899–1976), который был с семьей эвакуирован в Ташкент, но, получив возможность уехать из Ташкента, срочно, 1 мая 1943 г., выехал в Москву. Записка от А.Г. Усовой о смерти ее мужа пришла, очевидно, накануне или уже после его отъезда.
- 12 Меркурьева Вера Александровна (1876–1943) – поэт, переводчик.
- 13 В.А. Меркурьева 4.04.1942 писала Е.Я. Архиппову из Ташкента: «Ус<овы>х не вижу, они поглощены работой и заботами, он совсем не выходит иначе как на лекции, а она – дни в очередях, добычах, готовке и проч<ем>» (РГАЛИ. Ф. 2209. Оп. 1. Д. 30. Л. 10).
- 14 Кочетков Александр Сергеевич (1900–1953) – поэт, переводчик.
- 15 Речь идет о сборнике А. Ахматовой, который вышел в мае 1943 г. в Ташкенте.
- 16 Так же называла молодых друзей М.А. Волошина, среди которых были сестры Цветаевы, в 1913 г. тетка А.Г. Усовой, Р.М. Хин.
- 17 Кашкин Иван Александрович (1899–1963) – переводчик, критик.
- 18 Архиппов Евгений Яковлевич (1882 (по новому стилю 1883)–1950) – поэт, критик, библиограф.
- 19 Ахматова выехала из Ташкента в Москву 15 мая 1944 г.
- 20 Эфрос Абрам Маркович (1888–1954) – искусствовед, театровед, литературовед, литературный критик, переводчик.

Публикации и материалы к биографии О.Э. Мандельштама

- 21 Шишмарев Владимир Федорович (1875–1957) – филолог, с 1946 г. академик.
- 22 Бедье. Роман о Тристане и Изольде. Шарль Кро. Ларец из сандала (*фр.*).
- 23 Озеров Владислав Александрович (1769–1816) – драматург.
- 24 Сумароков Александр Петрович (1717–1777) – поэт, драматург. Это заблуждение А.Г. Усовой. Мандельштам писал об Озерове и Сумарокове в стихотворении 1914 г. «Есть ценностей незыблемая скала...». Имя Сумарокова упомянуто и в статье Мандельштама «Буря и натиск».
- 25 Самарин Ю.А. – бывший сотрудник ГАХН.
- 26 *Meyer R.M. Deutsche Stilistik. München, 1913.*
- 27 «Волшебный рог мальчика» – сборник немецких народных стихов, песен и баллад, изданный К. Brentano и Л.А. Арнимом.
- 28 Слоним Моисей Ильич (1875–1947) – врач, член-корреспондент Академии наук.
- 29 Правильно: Гринеры. См. примечание 3.
- 30 Гудзий Николай Каллининович (1887–1965) – литературовед, академик, профессор Московского университета. Служивец Усовых по ГАХН.
- 31 Винокур Григорий Осипович (1896–1947) – филолог, умер во сне.
- 32 Клавдия Лукьяновна Архиппова (урожд. Иовина) – вторая жена Е.Я. Архиппова.
- 33 А.А. Ахматову.
- 34 Шервинский.
- 35 Речь идет о фотопортретах Б.Л. Пастернака, выполненных Л.В. Горнунгом.
- 36 На конверте этого письма рукою Л.В. Горнунга написано: «Последнее письмо».
- 37 В Ульяновском педагогическом институте Н.Я. Мандельштам работала на кафедре английского языка в 1950–1951 гг.
- 38 Инфаркт у Ахматовой – май 1951 г.

«Я ВСЕГДА ВАС ПОМНИЛА...»
(Письма Н.Я. Мандельштам к Н.Я. Берковскому)

В 1961 г., по-видимому в самом его конце, Н.Я. Мандельштам сообщила А.А. Ахматовой: «...Я получила несколько писем от Бориса Яковлевича и Наума Яков<леви>ча». Они сочли нужным хвалить мою статейку в “Тарусских страницах”, на что я ответила бранью. Все зовут в Ленинград и вспоминают, как мы мило проводили время...»¹. Названные здесь корреспонденты Н.Я. Мандельштам – это замечательные ленинградские филологи Б.Я. Бухштаб и Н.Я. Берковский.

Письма Наума Яковлевича Берковского (1901–1972) к Надежде Яковлевне не найдены; вероятно, они не сохранились. Но в его домашнем архиве остались четыре ее письма к нему. И первое из них – как раз то, где она, в свойственной ей жестковато-иронической манере, «бранит» адресата за комплименты, сделанные ее публикации.

Переписка стала продолжением личного знакомства, которое состоялось, скорее всего, в том же 1961 г. – письмо Надежды Яковлевны от 27 ноября, как явствует из его текста, было ответом на «первое письмо» Наума Яковлевича к ней; в февральском к нему письме 1962-го она говорит, что хотела бы «опять посидеть, как в прошлом году».

Встреча, очевидно, произошла в Комарово под Ленинградом – время с июля по сентябрь 1961 г. Берковский

провел там в Доме творчества Союза Писателей, а Надежда Яковлевна, должно быть, приезжала к Ахматовой, жившей на комаровской литфондовской даче (именовавшейся ею в обиходе «будкой»). Можно даже попытаться угадать дату этой встречи: «Вчера ездили в гости к Анне Андреевне Ахматовой...» – сообщил Н. Берковский своей московской корреспондентке Е.А. Гусевой 2 августа 1961 г.²; может быть, тогда он и застал там Н.Я. Мандельштам³. Но – то ли по причине многолюдья, то ли по краткости времени – настоящего диалога между ними не получилось: «...мы с вами даже разговаривать не пробовали, только догадались, что есть о чем...» – напомнила Берковскому в мартовском <1964?> письме Надежда Яковлевна.

Главным предметом этих разговоров, если бы они состоялись, стал бы, разумеется, Осип Мандельштам, всегда ценившийся Берковским чрезвычайно высоко (прямое свидетельство такого отношения мы находим, например, в письме Берковского к Н.А. Крымовой от 8 июня 1965 г., где он убежденно говорит о том, что Мандельштам столь же гениален в прозе, как и в стихах).

В 1929 г. Берковский, будучи аспирантом В.М. Жирмунского⁴ и при этом одним из ведущих критиков-рапповцев, опубликовал большую статью «О прозе Мандельштама»⁵, явившуюся воодушевленным и аналитически-внимательным откликом на выход книг «Египетская марка» и «О поэзии», – жест для идеологически ангажированного автора нетривиальный. «Преломление быта культурой, центральный принцип мандельштамовской прозы, – делал заключение критик, – нам сейчас, в дни обсуждения культурной революции, безмерно дорого». Н.Я. Мандельштам, которой работа Берковского, надо полагать, была известна, должна была бы отметить и нечаянную своевременность этой поддержки: статья появилась как раз в момент тяжбы О. Мандельштама с ФОСПом по поводу длившегося «переводческого скандала» – в момент, когда Осип Эмильевич начинал надиктовывать жене гневную «Четвертую прозу».

Упоминания о Мандельштаме попадают и в других публикациях Берковского той поры («Стилевые проблемы

пролетарской литературы», «О тяжести недоброй», «О прозаиках»), причем даже присутствующая в первой из них полемичность не отменяет корректности тона.

После 1930 г. имя Мандельштама в печатных работах Берковского не встречается. Об отношении его к Мандельштаму в позднейшее время свидетельствует запись, сделанная после смерти ученого его женой, Е.А. Лопыревой: «После войны больше ценил Пастернака, потом забросил его для Мандельштама и считал главными воронежские стихи. Скрывал, но был доволен, когда в американском издании Мандельштама оказались перепечатанными большие куски из его статьи (1929) о Мандельштаме. И не ленился переписывать от руки еще не напечатанные (или если не было дома книги этой) стихи Мандельштама и Пастернака»⁶.

В 1960-е годы Берковский не раз упоминает Мандельштама в письмах. Воспроизведение фрагментов статьи 1929 г. во 2-м томе Собрания сочинений Мандельштама под редакцией Г. Струве и Б. Филиппова (Вашингтон, 1966) отмечалось в переписке с С.П. Бобровым⁷ и А.К. Гладковым⁸. В письме к Н.А. Роскиной (от 25 февраля 1969 г.)⁹ Берковский называет эту статью единственной, за которую ему «не стыдно» из всех «упражнений аспирантских лет»¹⁰. Долгая и трудная история подготовки тома О. Мандельштама в Большой серии «Библиотеки поэта» отразилась в переписке Берковского с Н.И. Харджиевым и в публикуемых здесь письмах Надежды Яковлевны Мандельштам.

Удалось ли Н.Я. Мандельштам и Н.Я. Берковскому повидаться после 1961 г., неизвестно; скорее всего, новая их встреча так и не состоялась.

---

¹ «В этой жизни меня удержала вера только в Вас и Осю...». Письма Н.Я. Мандельштам А.А. Ахматовой // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 101.

² Архив Л.А. Виролайнен.

- ³ О посещении этих мест, проезд свой, правда, не датируя, Н. Мандельштам говорит во «Второй книге», вспоминая «...пресный светло-серый залив недалеко от Комарова в советской Финляндии, где мы на минутку остановились с Ахматовой» (*Мандельштам Н.* Вторая книга. М., 1999. С. 479).
- ⁴ Под его же руководством писала, кстати говоря, свою лингвистическую диссертацию и Н. Мандельштам – четверть века спустя (см. ее «Автобиографию»).
- ⁵ *Берковский Н.* О прозе Мандельштама // Звезда. 1929. № 12; в расширенном виде: *Берковский Н.* Текущая литература. М. 1930; перепеч. в сб.: *Берковский Н.* Мир, создаваемый литературой. М., 1989.
- ⁶ Архив Л.А. Виролайнен.
- ⁷ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Д. 443.
- ⁸ Там же. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 209.
- ⁹ Там же. Ф. 3120. Оп. 1. Д. 39. Л. 4 об.
- ¹⁰ Н. Роскина вспоминала, кроме того, что в беседе с ней Берковский как-то сказал: «Анне Андреевне <...> нравилась моя статья о прозе Мандельштама» (Н. Роскина. Н.Я. Берковский // Звезда. 1990. № 7. С. 145).

<1>

27 ноября <1961 г., Таруса¹>

Дорогой Наум Яковлевич!

Что вы выдумали чушь про мой очерк²?

Это типичная «моча в норме»³. Я его написала левой ногой, потому что без очерков не прошел бы весь сборник. Анализ ритмов совершенно школьный. Так 30 лет назад нас учила Евг. Ив. Прибыльская⁴, хорошая специалистка по орнаменту. Задавались разборы, и все это делали. Просто школа. На орнаменте легче показать линейный ритм... Стоит все это три гроша. Меня заставили писать очерки, потому что не было очеркистов. Так запрягли меня и Фриду Вигдорову⁵. Больше запрягаться я не собираюсь. Поэтому

я очень огорчилась, что вы о такой чуши написали мне первое письмо. Как это Елена Александровна⁶ вас не остановила?

В сборнике все же есть кое-что любопытное. По-моему, это сообщение, что есть люди, которые работают. Как бы заявка... Потом публикации (Марина [Цветева], Заболотский, Мейерхольд = Гладков – молодец и умница). Хороши или плохи те, кто работает, – не очень важно. Каких бог дал. Слава ему, что и такие есть.

Как вы отнеслись к прозе (Окуджава и Казаков) и к стихам? Составитель (Отген⁷) знает, что все это «манная каша», но вместе с тем это чудо. Как это вышло? Ряд случайностей и чудес. Готовится с одной стороны («Октябрь», «Литература и жизнь») разгром, с другой защита (А. Сурков передал в Известия статью с восхвалением). Поживем увидим.

Приехать я, к сожалению, не могу. Я заняла большой пустой дом и обязана его стеречь: денег не плачу, но дрова мне стоят больше, чем комната в Москве. Словом, я ночной сторож⁸. Беда. Очень грущу.

Приезжайте обязательно. Очень буду рада вам.

Сердечный привет Елене Ал[ександровне].

Когда А. А. выйдет из больницы⁹? Получила ли она мои 2 письма?

Надежда Манд[ельштам]

Нельзя ли достать у вас Пастернака?¹⁰

<2>

< начало 1962 г., Таруса¹¹ >

Дорогой Наум Яковлевич!

Хоть вы меня и забыли, но не могу вам о себе не напомнить: очень хорошая статья о Гельдерлине. Сделано очень трудное: о метафоре и о сравнении – и об образной природе поэта; анализ стихотворений – («Эмпедокл», «Своенравные») – «воздушное сближение»; пейзаж и чертеж; ландшафт; имя собственное и вещи этого плана. Это

то, что труднее мировоззренческих вещей (ну, например, свобода как общение с законами природы без посредников). Анализ «античности» тоже проще написать¹².

Мысль о сходстве О.М. с Гельдерлином после вашего анализа отпадает. Это совсем разное. Видно, О.М. сказал это по легкомыслию¹³. Особенно это видно по отношению к античности. Я бы сблизила его скорее с Китсом¹⁴.

Может, я где-нибудь вам «отвечу»...

Жаль, что вы не приезжаете. Здесь очень хорошо. Привет Е.А.

Надежда Мандельштам.

Елена Александровна, напишите и вы мне словечко? Как ваш конь?¹⁵

<3>

19 февраля <1962 г., *Таруса*¹⁶>

Дорогой Наум Яковлевич!

Рада была очень Вашему письму. О. М. говорил «мы – смысловики»¹⁷, так что я вполне понимаю значение вашей вспышки и выступления в защиту, так сказать, идеологической части своей статьи. Но я попробую уточнить свою мысль: вы говорите о стихах «изнутри» – и в статье, и еще больше в письме, где вы более свободны – «жанр» письма вам дает эту свободу. Об отношении к слову и фразе Хлебн. и О. М. «как если бы это были звери или растения»¹⁸; это как бы метафора, но метафора «изнутри», которая объясняет сущность вещей лучше, чем что-либо. Вот это звучание я почувствовала у вас в статье и потому так ей обрадовалась. Особенно это явно, когда вы говорите о самом материале стихов. И, конечно, легче увидеть и сказать о том, что люди уже наблюдали и видели; языковеды, по-моему, научили видеть образную природу слова и фигуры речи. По-моему, мне и кажется, что легче проанализировать их природу, чем самую гущу стиха, и найти эти самые «растения и животных» в отношении поэта к словам.

А филология, конечно, любовь к смыслу, но поэтический смысл теснее, чем в чем-либо другом, связан с самой природой стиха. Даже в прозе эта связь иная, а тем более в статье, скажем.

Hölderlin'a я знаю мало – мы читали его с О. М. в Армении (30 гг.)¹⁹ и в Воронеже. Тогда я была полной крестинкой, а потом я к нему не возвращалась. О близости или отсутствии этой близости я судила только по вашей статье, и ваши слова в письме вполне для меня убедительны. Но вот с Китсом у нас может быть спор. 1) Я сравниваю Китса с О. М., а не с Hölderlin. Что-то есть общее в природе этих людей; 2) Китс, по-моему, очень крупный поэт, и, ради бога, не ставьте его рядом с Шелли – этого я терпеть не могу. У меня тоже есть «пластинки»²⁰: одна из них – почему я не люблю Шелли. Природа Китса и Шелли разные, если не противоположные. Шелли это огромное пламя, и при этом холодное. А. А., защищая от меня Шелли, хвалит его за какую-то птичку, которую я знать не хочу²¹. А Китс очень знакомый и чудный мальчишка. 3) Кто выше – Китс или Hölderlin? Стоит ли ставить так вопрос? У нас ведь всегда занимаются измерением такого рода. Оба первозданные и в высшем разряде поэзии. Кто лучше – Бодлер, Верлен или Рембо? Вот Шелли – другое дело – он в другом разряде.

Боже! Сколько я натрепала! Мне очень жаль, что вы не приехали. Здесь было чудно. И спасибо за предложение быть посредником между мной и А. А. Я хочу к ней приехать и могу. Вопрос – когда и куда? В город или в Комарово? Мне необходимо об этом договориться с ней, чтобы соответственно построить свое лето и весну. Я прошу вас, сделайте это за меня. Как она дальше? Сколько будет в Комарово? Куда оттуда? И на когда мне наметить свой приезд? А хорошо бы опять посидеть, как в прошлом году. Давайте!

Сердечный привет Елене Александровне. Очень хочется покататься на коне, а у меня опять болит то самое место, которое доставило ей столько беспокойства и ее коню тоже. Целую ее.

Надежда Мандельштам.

<4>

22 марта <1964 г., Псков²²>

Дорогие Елена Александровна и Наум Яковлевич!

Я всегда вас помнила, всегда хотела вам написать, но каким-то роковым образом всегда теряла ваш адрес. Последний раз мне давала его Нюра Никритина²³. Она была в Тарусе у наших общих друзей.

В Ленинград я, наверное, не выберусь никогда. Теперь он мне уже опостылел окончательно – после истории с Бродским. Вероятно, засяду в Тарусе, хотя есть какие-то шансы на Москву. И Псков тоже брошу. Обидно тратить последние годы на такую муру, как преподавание языка²⁴. Вы подумайте: еще по-английски разговаривать перед смертью!

Видно, чтобы нам повидаться – а хорошо бы! – надо вам приехать в Тарусу. Ведь мы с вами даже разговаривать не пробовали, только догадались, что есть о чем... Почему вам в самом деле не оседлать коня и не приехать? Городок блаженный...

Вспомните и вы меня и напишите (Псков – Главпочтамт – до востребования)...

А своему аспиранту – Петру Ивановичу²⁵ – не пишите... Он перестал хамить тут же. Ему объяснили, что не стоит. (Дело шло о расписании.) Больше ни для чего он мне не нужен... И я боюсь, что, получив ваше письмо, он вообразит себя ученым и прочтет какой-нибудь доклад.

Николая Ивановича²⁶ я не вижу. Я попадаю в Москву на несколько дней, а он заболевает. Знаете, это его спасение: он спрятался в болезнь.

Книга О. М. не выходит. Орлов²⁷ придумал – всадить О. М. в десятые годы²⁸. Я надеюсь, что кто-нибудь запретит эту книгу. Предпочитаю, чтобы не печатали вовсе. Это вроде социального положения – нельзя ни в каком виде... Журнал «Москва» пробует напечатать в майском номере. Я бы не против, но тоже что-нибудь сорвется²⁹.

Так строится жизнь...

Анна Андреевна в Москве. Активно не хочет возвращаться в Ленинград (но в этом не признается). Ведет фантастическую жизнь – кочует из одного места в другое по 2–3 недели. Эта форма бездомности становится невыносимой.

Жму руку обоим.

Н. М.

*Публикация М. Виролайнен.
Подготовка текста, вступительная заметка
и примечания Л. Дубшана*

---

¹ Год написания устанавливается по времени выхода в свет альманаха «Тарусские страницы». Над датой помета адресата: «Н.Я. Мандельштам».

² Из дальнейшего текста письма ясно, что Н. Берковский отозвался на публикацию очерка Н. Мандельштам «Куколки», посвященного тарусской ручной вышивке и напечатанного, вместе с двумя другими – «Хлопот полон рот» и «Птичий профессор», в вышедшем в октябре 1961 г. альманахе «Тарусские страницы» (перепечатаны в изд.: *Мандельштам Н.* Книга третья. Р., 1987). В «Тарусских страницах» очерки были опубликованы под псевдонимом «Н. Яковлева», но Н. Берковский оказался в это обстоятельство – либо самой Надеждой Яковлевной, либо общими знакомыми – посвящен.

³ Ср. во «Второй книге»: «Суркову хотелось, чтобы все писали так же понятно, как Пушкин и Шекспир. Я перевела ему по памяти два-три шекспировских сравнения из любимых мной разговоров миссис Куикли, но на него ничто подействовать не могло. Литературные правила твердо засели в его мозгу. “Моча в норме”, – сказала бы Ахматова, то есть средне-писательское понимание поэзии или Пастернак с точки зрения социалистического благоразумия» (*Мандельштам Н.* Вторая книга. М., 1999. С. 480).

⁴ Прибыльская Евгения Ивановна – специалист по народной вышивке, в 1920-е годы входила в коллектив модельеров, возглавлявшийся Н.П. Ламановой.

- ⁵ Вигдорова Фрида Абрамовна (1915–1965) – педагог, журналист, писательница. В 1964-м вела запись суда над Иосифом Бродским, широко распространившуюся в «самиздате».
- ⁶ Лопырева Елена Александровна (1904–1982) – жена Н.Я. Берковского. Переводчик, литературовед.
- ⁷ Оттен (Поташинский) Николай Давидович (1907–1983) – литературовед, кинокритик, драматург, один из составителей альманаха «Тарусские страницы» (1961). В начале 1960-х годов был дружен с Н.Я. Мандельштам.
- ⁸ Ср. в письме Н. Мандельштам к А. Ахматовой, написанном тогда же: «Живу я как мышь, сторожа чужой дом и кошку, из-за которого, в сущности, не могу съездить даже в Москву. Зато не плачу денег и наслаждаюсь простором...» (Письма Н.Я. Мандельштам А.А. Ахматовой // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 101).
- ⁹ В октябре 1961 г. А. Ахматова была помещена в хирургическое отделение Первой Ленинградской больницы в связи с обострением хронического аппендицита. После операции перенесла инфаркт миокарда и новый 1962 г. встретила в больнице. 11 октября 1961 г. Н. Берковский сообщал поэту и литературоведу Л.А. Озерову: «Анна Андреевна, бедная, опять в больнице. Врачи от нее таят, но опасаются, что это инфаркт. Третий инфаркт это совсем нехорошо. Мы ее навещаем». 9 ноября 1961 г. он писал своей московской знакомой Е.А. Гусевой: «Анна Андреевна в довольно неплохом состоянии, но что-то грустна. До вставания с постели еще далеко, – делаются первые подступы. В Сорбонне объявлен специальный курс по ее поэзии – она очень радуется. Конечно, это и есть должное отношение к ней – как к живому классику, как к поэту, уже созревшему для науки о нем».
- ¹⁰ Речь идет об издании: *Пастернак Б.Л.* Стихотворения и поэмы. М., 1961.
- ¹¹ Письмо датируется с учетом момента выхода в свет работы Н. Берковского «Фридрих Гельдерлин» (Вопросы литературы. 1962. № 1), вошедшей потом в качестве одной из глав в книгу Н. Берковского «Романтизм в Германии» (Л., 1973).

- ¹² Н. Мандельштам перечисляет здесь некоторые аспекты работы Н. Берковского о Гельдерлине.
- ¹³ Вероятно, в разговоре с Н. Мандельштам (или в недошедшем до нас письме к ней) Н. Берковский высказал мнение о сходстве поэзии Мандельштама с гёльдерлиновской и сослался при этом на устное суждение самого О. Мандельштама. Отсюда можно сделать осторожное предположение о возможности личного знакомства Н. Берковского с О. Мандельштамом где-нибудь во 2-й половине 1920-х годов.
- ¹⁴ В «Книге третьей» Н. Мандельштам вспоминала: «...В Ташкенте, живя на балахане, мы читали с Ахматовой прелестные стихи Китса (Ахматова говорила, что Китс ей почти физиологически напоминает Мандельштама)» (*Мандельштам Н.* Книга третья. С. 26).
- ¹⁵ «Конем» Н. Мандельштам здесь и дальше шутливо именуется автомобиль Берковских, водила который Елена Александровна.
- ¹⁶ Письмо датируется 1962 г. по тематической смежности с предыдущим.
- ¹⁷ «О. М., говоривший “мы – смысловики”, знал, что слово всегда содержит информацию, то есть является смыслоносителем» (*Мандельштам Н.* Воспоминания. М., 1989. С. 175).
- ¹⁸ Вероятно, цитата из письма Н. Берковского. Об органичности хлебниковского поэтического слова Н. Берковский говорил и в работе «Велимир Хлебников», писавшейся в 1942–1946 гг. (впервые опубликована в: *Берковский Н.* О русской литературе. Л., 1985. С. 340–376), но прямого уподобления слов «зверям или растениям» там нет.
- ¹⁹ Ср. в «Воспоминаниях» Н. Мандельштам: «О. М. и прежде знал этих поэтов – Гёте, Гельдерлина, Мёрике, романтиков; но просто чтение – это еще не “встреча” “Встреча” произошла <...> в Армении» (*Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. С. 219).
- ²⁰ Характерное выражение А. Ахматовой: «В разговорах Ахматовой были некоторые излюбленные темы, иногда и повторявшиеся формулы и остроты или целые рассказы. Она сама знала за собой склонность к их повторению и сама над собой подшучивала: “Есть у меня такая пластинка”»

(Иванов Вяч. Вс. Беседы с Анной Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 494).

- 21 О внимании Ахматовой к личности П.Б. Шелли Н. Мандельштам упоминает в «Воспоминаниях»: «Ахматова, воскрешая для общения тех, кого с нами уже нет, интересовалась их жизнью, бытом, общением с людьми. Так впервые преподнесла она мне Шелли – на нем она как будто тренировалась... Затем у нее наступила эпоха общения с Пушкиным» (*Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. С. 221).
- 22 Письмо датируется в связи с упоминанием о процессе по делу И. Бродского, проходившем в Дзержинском районном суде Ленинграда и завершившемся 13 марта 1964 г. приговором «сослать Бродского в отдаленные местности сроком на пять лет с применением обязательного труда».
- 23 Никритина Анна Борисовна (1900–1982) – жена А.Б. Мариенгофа. В 1928–1962 гг. – актриса БДТ.
- 24 Н.Я. Мандельштам работала в Псковском пединституте в 1961–1964 гг.
- 25 Неустановленное лицо из числа псковских коллег Н.Я. Мандельштам.
- 26 Имеется в виду Н.И. Харджиев (1903–1996) – искусствовед, литературовед, составитель тома О. Мандельштама в Большой серии «Библиотеки поэта» и автор комментария, помещенного в этом томе. Книга вышла в 1973 г., но уже в 1967 г. между ним и Н.Я. Мандельштам произошел острый конфликт из-за архива Мандельштама и из-за текстологии его стихов.
- 27 Орлов Владимир Николаевич (1908–1985) – литературовед, с 1956 по 1970 г. – главный редактор «Библиотеки поэта».
- 28 В Малой серии «Библиотеки поэта» планировался подготовляемый В.Н. Орловым сборник «Поэты начала XX века». В нее, помимо ранних стихов, намечалось поместить и несколько стихотворений Мандельштама 1930-х годов. Книга, дошедшая до стадии макета (1966), так и не вышла (сообщено П. Нерлером).
- 29 В № 8 журнала «Москва» за 1964 г. были напечатаны подборка стихов Мандельштама и статья Н. Чуковского «Встречи с Мандельштамом».

В СПОРЕ О БРОДСКОМ
(Письма Надежды Мандельштам
Александрю Гладкову)

Александр Константинович Гладков (1912–1976) так и остался автором одной пьесы, появившейся в нужное время в нужном месте и снискавшей как неподдельную народную любовь, так и благоволение начальства. Снятую по его пьесе «Давным-давно» Э. Рязановым «Гусарскую балладу» знает, без преувеличения, все население страны. Поручик Ржевский стал героем анекдотов, – подобного народного признания удостоивались только Чапаев да оберштурмбанфюрер Штирлиц. Триумф, выпавший на долю истории кавалерист-девицы, больше не повторился. Другие пьесы и киносценарии Гладкова («Молодость театра», «Бессмертный», «Зеленая карета») сегодня забыты.

Александр Гладков был больше собственной репутации автора блестящей, нестареющей – но единственной – комедии. Он мечтал создать огромный памятник своему XX веку – нечто, сопоставимое с таким шедевром, как «Белое и думы» Герцена. Всю жизнь, и даже в лагере, где он провел 6 лет (с 1948 по 1954-й), он вел дневник, который должен был стать основой этого труда. Гладков писал о своем замысле: «Вот я наблюдаю маленького, честного и добросовестного литератора, который всю жизнь сочиняет какие-то повести и рассказы, катит, как Сизиф, в гору камень, мучается с ним, недоволен собой, переживает отно-

шение к себе других, заживляет раны самолюбия и снова ранится. А, между тем, записывай он просто то, что он видит и слышит каждый день, без всяких “фабул” и “композиций”, и он исподволь создал бы великую книгу века. Но для этого нужно дать обет скромности, а на это мало кто способен».

Познакомившись в 1960 г. в Тарусе с Н.Я. Мандельштам, Гладков в последующие несколько лет активно с ней переписывался. Вначале отношения были самыми дружескими. 29 сентября 1963 г. Гладков записывал в дневнике: «Заходил прощаться к Над. Як. Она уезжает опять в Псков, на этот раз с великой неохотой и плохими предчувствиями. Она закончила свою “книгу”, осталось кое-что отделать – это замечательный памятник поэту и страстное свидетельство о времени. Есть и преувеличения, и односторонность, но как им не быть с такой каторжной жизнью. На редкость умная старуха. Мало таких встречал»¹. Он даже предлагал ей, только что получившей московскую прописку, поселиться на его даче в Загорянке и Н.Я. Мандельштам некоторое время колебалась между предложением Гладкова и покупкой кооперативной квартиры. 22 октября 1963 г. Гладков писал в дневнике: «...у Надежды Яковлевны. Ей плохо, болит что-то в желудке. Она лежит и мучается. У нее самые дурные предчувствия. – “Это мой конец...” И, как в плохом романе, у нее уже ключ от новой квартиры, ее первом собственном жилье за 30 лет. Надо переезжать. Но как она там будет одна? Она сама не знает. Больная одинокая старуха. Насмешка судьбы – зачем ей эта квартира?

У нее уже есть последняя книжка Ахматовой, присланная А. А. с надписью: “Наденьке – все равно, что мне самой...” Книга хорошая и нарядно изданная. В Москве ее еще нет в продаже.

Сию у нее и не могу уйти, стараюсь ее развеселить».

А на следующий день в дневнике появляется такая запись: «...Все думаю о Н. Я. Никогда еще встреча с ней не оставляла такого тяжелого чувства. – Мой переезд не к добру, – сказала она. Шутили, что от одиночества она выйдет замуж за старика одинокого, запущенного чекиста

и т. д. Она задумалась после того, как я сказал что-то о том, чего ей не хватает. – “Мне ЕГО не хватает. Надо стариться вдвоем”.

Обычно она полускрывает свое старое недружелюбие к Б.Л. П<астернаку>, а тут почти выговорила. Она считает, что он отлично умел жить и устраивать свои дела и его непосредственность – это поза»².

31 октября 1964 г. Gladkov писал: «Н. Я. кончила книгу и кладет ее “в бест”³. Я уговаривал ее сдать экземпляр в ЦГАЛИ. Она плохо выглядит, лежала дома час с грелкой, но весела. Сегодня ей 65 лет».

Но позднее отношения Gladkova и вдовы Мандельштама стали меняться, вначале исподволь, а со временем все серьезнее: слишком разные взгляды отличали этих двоих неординарных людей. Например, оценка И.Г. Эренбурга, знакомство и беседы с которым Gladkov очень ценил. В феврале 1965 г. в Тарусе он писал по поводу оценки Н.Я. Мандельштам появившихся в печати частей мемуаров «Люди, годы, жизнь»: «Любопытный разговор с Н.Я. М. Начался он с воспоминаний о молодом Эренбурге. “Васю Чекрыгина⁴ тошнило от поверхностной журналистской природы Эренбурга, а Илья не мог вынести этого углубленного в себя, странного и действительно духовного ‘головастика’: он ему не импонировал, как в чем-то и Ося”. “В Эренбурге сидел все-таки еврейский дурачок, которому втайне нравились ‘победители’, или тупая, рослая порода, вроде Алексея Толстого. Я это поняла позже, читая мемуары Э<ренбур>га и думая о том, почему ему нужно, чтобы Мандельштам был маленького роста, хилым и чудаковатым ‘головастиком’”. По словам Н. Я., “напряженно духовная интеллектуальная порода людей вроде Чекрыгина и Осипа чем-то отпугивала Эренбурга. Для него это было гетто, мыслители – равнины, слабость – отказ от победы и племени ‘победителей’, к которому он тянулся”. Эренбург, по ее словам, чувствовал время, “потому что впереди нас поджидало почти полстолетия этих самых ‘победителей’, и немецких, и русских. Он никогда не понимал, что эти молодцы самые отъявленные трусы. Они покрываются розовым потом и храбрятся толь-

ко в присутствии начальства и под его прямым покровительством. Это им нужно сильное государство, чтобы под его сенью без риска проявлять мужественность". Я оппонирую, хотя она во многом права».

22 апреля 1967 г. в дневнике появляется такая запись: «С утра еду в ВУАП, потом в Лавку писателей, затем к Н. Я., к ней приходит Адмони и Нат. Ив-на Столярова. Пьем чай и в две руки с Адмони читаем ее <Н.Я. Мандельштам. – С. III.> рукопись об Ахматовой, где уже 155 страниц машинописи.

Много интересного и умного, но ей мало быть мемуаристкой и она снова философствует, умозаключает, рассуждает о времени, об истории, о смене литературных школ, о стихах и даже о любви. А. А. у нее очень живая, но как-то мелковатая, позерская и явно уступающая автору мемуаров в уме и тонкости. Совершенно новая трактовка истории брака с Гумилевым: она его никогда не любила. Верное замечание, что тема Ахматовой – не тема “любви”, а тема “отречения”. Есть и случайные и ненужные мелочи. Хотя Н. Я. сказала, что она согласна с моими замечаниями, но мне почему-то кажется, что она чуть обиделась».

Первый холодок появился во время процесса над Иосифом Бродским. Гладков занял позицию, резко отличающуюся от мнения большинства либеральной интеллигенции. Он был человеком самостоятельных суждений и считал себя реалистом. Так, в писательском доме отдыха в Комарове 18 декабря 1964 г. он записывает: «Д. Я.⁵ получил письмо от Л.К. Чуковской. Дело о Бродском опять повернулось в худшую для него сторону: будто бы Копелев⁶ был в ЦК с какими-то новыми письмами и был там холодно встречен.

Мне давно ясно, что таким путем защитники Бродского не могут выиграть дело. Дело его обвинения – это дело видных ленинградских партработников, связанных с Обкомом. Ошибка, если она произошла, может быть исправлена не через ее публичное признание, а путем помилования любого рода, когда затихнет борьба. Как этого не понимать? Если им важна судьба живого, способного

человека Бродского, а не принцип, то надо было идти другим путем. Если же дело не в нем, а в том, чтобы померяться силами, то это прежде всего глупо, ибо силы неравны».

Познакомился Гладков с Бродским после освобождения и обретения последним минимального социального статуса, в том же Комарове. Об этом он записал в дневнике 30 ноября 1965 г.: «Познакомился сегодня с Иосифом Бродским, приехавшим повидать Д. Я.<Дара> и Лидию Корн<еев>ну. Но Д. Я. уехал в город и мы угостили Бр<одского> его обедом. Он хорошо сложен, скорее рыжеват, чем рыж, голос высокий, слегка картавит, речь неразборчива, неважная дикция. Говорили о Н. Я. (у которой он был на днях в Москве), о Цветаевой (при этом Бр<одский> оживился и сказал, что это самый большой русский поэт, не исключая из числа тех, кто ниже, – и Пушкина). Оказалось, что он пробыл ссылкой где-то под Коношем, т. е. совсем рядом с Ерцевым <там находились лагеря, где отбывал в свое время срок Гладков. – С. Ш.>. Лидия Корнеевна, седая, слепнущая, больная, при нем была оживлена и почти кокетничала. Он получил несколько заказов на переводы каких-то польских и чешских поэтов, живет в семье – все в одной комнате, еще не улажены взаимоотношения с милицией, но жить можно и работать тоже. Странная судьба. Теперь ему во что бы то ни стало нужно быть гениальным, прочего ему не простят. Рассказал, что получил письмо от Иваска, того самого, корреспондента Цветаевой».

Публикуем 6 писем Н.Я. Мандельштам к Гладкову, где значительное место уделено «делу Бродского». Письма хранятся в фонде Гладкова в РГАЛИ (Ф. 2590. Оп. 1. Д. 298).

<1>

11 декабря <1963>

Дорогой Александр Константинович! Спасибо за большое и содержательное письмо. Все, о чем вы говорите,

очень существенно. В частности, меня поражает, что об убийстве Кеннеди все говорят и думают почти одними словами. Личное отношение к этому. И очень точно: бунт против интеллигенции. Может, это влияние наших летних разговоров, но я именно это сказала. Вспомнила еще Мелетинского⁷, который летом же определил: «Инт<еллиге>нт это тот, кто вызывает ненависть».

Теперь о Бродском. Да, мне не нравятся его стихи. Но совершенно ясно, что это поэт в самом точном смысле слова, и мне <он> не нравится, потому что, как всякий поэт он нов, непривычен и мешает. Фельетон, о котором вы говорите, лучшее доказательство подлинности этого поэта. Поэт это интеллигент в сотой степени, и его уже травят по всем правилам. Неужели и этого убьют? Моя реакция на эту травлю та же, что и у вас... Меня физически тошнит.

Лидия Яковлевна⁸ меня ничем не рассердила, и я от нее не отвратилась. Мне только действительно осточертел анализ; и, кроме того, она мирный человек и не позволяет себе, чтобы ее тошнило. Вот и все. А так я самого высокого о ней мнения и мне с ней очень интересно. Но просто я спорщик.

Эмма Герштейн – очень большая дура. Когда-то она написала статью на тему «поэт и царь». Это было тогда модно. Статья понравилась, хотя это был бред сивой кобылы. Вот она и продолжает в этом же духе⁹. На старости лет это неприлично. И сейчас это не пойдет. Вот мне и жалко старую дуру, которая несчастная, нищая, одинокая, сумасшедшая старуха.

С Коржавиным мне любопытно¹⁰. Нельзя ли достать эти стихи? Я вполне допускаю, что человек «стрельнул вверх», т. е. вдруг вырос. Главное, я вам верю. Вы не болтун и не увлекаетесь зря... Достаньте... А?

Самойлов – гладенький. Книжки я не видела (сюда не дошла)¹¹. Но тоже, наверное, на улице не валяется.

А<нна> А<ндреевна>, я уверена, будет в Москве, если ее пустит кто-нибудь жить. С каждым годом это труднее.

Где в «Воронежских» про болтовню?

Что за новоявленный прославитель Тухачевского? (Это статья в «Новом Мире».) Смешно, что и журнал здесь достать нельзя.

Пишите. Я очень ценю ваши письма.

Н. М.

Куда вам писать? Я опять посылаю на Эммин адрес¹²... Нашла адрес – по слепоте не сразу заметила. Но посылаю все же на Эмму..

<2>

25 февраля <1964>

Дорогой Александр Константинович!

Я не отправлю вам большого письма – мне что-то не хочется. Поговорим в Тарусе.

Только два слова: надо ли милиции вмешиваться в писание стихов – Шершеневича, Вагинова, Хармса или кого угодно? Хороших или плохих? Нет ли риска, что самый лучший знаток может ошибиться и нечаянно убить хорошего поэта¹³?

Вас поражает отсутствие у меня демократизма именно потому, что я настаиваю на неподсудности этих вещей (вопрос только идет о качестве – хорошо или плохо) и никогда не примирюсь с вашей точкой зрения: если вам поэт не нравится, ну его к черту и делайте с ним, что хотите. А я горой бы стала даже за Шершеневича, хотя считаю, что, в сущности, поэтом он не был, а просто писал стихи (плохие).

Вы не совсем понимаете то, что произошло с О. М. Это был не обычный случай и до конкретных стихов его аккуратно всеми силами (писательскими) толкали к такому концу. Это можно кратко выразить такой формулой: «Подумаешь: стихи ничего не стоят, а он позволяет себе жить не так, как мы...» Кроме того, О. М. может и шел на гибель для того, чтобы поучились получше обращаться и с людьми просто, и с поэтами. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо сравнивать его судьбу с прочими

подобными судьбами. Это не кощунство, а уважение к его судьбе и памяти.

Вот – и вся моя недемократичность.

Знаю, что по радио была ваша передача о Мейерхольде. Это хорошо.

Как Эмма? Она писала, что приедет в Псков сниматься. Интересно, когда это будет. Ваша статья о Платонове очень хороша¹⁴.

Я все-таки думаю, что весь наш спор – результат какой-то глубокой ошибки. Не могу поверить, чтобы вы могли желать уголовного суда кому-нибудь, кроме уголовных или государственных преступников. А за плохие статьи, фильмы и романы тоже надо судить?

Н. М.

А если человек ругает Марину¹⁵ или О. М., вы действительно хотите его выслать? Я – нет. И вы действительно думаете, что во мне говорит еврейский национализм, а не русская интеллигентская традиция?

А насчет антисептики? Мы уж ее испробовали... Неужели хочется еще?

<3>

8 марта <1964>

Дорогой Александр Константинович! Я все же продолжаю бороться за вашу душу, а вы хотите убежать к обобщению, хотя еще не рассмотрены факты. Я предлагаю вам вспомнить факты.

В «Вечернем» Л<енинграде>» в статье на двух столбцах было напечатано, что некто пишет декадентские стишки, а третий посвящался общей хуле и рассказу о вещах, которых он не сделал, а думал сделать. Техника подобных обвинений известна¹⁶. Как вы писали, раньше этого хватило бы «на всю катушку», и действительно все это, особенно третий столбец, сильно напоминали прошлое. Дальше, вы узнали нечто о молодом человеке, что заставило вас с симпатией солидаризироваться с авторами статьи.

Возможные меры по отношению к этому юноше вы назвали «профилактикой».

Профилактикой у нас занимались много, и она стоила нам очень дорого. Я вас предупреждала, что всякая травля сопровождается клеветой. Я изучила механику травли и знаю это точно. Мне неизвестно, что за «неаппетитные вещи» вы узнали об этом человеке и почему вы называете его альфонсом. Но вот вам небольшая деталь: в Москве появились фотографии непристойных эротических сцен. Утверждалось, что снят этот самый человек. От фотографий пришлось отказаться – снят был не он и к фотографиям не имел никакого отношения. По моим сведениям, на суде они не фигурировали. И вообще ни о какой безнравственности или альфонсизме на суде речи не было. В газете тоже говорилось не об альфонсизме, а об отце. Между тем, на фотографиях в Москве делалась большая ставка – ими подкреплялась статья...

Теперь по существу статьи: декадентские стихи... Является ли писание стихов работой? Если судят задним числом, то все очень просто – Марина и Осип работали... А какой-нибудь неудачник – нет. Но вспомните «Четвертую Прозу». Там как раз об этом говорится...

Если б этот молодой человек был членом Союза, писание стихов считалось бы работой. Но прежде, чем человека принимают в Союз, проходят многие годы. Итак, до вступления в Союз человек должен работать слесарем. Вы все время пишете: я работал, я зарабатывал, я делал то-то, я просил знакомых не хлопотать обо мне и т. д... При чем здесь вы и ваши нормы поведения? Вы хотите объявить себя образцом, которому должны следовать все? Я знала массу людей, которые могли только писать стихи или заниматься живописью. Из одних что-то вышло, из других не вышло. Надо было их ссылать на север из-за этого?

Мне еще известно, что, чтобы получился один художник, должны работать десятки, а может и сотни. Таков закон этого ремесла.

На суде речь шла о тунеядстве, хотя защитник продемонстрировал договора на переводы (переводы считаются

работой, а стихи нет). Влияние статьи на суд несомненное – договора во внимание не приняты. Судью винить нельзя – откуда он может знать, как начинается писатель или художник? Легче с музыкантами – они не могут не кончить школу, как и архитекторы... А в первых двух областях почти все появляются без школы или (художники) поссорившись со школой. Вы-то это могли бы знать... Зачем же вы поддерживали (хотя бы душевно) тех, кто натравил милицию на молодого поэта? Потому что вам не нравятся его стихи? Слишком много на себя берете... Или на основании непроверенных слухов об альфонсизме и прочем? А я признаю, что только конкретные и точные нарушения законов подлежат суду. Надеюсь, что вы тоже, и снимаете свои разговоры о профилактике. Кроме того, я считаю, что нужно осторожнее обращаться со слухами против людей, на которых обрушиваются подобного рода фельетоны. За таким выступлением всегда что-то стоит весьма организованное. Кстати говоря, для интеллигента нормальнее быть на стороне травмированного, а не травли, на стороне страдающего... Даже если речь идет о преступлении, гуманистическая мысль больше столетия боролась о смягчении наказаний. Вспомните хотя бы борьбу со смертной казнью и смягчение кодексов всех стран. А тут – профилактика...

А теперь об аналогиях и обобщениях, потому что эмпирики вы получили достаточно. Что значит ваша фраза: «Уверяю вас, что Б. терпит не за стихи, а за что-то другое»? Где и когда его обвиняли «в чем-то другом»? В фельетоне? На суде? Только ваши аналогии (с П. Васильевым¹⁷ и еще неизвестным мне Лавровым) привели к такому заключению. Кстати, Пашку Васильева я знала хорошо. Какие он совершал преступления, за которые его надо было судить? Сукин сын был, особенно с бабами. Но суд есть суд. Закон есть закон. Кого он убил?

Я вовсе не думаю, что поэтов нельзя судить, если они совершают преступление. А вы думаете, что поэтов надо судить профилактически. И, по возможности, не упоминать при этом стихов.

А теперь о моих аналогиях. Психика: «кто он такой, чтобы жить, не как мы», «дрянные стихи, а нос задирает», «мы его судим не за стихи, а за то, что он способен на все», «не сравнивайте его с теми, кто стоит у нас на полке – те классики, а он мне ни на черта не нужен» – это классика и от нее не ушел никто. В судьбе О. М. вы не разобрались. Все разыгрывалось постепенно. Все началось внутри литературы. Именно она поднесла его на блюдечке и попросила уничтожить, как чуждое тело. Просила довольно долго, и эпоха была подходящая. Социальная психология – вещь устойчивая, но в разные эпохи она проявляется по-разному. А Виллон здесь ни при чем, как вам известно.

Что меня поражает, это то, что вы вдруг забыли логику, точность, привычку взвешивать факты и данные, что под влиянием каких-то «неаппетитных» рассказов вы вдруг набросились на неизвестного вам человека? Интересно, что вы все истолковывали, как новые данные против него, даже то, что за него заступились. Как это могло случиться? Почему у вас появилась личная нотка: «я так не поступал»? Нет ли, действительно, каких-то личных моментов?

Очень хорошо, что заговорили о Мейерхольде. Ваша роль в этом велика и первоклассна. Это особенно обязывает вас к точности и в других вещах. И к вниманию к фактам.

Н. М.

Мне очень интересно знать, от кого вы узнали «неаппетитные факты». Вероятно, это лицо чем-то заинтересованное.

Кстати, я этого мальчишку знаю, и хорошего о нем мнения. Трагично, что он уехал в Ленинград, хотя знал, что его там ждет. Я уговаривала его не уезжать. Он это сделал вполне сознательно. <...>

<4>

<Март 1964>

Дорогой Александр Константинович!

Я сержусь за вашу позицию с Бродским. Каким образом мое бешеное письмо не дошло, не знаю. Больше ни на что я сердиться не могу. А здесь картина ясная. Вот моя аргументация:

Всякая травля и всякое убийство сопровождаются клеветой. Примеры я вам приводила: как говорили о Николае Степановиче¹⁸ (стихи – плохи, сам – противный... а вот, что мы знаем про него)... Я уж не говорю про О. М., где грязные инсинуации шли годами. Поэтому ваши «достоверные» и «объективные» люди с неаппетитными рассказами делают классическое дело толпы при убийстве.

Второе – когда поэта травят, то оплевывают его стихи, от Пушкина до наших дней. Стихи могут не нравиться. Но это не оправдание травли, поэтому нечего об этом говорить. Уверяю вас, что те, кто уничтожал О. М., искренно не любили его стихов. Эта нелюбовь помогает уничтожать.

На всякий случай следует молчать о своем отношении к стихам. Поэт может быть настоящий, а его стихов мы не любим. Но поэт всегда возбуждает ненависть. Нужна была неслыханная работа Б. Л.¹⁹, чтобы так долго держаться... Но под конец прорвалось. Маленькие поэты или большие – разницы нет...

Кстати, я его знаю. Он очень похож на поэта и, по моему, чистый человек... А если хотеть поносить – то на Блока нельзя? на Есенина нельзя? на каждого из нас – не поэтов – нельзя? Осторожнее на поворотах. Н. М.

А как клеветали просто на людей, когда их распинали?

Мне очень понравилась статья о Платонове (первый класс), и я рада, что вы заключили договор на нужную вам вещь.

Это письмо гораздо мягче первого, потому что товарищеский суд, который должен был выслать Б<родского>, не состоится. Слава богу, отстояли. Судить должны были моралисты из ССП...

<5>

20 марта <1964>

Дорогой Александр Константинович!

<...> Я очень рада, что вы мне поверили с Б<родским>... Читали ли вы продолжение в «Вечернем Ленинграде»?

Говорят, судья, увидев, что он зарабатывал 30 р. в месяц, возмутился: как же вы жили на такие деньги? Это просто мило. Но, может, анекдот...

Никакой он себе защиты не организовывал и сам поехал в Ленинград, хотя я умоляла его не ехать. Просто люди действительно стали смелее и, помня о прошлых историях с поэтами, чему-то научились.

<...> Неужели вам ваш актер сказал про Бр<одского>, что он стукач? Бред... Пашку Васильева я знала до 34 года... Что он плохой человек, это было ясно. Кстати, от стихов ничего не осталось. Не звучат... Хотя талантливы. Он, кажется, сейчас ходит в богах где-то в очень узкой среде... Никогда вам не писала, что талантливость делает людей неподсудными, а писала, что за талантливость судить нельзя.

Да, надо быть на стороне травимого. Ваш довод: «Эльсберг считает себя травимым»²⁰ не действует. В том-то и дело, что надо уметь определять, что такое травля. <...>

<6>

<Май 1964>

Дорогой Александр Константинович!

Очень рада, что вы написали Оттену²¹. Я вовсе не говорила, что нужно позволять себя ругать. Но моя теория, что нам можно ругаться и ссориться, но запрещено «разругаться» и «рассориться», потому что все мы слишком нужны друг другу.

Знаете ли, зачем понадобился Прокофьеву такой доклад? Думаю, что он связан с некоторым скандалом,

происшедшим у него с Твардовским²². Об этом много сейчас говорят. О том, что называется «предысторией», я осведомлена. Это было несколько лет назад, и я как раз была тогда в Ленинграде. Если вы были на докладе, мы сравним наши данные. А теперь мне совершенно ясно, кто не дает выпустить книгу О. М., хотя дал отзыв: «Такого поэта нет, поэтому нужно выпустить, чтобы уничтожить иллюзии». Про участие Пр<окофьева> в деле Б<родского> мне сообщили со всех сторон.

*Публикация и вступительная заметка
С. Шумихина*

---

¹ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 103.

² Там же.

³ «Бест» – укрытие. Выражение, бывшее в обиходе у Н.Я. Мандельштам, сейчас практически вышедшее из употребления.

⁴ Чекрыгин Василий Николаевич (1897–1922) – художник. Организатор и теоретик художественного общества «Искусство-жизнь» (позднее приняло название «Маковец»). Яркий представитель отечественного экспрессионизма, создатель циклов мистических рисунков «Воскрешение мертвых» (под влиянием учения Н.Ф. Федорова о «Философии общего дела») и «Восстание».

⁵ Давид Яковлевич Дар (Рывкин-Дар) (1910–1980) – писатель, муж В.Ф. Пановой. «Протежировал» ленинградским авангардистам (см. воспоминания о нем К. Кузьминского в: Антология новейшей русской поэзии у Голубой лагуны / Сост. К.К. Кузьминский и Г.А. Ковалев. Т. 2А. Ньютонвилл (Массачусетс, США), 1983. С. 426–429; там же опубликованы письма Дара к Кузьминскому).

⁶ Копелев Лев Зиновьевич (1912–1997) – писатель, литературовед, переводчик-германист.

⁷ Мелетинский Елиазар Моисеевич (1918–2005) – философ.

⁸ Гинзбург Лидия Яковлевна (1902–1990) – историк литературы, мемуаристка.

- ⁹ Речь идет о книге Э.Г. Герштейн «Судьба Лермонтова» (М., 1964). Герштейн Эмма Григорьевна (1903–2002) – близкая подруга Мандельштамов в 1920–1930-е годы, автор книг «Новое о Мандельштаме» (1986) и «Мемуары» (1998).
- ¹⁰ Коржавин Наум (Мандель Наум Моисеевич; р. 1925) – поэт. Живет в эмиграции в США.
- ¹¹ Вероятно, имеется в виду книга: *Самойлов Д.* Второй перевал. М.: Советский писатель, 1963. Ср. оценку книги в дневнике Гладкова: «5 ноября 1963. <...> Купил сборничек стихов Д. Самойлова “Второй перевал” <...> Просмотрел Самойлова. Это мило, неглупо, иногда тонко, но... Дальше можно сказать многое: в общем, это разогретое и вновь остывшее блюдо вчерашнего обеда». В то же время Анна Ахматова и ее окружение сразу высоко оценили Самойлова (см. об этом в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К. Чуковской).
- ¹² Попова Эмилия (Эмма) Анатольевна – актриса ленинградского БДТ, спутница жизни А.К. Гладкова.
- ¹³ Речь идет о первоначальной реакции Гладкова на «дело» Иосифа Бродского. Впервые он услышал о Бродском от Н.Я. Мандельштам. Приводим запись из дневника от 23 сентября 1963 г.: «Сегодня с утра работал в Ленинской библ-ке, потом поехал к Над. Яковл., которая живет у Шкловских. Провел там целый вечер: читал ее новые отрывочки о Шкловских и о Бабеле в 37 году, болтали. Знакомство с А. Морозовым, фанатиком Мандельштама, собирающим о нем все материалы. Он странный парень, шахматист, латинист, чудака, кажется, сектант. Потом пришли Варя и Коля Панченко, затем Мелетинские, потом Кома Иванов с женой. Он интересно рассказывал об опытах с дельфинами во Флориде и об архиве отца, где действительно масса готовых законченных рукописей романов и повестей. Н. Я. показала нам стихи какого-то нового ленинградского кумира [Давида – зачеркнуто. – С. III.] Иосифа Бродского. Одно короткое, о Васильевском острове – ничего, мило, но длинная ода Джону Донну – манерна, скучна, вяла – типичные старопетроградские стишки. Он не печатается, кумир ленинградских психопатов, еврей с рыжей бородой. От него в восторге Ахматова, а Лидия Яковлевна протезирует А. Кушнеру».

¹⁴ См.: В прекрасном и яростном мире. (Об Андрее Платонове) // Новый мир. 1963. № 11. Об этой статье, напечатанной «экспрессом», сам Гладков так писал в дневнике 26 декабря 1963 г.: «...статью о Платонове, которую хвалят (и если кто и разругает, то по особым соображениям), я писал наспех. Обещал, тянул, пропустил сроки, получил в Загорянку телеграмму из редакции, не хотелось подводить Леву и прочее, и сел, и написал почти залпом. Переписывал набело всю ночь, потом еще переставил куски и переклеил. Отвез в редакцию, понравилось, попросили несколько расширить и увеличить число цитат, чтобы “показать писателя”. Это сделал тоже наспех. И всё, за что меня хвалили, я писал наспех, т. е. (это самое главное!) на уровне импровизации, на уровне своих писем и дневников. Уверен, что годы дневников и привычка писать письма с рассуждениями очень помогают мне быстро и неплохо писать. Наверно, так и нужно писать журналистику, т. е. для нее нужен постоянный литературный тренаж: чтобы рука шла. То же и для стихов. Да и для всего, вероятно. Спешки бояться не нужно, часто она помогает, а избыток времени расхолаживает. Так у меня, во всяком случае. Надо только быть в форме, т. е. все время писать и размышлять».

¹⁵ Имеется в виду М.И. Цветаева.

¹⁶ 3 декабря 1963 г. Гладков записал в дневнике: «Про И. Бродского в “Веч. Ленинграде” написали страшно: не только про его стишки, которые мне лично не нравятся, – тут и связи с уголовниками и спекулянтами, и встречи с иностранцами, и подготовка побега за границу. В иные времена за это давали полный набор: 25 и 5 и 5. А сейчас статья оканчивается требованием выслать его из Ленинграда. Я его никогда не видел, а описан он красочно».

¹⁷ Васильев Павел Николаевич (1909/10–1937) – поэт. Был репрессирован.

¹⁸ Имеется в виду Н.С. Гумилев.

¹⁹ Имеется в виду Б.Л. Пастернак.

²⁰ Эльсберг Яков (Жак) Ефимович (1901–1976; наст. фам. Шапирштейн) – критик, доктор филологических наук, сотрудник журнала «На литературном посту», член ССП, се-

кретарь Л.Б. Каменева (после ареста Ф.П. Швальбе). Лауреат Сталинской премии по литературе (1949). Доносчик и провокатор, принимавший близкое участие в арестах 1930 – начала 50-х. Был разоблачен и подвергся общественной обструкции, однако из Союза советских писателей исключен не был.

- ²¹ Оттен (Поташинский) Николай Давидович (1907–1983) – писатель, кинодраматург, критик, составитель сборника «Тарусские страницы», где печатался Гладков. Последний писал ему 5 мая 1964 г.: «...Не оправдываюсь, но уточняю факты. Никакой особой “позиции” в деле Бр<одского> я не занимал, так как в “деле” этом не участвовал. Знакомые (не из литературной среды) рассказывали о Бр<одском> некрасивые вещи. Простодушно я с Вами поделился. Потом Н. Я. написала мне, что это вздор и что она хорошо его знает, и что он прекрасный человек. Естественно, я предпочел поверить ей. Сопоставлять доносящиеся факты и делать отбор – это еще не значит “занимать позицию” или “менять” ее. Так как <я> никакой позиции по существу дела не занимал, то и “менять” мне было нечего. <...> Осуждению Бр<одского> никогда не радовался, как Вы это безосновательно утверждаете, как не радовался в свое время расправе с Киршоном, о котором думал очень дурно, или трагическому концу Павла Васильева, который был явный мерзавец. Нигде этого в моих письмах быть не может. Думаю, что мне более глубоко жалко этого несчастного малого, потому что, в отличие от большинства его поклонников, я довольно реально представляю запах хлорки тюремных параш, вонь пересылок и унижение подневольного труда. Никому (и даже недругу) пожелать этого я не могу, но и шутить с этим тоже не советовал бы».

- ²² Прокофьев Александр Андреевич (1900–1971) – поэт, председатель Ленинградского отделения ССП. 24 апреля 1964 г. Гладков записал в дневнике: «Еще слух, что в Москве Твардовский и Расул Гамзатов обругали и выкинули из номера Р. Гамзатова (конечно, они оба были пьяные) А. Прокофьева за его участие в деле И. Бродского». Вероятно, об этом он написал Н.Я. Мандельштам.

И. Сиротинская

ПОХОД ЗА РУКОПИСЯМИ¹

1

На стене комнаты Варлама Тихоновича Шаламова, первой его комнаты, которую я увидела – маленькой, на первом этаже – висели два портрета – Осипа Эмильевича и Надежды Яковлевны Мандельштам. В первом своем письме зимой 1966 г. мне В. Т. писал: «Для всех я был предметом торга, спекуляции, и только для Н. Я. – глубокого сочувствия».

Варлам Тихонович много рассказывал мне о воспоминаниях Н. Я., говоря, что это прекрасная русская проза, это глубокий и точный взгляд на время. Даже говорил, что Н. Я. не уступает в талантливости своему мужу. Надо ли говорить, что я заинтересовалась этой необыкновенной женщиной и попросила меня с ней познакомиться. В. Т. обычно еженедельно бывал у Н. Я. Иногда с раздражением упоминал о «людях с кухни Н. Я.» (кухня, как я убедилась впоследствии, была гостиной Н. Я.).

Наконец в ноябре 1966 г. я, по рекомендации В. Т., познакомилась с Н. Я. Сначала она мне показалась очень некрасивой, даже неприятной, но потом совершенно очаровала умением вести беседу, умом, тактом. Я не встречала более интересного собеседника. Видимо, с каждым она

умела говорить на интересующие его темы. И со мной она говорила о детях («ведь я – педагог»), о литературных знаковых О. Э. и своих... Скоро В. Т., неудержимо расплываясь в улыбке, сообщил мне, что я Н. Я. очень понравилась. «И я, – вещал В. Т., – выразил свое глубокое удовлетворение». «Можно бы обойтись и без этого», – сказала я, к удивлению и растерянности В. Т.

Думаю, что это был со стороны Н. Я. лишь запуск зонда, чтобы проверить отношение В. Т. ко мне. И это мне не понравилось.

Такая же проба была произведена и со мной. Н. Я. всегда очень высоко оценивала прозу В. Т.: «Я думаю, проза Шаламова – новые пути русской литературы». И вдруг сказала: «В. Т. очень злой». Я удивилась и неожиданности суждения, и самим этим словам. И возразила: «Да что Вы, он очень добрый». И поймала взгляд Н. Я., какой-то изучающий взгляд.

– Ну да, это с Вами он добрый.

И поняла, что это был пробный шар. Такие манипуляции с собеседником мне не понравились. Может быть, это и безобидно, но я не считаю возможными такие дипломатические приемы в частной жизни. С тех пор с Н. Я. мы более ограничивались кругом чисто профессиональных моих вопросов – судьбой архива О. Э., который был у Н.И. Харджиева, у Л.С. Финкельштейн.

Рассказывала Н. Я. и кое-что о себе и О. Э. Теперь, читая отрывки из первого варианта «Второй книги» (Литературная учеба. 1989. № 3.), историю разрыва О. Э. с Ольгой Ваксель, сосиски Н.И. Харджиева, которыми кормил он Н. Я., и т. п., я понимаю, что эти отрывки она тогда как бы читала на слушателя. Думаю, что переделка «Второй книги» и уничтожение первого варианта тесно связаны с переоценкой личности Н.И. Харджиева прежде всего.

Мне она говорила: «Подумать только, эти сосиски я не могла забыть всю жизнь! Ну, я ему покажу! Он мне сказал – немного пожил бы Мандельштам, у него и другая жена была бы. Подумаешь – жена! А я у него один». Она была в бешенстве. Думается, была она и ревнива, и не-

терпима. И, как и собиралась, переписала книгу совсем в другой тональности,

Н. Я. передала в ЦГАЛИ несколько автографов О. Э. («Египетская марка», «Домби и сын», «Теннис»), фотографии. Я ей скопировала то, что было у нас.

2.

Рукописи О. Мандельштама хранились тогда у Н.И. Харджиева. Он несколько преувеличивал свою роль хранителя и истолкователя Мандельштама. Как рассказывала мне Надежда Яковлевна, он говорил в ответ на ее претензии: «Подумаешь, жена! Пожил бы Мандельштам, у него другая жена была бы. А я у него один».

Н. Я. была просто в истерике: «Он может уничтожить рукописи! Надо отнять их у него!»

В мае 1967 г. была организована «экспедиция» для изъятия рукописей у Харджиева. Мы собрались в «Москве» у Ласкиной в составе: Н. Я., Алексей (сын Ласкиной и Симонова, физическая сила нашей кампании), Саша Морозов («ему он откроет дверь» – сказала Н. Я.) и я, представитель государственного архива, куда Н. Я. обещала отдать рукописи О. Э.!

Н. Я., истерически дрожа, обещала кричать в окно, если Н. И. не будет отдавать рукописи. Алексей обещал держать Н. И., спрашивая Н. Я.: «А вы знаете, где они лежат?»

Саша не верил в коварство Н. И., уверяя, что он отдаст все.

Так, живописной группой, мы дошли до дома Н. И.

Решили, что сначала пойдут Саша и Н. Я. Мы с Алексеем оставались в резерве и ждали во дворе, пока Н. Я. поднялась к Николаю Ивановичу. Но наша помощь не понадобилась.

Саша оказался прав: Н. И. отдал папочку с рукописями О. Э. Правда, как потом говорила Н. Я., рукописи были не все.

Мне Н. Я. сказала: «Не прерывайте нашего с Оськой свидания, я потом отдам в архив все».

Этого обещания она не сдержала.

И когда через полгода я, крайне бережно, напомнила ей о нем, Н. Я. резко сказала мне: «Какое юридическое право Вы имеете требовать у меня архив? Я отдам его туда, где занимаются Оськой».

Я ответила: «Это Ваше право, Н. Я., и, сохрани Бог, я ничего не требую, я просто спросила, помня Ваше обещание».

Это был наш последний разговор с Н. Я. Больше она не приглашала меня к себе, как прежде, своими маленькими записочками.

Вскоре В. Т. спросил меня (после визита к Н. Я.), обещала ли передать Н. Я. архив к нам. Я ответила, что обещала. Видимо, Н. Я. говорила с Варламом Тихоновичем на эту тему и говорила с раздражением.

А некоторое время спустя В. Т. спросил меня, что я думаю о Н. Я. Я сказала, что она умница, редкая умница, но ей немножко не хватает благородства. И В. Т. вдруг стремительно заходил по комнате:

– Много, много благородства там не хватает. Я сказал ей, что не могу больше у нее бывать.

Я пыталась его смягчить, убеждала, что ему нужен литературный круг, знакомства, общение, и круг Н. Я. – это интересные люди, это возможность говорить на любые темы, это...

– Не нужен мне никто, – резко ответил В. Т.

В. Т. никогда не действовал половинчато. Рвать – так сразу и навсегда. Так он поступил с Г.И. Гудзь, первой женой, с О.С. Неклюдовой, второй женой, с Б.Н. Лесняком, своим колымским другом, с другими людьми, и с Н. Я. – так же.

Конечно, были и глубокие причины у него для охлаждения дружбы с Н. Я. Как-то еще в начале 1967 г. он обмолвился о своих визитах к Н. Я. «Это нужно для моей работы». Думаю, что «нужность для работы» была к 1968 г. исчерпана.

Да и «болеельщицкие», как говорил В. Т., наклонности Н. Я. его раздражали, резкое размежевание – кто за нас, а кто за другую команду. Ему было тесно в команде, даже в команде умной, просвещенной, левой.

В. Т. не любил команд и прервал отношения с Н. Я. навсегда.

---

¹ Первоначальная версия очерка – под названием «Надежда Яковлевна Мандельштам» – опубликована в: Шаламовский сборник. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 131–133. Специально для настоящего издания И.П. Сиротинская дополнила этот текст подробностями визита к Н.И. Харджиеву. Следует заметить, что сама Н.Я. Мандельштам в качестве четвертого участника «похода» называла не Алексея Кирилловича Симонова (в памяти которого, по его словам, этого эпизода не осталось), а Лазаря Израилевича Хволковского (1925–2005) – «Зорю, бывшего мужа Жени Ласкиной» (*Мандельштам Н.* Книга третья. Париж, 1986. С. 124). – *Ред.*

А. Немировский

ЧИТАЯ ПИСЬМА Н.Я. МАНДЕЛЬШТАМ
К Н.Е. ШТЕМПЕЛЬ

В 1992 г. увидела свет ротاپринтная брошюра, состоящая из опубликованных ранее воспоминаний Натальи Евгеньевны Штемпель об Осипе Мандельштаме, ее автобиографии и других материалов, в том числе писем к ней ее друзей и знакомых¹. В то время никому из мандельштамоведов не было известно о существовании корпуса писем к Наталье Евгеньевне от Надежды Яковлевны Мандельштам. Он стал доступен П.М. Нерлеру некоторое время назад².

Впрочем, после того, как письма были любезно переданы П. Нерлером мне для ознакомления, в памяти у меня всплыла одна из моих бесед с Натальей Евгеньевной. Речь шла о полученном от Надежды Яковлевны письме, в котором та высказывала удивление, «почему профессор (то есть я) не купит для нее дачу». Улыбаясь, Наталья Евгеньевна добавила: «Видите, Шура, какие у Надежды Яковлевны превратные представления о наших с Вами отношениях?» – «И о моих финансовых возможностях», – добавил я. Этого документа в письмах, полученных П.М. Нерлером, не оказалось. Он был ею, по понятным причинам, изъят.

О наших отношениях в нескольких словах. Наталья Евгеньевна вошла в мою жизнь как верный друг и помощник во всех моих заботах и делах. Она стала как бы чле-

ном моей семьи, а после того, как семья распалась, помогла мне начать новую жизнь. Нас связывали взаимная симпатия и уважение к друг другу, со стороны Натальи Евгеньевны – готовность помочь во всем, что было возможно. Далекая от моей специальности и профессии, Н.Е. Штемпель фактически стала сотрудником созданной мною кафедры древней истории. Ее знали все студенты, специализирующиеся по кафедре. Она помогала в выпуске кафедральной газеты «Гермес» и составила указатель к одной из моих монографий. Она участвовала в воспитании моих детей. Мы жили вместе на даче, совершали совместные экскурсии. Обо всем этом знала Надежда Яковлевна со слов Натальи Евгеньевны и из ее писем (по-видимому, гораздо более обстоятельных, чем письма Н. Я., которыми мы располагаем).

Письма охватывают более чем двадцатилетний период послевоенных отношений Н.Я. Мандельштам и Н.Е. Штемпель. Они характеризуют изменение взглядов Н.Я. Мандельштам по ряду вопросов, прежде всего связанных с публикацией стихов ее мужа. Надежда Яковлевна видела в Наталье Евгеньевне близкого друга и доверяла ей все самое сокровенное, не рассчитывая на то, что письма когда-нибудь увидят свет.

Как явствует из вошедшего в переписку первого моего письма к Наталье Евгеньевне, наше знакомство произошло летом 1961 г. в вагоне поезда Москва–Воронеж³. Станным образом, нордический облик незнакомки, ее хромота («стесненная свобода одушевляющего недостатка») заставили меня вспомнить любимую мною с юности Сельму Лагерлёф с ее «Сагой о Йёсте Берлинге». Впоследствии, при более близком знакомстве с Н. Е., я отыскал еще одну общую их черту: она, как и знаменитая писательница, была дочерью сельской учительницы и дворянкой. И будь у меня больше сил, я бы смог написать не просто очерк, а сагу о Наталье Евгеньевне⁴.

В год нашего знакомства я жил в Воронеже без семьи. С переездом в Воронеж моей жены и детей наши отношения с Н. Е. укрепились. Не было и дня, чтобы она не посе-

щала нашей воронежской квартиры (ул. Фридриха Энгельса, д. 8, кв. 59, в доме напротив хорошо ей знакомого здания, где она в 1935 г. познакомилась с Мандельштамами). Наталья Евгеньевна трогательно относилась к моим детям, провожала дочку в школу, помогала ей готовить уроки. Летом мы снимали дачу у одной хозяйки в живописном поселке Графское под Воронежем, совершали совместные поездки в Прибалтику и на Украину. После окончательного переезда семьи в Воронеж стало не хватать места для занятий, и я уходил работать к Наталье Евгеньевне, на ул. Никитинскую, где в маленькой комнатке написал большую часть выходявших в те годы в Москве и Воронеже статей и книг. Естественным образом, я оказался одним из наиболее часто упоминаемых персонажей в переписка Н. Е. с Н.Я. Мандельштам. Беды мои того времени волновали не только ее, но и Надежду Яковлевну, хотя последняя недостаточно разбиралась во всех моих трудностях и проблемах.

В письмах Н.Я. Мандельштам немалое место занимают сведения о публикации созданных в Воронеже стихов Осипа Эмильевича, известных как «Воронежские тетради». Однако здесь требуются некоторые пояснения. Первоначально, в 1965 г., предполагалось издание сборника стихов в Воронежском областном издательстве, и мною осуществлялась предварительная подготовка текста. После того как издательство от этой идеи отказалось, я, будучи членом партии, решил обратиться за содействием к секретарю Обкома КПСС по пропаганде В.П. Усачеву (этот высокообразованный человек вскоре стал в Москве министром).

Незадолго до того мне стало в общих чертах известно содержание вышедшего в Париже романа о Мандельштаме «Воронеж»⁵. В нем наш город описывался как место жизни заключенных, находящихся за колючей проволокой. Я рассказал об этом Усачеву и прочитал ему по памяти строки ныне хорошо известных стихов Осипа Эмильевича, в которых звучало восхищение Воронежем. После этого видный функционер принял решение о публикации подборки стихов Мандельштама в журнале «Подъем», и мне оста-

валось принести ее в журнал вместе со вступительной статьей. Сами стихи, одобренные в Обкоме, не могли вызывать возражения цензуры, но к моей вступительной статье цензором было сделано замечание: «нельзя писать о Мандельштаме, как о Пушкине». И статья моя была почти наполовину сокращена.

Первый краткий отзыв на эту публикацию появился в том же 1966 г. в собрании сочинений О. Мандельштама, вышедшем за рубежом под редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Зарубежные издатели укоряли меня в том, что я не сослался на издание этих стихотворений в зарубежном сборнике «Воздушные пути». Естественно, что такая ссылка сделала бы публикацию стихов в Воронеже невозможной. Издатели также посетовали на то, что в моей статье нет «ничего особенно оригинального и ценного». И это вполне объяснимо. Поскольку Наталья Евгеньевна еще преподавала литературу в авиационном техникуме, я даже не сказал об особых отношениях ее с Осипом Эмильевичем, сообщив, что «Мандельштам был частым гостем в доме ее матери» (к тому времени уже покойной).

Публикация получила в нашей стране достаточно широкую известность. В этой связи мне вспоминается первая встреча с С.С. Аверинцевым, тогда еще не академиком, но уже лауреатом премии Ленинского комсомола. Он, бесспорно, знал о моих статьях, монографиях и романах, но обратился ко мне не как к античнику, а как к «издателю Мандельштама».

Задолго до того, как появилось первое научное издание «Воронежских тетрадей», Воронеж сделался местом паломничества многочисленных поклонников творчества Мандельштама. Среди них был молодой инженер из Москвы Юрий Иванович Рассамакин. Будучи в Воронеже в 1974 г., он отыскал меня на кафедре истории древнего мира, и я сообщил ему адрес Н.Е. Штемпель. На протяжении ряда лет (с 1975 г. и до конца жизни Надежды Яковлевны) он наряду с Татьяной Птушкиной, Софьей Смоляницкой, Ириной Явчуновской, Верой Лашковой и др. входил

в «группу поддержки» Надежды Яковлевны Мандельштам, координатором которой был Юрий Фрейдин.

Книга О. Лекманова о Мандельштаме завершается главой «Надежда Яковлевна»⁶. В ней, наряду с подборкой фактов о роли Н.Я. Мандельштам в жизни и судьбе Осипа Мандельштама, дается оценка напумевшей книги Э. Герштейн⁷, которая характеризуется как инвектива в адрес Надежды Яковлевны, на которую последняя не смогла ответить. Письма Н.Я. Мандельштам к Н.Е. Штемпель в известной степени можно рассматривать как посмертный ответ на эту инвективу, данный уже после смерти Э. Герштейн.

В письмах к своей подруге Надежда Яковлевна совершенно искренна. Некоторые обвинения, брошенные в ее адрес, тем самым отпадают. Но в то же время Надежда Яковлевна раскрывается как человек со сложным характером, подчас несправедливый по отношению к людям, стремившимся к той же цели, что и она – сделать стихи О. Мандельштама достоянием человечества. В осуществлении главной цели своей жизни Надежда Яковлевна была бескомпромиссной, не учитывая тех сложностей, которые приходилось преодолевать первым издателям Мандельштама.

По мере углубления знакомства с Натальей Евгеньевной, перешедшего в чисто человеческую дружбу, я узнавал все больше и больше подробностей, связанных с Осипом Эмильевичем и Надеждой Яковлевной. И, конечно же, мне хотелось познакомиться с ней лично. Об этом мечтала и Н.Е. И вот однажды, зимой мы посетили в Москве квартиру Шкловских, часто дававшую Надежде Яковлевне приют. Незадолго до этого у меня впервые появилась возможность купить на рынке близ Лужников хорошее зимнее импортное пальто с каракулевым воротником. В Пензе, где я работал после окончания аспирантуры, я еще некоторое время донашивал офицерскую шинель.

Надежда Яковлевна провела нас в предоставленную ей комнату. Мы там беседовали некоторое время. Потом она вывела нас в гостиную, я познакомился с Василисой Георгиевной Шкловской (с Виктором Борисови-

чем она была уже в разводе) и их дочь Варварой. При расставании со мной на лестничной клетке Надежда Яковлевна отпустила несколько едких замечаний по поводу моего пальто, которое она почему-то назвала «шубой». Наталья Евгеньевна храбро бросилась меня защищать: «Не обижайте Шуру!» – несколько раз повторила она. Вот откуда фраза из зимнего письма Надежды Яковлевны (1965 г.): «Привет Шуре... Он еще злится? Надеюсь, что понял...»⁸.

В письмах Надежды Яковлевны к Н.Е. Штемпель мелькают имена многих воронежцев, людей близких Н. Е., ее родственников, знакомых, соседей. В преобладающем большинстве это простые люди, не связанные с литературой, но они были дороги Наталье Евгеньевне, любившей людей и жившей их интересами. Для нее вообще не было плохих людей и она готова была поделиться с любым человеком, находящимся в нужде.

Вспоминается такой случай. К Наталье Евгеньевне пришел какой-то давний ее студент, в чем-то нуждавшийся, и она отдала ему все имеющиеся в доме сбережения. Деньги не были возвращены. В другой раз, возвращаясь домой из театра, Н. Е. привлекла внимание двух воров. Отважно вступив с ними в беседу, она привела их к себе домой, показала портреты поэтов на стенах и книги. В конечном счете, один из грабителей, сокрушенно вздохнув, сказал: «А я всю жизнь воровал...» Ничего не тронув, вору покинули дом.

В письмах нередко передается привет Виктору. Виктор Евгеньевич (1915–1985), брат Н.Е. Штемпель, внешне на нее похожий, но по своим интересам ее антипод. Поэтому многочисленные гости Н. Е., в том числе и Надежда Яковлевна (он ее называл Мендельштамша), вызывали у него усмешку. Однажды Наталья Евгеньевна рассказала мне, что он всех ее знакомых (а это были, по большей части, молодые поэты) называл «чокнутыми». Когда Н. Е. возразила: «А Шура?!», Виктор сказал: «А что Шура? Он и гвоздя в стену не вобьет». «Как не может? – с жаром возразила Н. Е. – Вот ты сидишь под полкой. Это он ее прибил».

По словам Натальи Евгеньевны, Виктор, обычно неторопливый, вскочил и побежал за молотком.

О Викторе Евгеньевиче, как о человеке, лучше всего говорит один эпизод из его военной биографии. В 1942 г., когда он был рядовым красноармейцем, его с Кавказа, где находилась часть, вместе с сотнями других перебросили в занятый немцами Восточный Крым. Оружие обещали доставить, но не успели. Вместе с сотней других пленных он оказался в школе под охраной одного немецкого солдата. Виктор и трое других, среди них была медсестра немецкого происхождения из деревни в степном Крыму, решили бежать. Все другие пленники отговаривали храбрцов, указывая на абсурдность их решения, но действию не мешали. Охранник был убит. Виктор с друзьями оказался на свободе в захваченном немцами степном Крыму. Медсестра и двое других остались в ее деревне, а Виктор решил возвратиться в свою часть. Впоследствии ему стало известно, что немцы схватили и повесили его друзей. Он же с невероятными трудностями добрался до плавней Кубани. Туда через некоторое время вошли наши войска. И среди других «дезертиров» он был арестован. Как мне рассказывал Виктор, следствие длилось более месяца. Кормили одной сухой кукурузой. Наконец, их, еле державшихся на ногах, вывели на свет. Первой была названа фамилия Штемпель. Виктор был уверен, что его выделили из всех как за шпиона. (Фамилия-то немецкая.) Но это было спасение. Его одного направили в военное училище. Всех остальных – в штрафбат.

Виктор постоянно навещал Наталью Евгеньевну. Приходила и его супруга Татьяна Олимпиевна (1917–1998), и дочь Татьяна. В письмах Надежды Яковлевны они фигурируют как Таня большая и Таня маленькая. Так их называла сама Н. Е. Это хорошие люди, благожелательно настроенные к многочисленным гостям свояченицы и тети, но так же, как и ее брат, далекие от литературы. Последняя моя встреча с «Татьяной маленькой» (она не ниже меня ростом, 182 см) произошла в Воронеже на конференции, посвященной Осипу Эмильевичу.

Матери Н. Е., Марии Ивановны Левченко (1886–1961), которой в одном из писем передает привет Надежда Яковлевна, лично я не знал. Мы познакомились с Натальей Евгеньевной спустя несколько месяцев после ее кончины, и она своими рассказами пыталась восстановить для меня милый ее сердцу образ. Мария Ивановна, учительница начальных классов, была рано покинута мужем, создавшим новую семью в Ростове-на-Дону. Наталья Евгеньевна однажды побывала у отца, но, насколько я понимаю, помощи оставленным жене и дочери он не оказывал...

В одном из ранних писем Надежды Яковлевны передается привет Павлу Леонидовичу Загоровскому. Лично я его не знал, но работал вместе с его сыном – Владимиром Павловичем. Н. Е. много рассказывала о Павле Леонидовиче, как о своем учителе и близком друге, говорила и о его трагической смерти от неизлечимой болезни. Наталья Евгеньевна пишет о нем в своих мемуарах, как о человеке, знавшем Осипа Эмильевича и оказывавшем ему материальную поддержку в тяжелые моменты его жизни. Владимир Павлович, разумеется, знал об Н.Е. Штемпель, но на все мои вопросы о ней уходил от ответа.

Наталья Евгеньевна училась на педагогическом факультете Воронежского университета – так в 1921 г. стал называться историко-филологический факультет знаменитого Юрьевского университета, перебазировавшегося в Воронеж в 1918 г. Она рассказывала о многих старых профессорах, в том числе о знаменитом античнике Михаиле Николаевиче Крашенинникове, репрессированном в 1929 г. Это с ее «подачи» я занимался научным наследием Крашенинникова многие годы.

В письмах Н.Я. Мандельштам к Н.Е. Штемпель упоминаются некоторые ее молодые друзья-поэты. Среди них – Аркадий Слуцкий. В те годы он был студентом филологического факультета. В письме говорится, что его отправляют в какую-то даль. Имеется в виду Краснодар, где он ныне, как мне сообщили, заведует кафедрой. О моем совместном со Слуцким посещении Надежды Яковлевны

я не помню. Станным образом в письмах, если я не ошибаюсь, не упомянут другой молодой воронежский поэт – Дима Заславский, много сделавший для того, чтобы сохранилась память об Н. Е. Его частое появление в квартире на Никитинской меня поначалу нервировало (Дима был очень эмоциональным и шумным), но затем я в полной мере оценил его как близкого друга Натальи Евгеньевны и, разумеется, как прекрасного поэта.

Наталья Евгеньевна была чрезвычайно общительным человеком. Большинство соседей по лестничной клетке – ее близкие друзья, часто ее посещавшие и ставшие друзьями ее друзей. Тут и «верховая Шура», соседка с четвертого этажа, и супруги Буяновы, Николай Семенович и Антонина Владимировна, которая была старше его на одиннадцать лет. Николай Семенович был преподавателем Воронежского авиационного техникума (кажется, физиком), в котором Н. Е. преподавала русскую литературу еще при Осипе Эмильевиче (вспомните, «если бы проведаль Бог, что Наташа педагог...»). Вместе с Буяновыми она была в эвакуации, как будто в Саратове, куда был эвакуирован их техникум.

Об этой эвакуации мы не раз говорили с Натальей Евгеньевной. Она покинула город за несколько часов до входа в него немцев и смогла взять с собой лишь самое необходимое. Так, ею была оставлена в Воронеже пачка писем к ней от О.Э. Мандельштама. По ее словам, там было много стихов, написанных, как она выразилась, «очень непонятным почерком». На мое удивление и возмущение она отреагировала так: «Но ведь это были письма ко мне. Писем Осипа Эмильевича к Надежде Яковлевне я не оставила».

Все, что Наталья Евгеньевна оставила в Воронеже, пропало, кроме одной книги, случайно обнаруженной ею сразу после возвращения в одной из воронежских библиотек. Эту книгу, монументальную хрестоматию русской поэзии Серебряного века, вышедшую в 1925 г., она подарила мне. В ней имеется восемнадцать стихов О. Мандельштама. Осип Эмильевич не раз посещал квартиру Н.Е. Штемпель и, надо думать, не только знал о существо-

вании этой книги в ее домашней библиотеке, но и держал ее в руках.

Надежда Яковлевна через Н. Е. часто передает мне привет. Она в курсе всех моих дел. Она была лично знакома с моим покойным отцом, Иосифом Исааковичем. Судя по симпатии в ее отзыве о нем, она могла знать от Натальи Евгеньевны, что до революции мой отец был солдатом и, как и многие, прошел через ГУЛАГ. В одном из писем Надежда Яковлевна передает привет моей первой жене Симе. Это Сима Натановна Хейфец, двоюродная сестра знаменитого скрипача Яши Хейфеца, преподаватель музыкального училища им. Гнесиных. Надежда Яковлевна знала о трагедии в моей первой семье, и она, так же, как Н. Е., была на моей стороне.

В письмах, обращенных к Н.Е. Штемпель, не раз упоминаются Графское и Полина Ионовна. Лично с ней Надежда Яковлевна познакомилась во время своего приезда в Воронеж в 1969 г. Мы с Н. Е. встречали ее в аэропорту, оттуда на троллейбусе добрались до ул. Никитинской, где Полина Ионовна ждала нас с обедом. Из одного письма видно, что Н. Я. рассказывала о Графском своему брату, и тот мечтал туда попасть. Графское – поселок к северу от Воронежа, последняя остановка скорого поезда Москва–Воронеж. На краю Графского (ул. Пионерская д. 3), у прекрасного хвойного леса, тянущегося на десятки километров до реки Воронеж, был дом, принадлежавший Полине Ионовне, где я жил несколько лет с женой и детьми. Наталья Евгеньевна одно время жила вместе с нами, а потом сняла дачу напротив, но мы продолжали вести общее хозяйство, совершали прогулки по лесу, иногда по одноколейке добирались до реки Воронеж, где в рыбачьем поселке Ратчина был домик на сваях, в котором жил Виктор с Танями.

В Графском, как и в Воронеже, я работал в доме, снятом Н. Е. Здесь были написаны две мои монографии, которые я защитил в качестве докторской диссертации в 1965 г. Указатель, как это ясно из одной книги того времени, составлен Н.Е. Штемпель На многих книгах моей домаш-

ней библиотеки написано ее ровным почерком: «Из книг А. Немировского».

В Графское к нам приезжали и друзья Натальи Евгеньевны, в том числе и ее университетская подруга Маруся Ярцева, в то время жившая в Киеве. На последней воронежской фотографии Осипа Эмильевича она рядом со «светлой Наташей». Во время нашей поездки по Днепру, в которой участвовала и Н. Е., мы были у Маруси в гостях в Киеве.

В одном из писем Надежда Яковлевна упоминает «Женю (вашу)». Имеется в виду самая близкая из подруг Натальи Евгеньевны – Евгения Николаевна Перкон, москвичка, с которой не раз встречалась Надежда Яковлевна. Я был хорошо знаком с ней и с ее дочерью Натальей Николаевной, редактором издательства «Советская энциклопедия», бывал у них в доме много раз, в том числе вместе с Н. Е. Особенно мне запомнилась одна из встреч, во время которой в присутствии множества гостей Наталья Евгеньевна вспоминала о своих встречах с Осипом Эмильевичем. Помнится, среди гостей был ученик Евгении Николаевны драматург Виктор Сергеевич Розов. Из воронежцев, кроме Натальи Евгеньевны и меня, была моя аспирантка Виктория Козловская, упоминаемая в одном из писем Надежды Яковлевны.

Темой наших постоянных бесед с Н. Е. была поэзия. Мы обсуждали поэтические новинки. Она любила слушать, как я читаю стихи. Однажды, когда мы вместе с ней были в гостях у Надежды Яковлевны в недавно полученной ею квартире, Наталья Евгеньевна уговорила меня прочитать несколько стихотворений Мандельштама. Я начал со своего любимого «Выскочка-гордичка». Н. Е. слушала с удовольствием, что касается Надежды Яковлевны, то она сделала замечание, что это шутовское стихотворение и его следует читать без пафоса. Конечно же, в этой критике прозвучала женская ревность. Когда мы остались одни, Надежда Яковлевна, как бы оправдываясь, стала говорить о ревности Анны Андреевны, которую она испытывала к Н. Е. «Какой-то Наташе написать такие стихи!». Тогда Надежда

Яковлевна мне сказала, что она послала Н. Е. в Ленинград сообщить Ахматовой о смерти Осипа Эмильевича. Сопоставив это известие с умолчанием Анны Андреевны о том, что о происшедшей трагедии она узнала от Н.Е. Штемпель, я увидел в этом проявление той же ревности.

В последние годы моей жизни в Воронеже мы дачи в Графском не снимали, но Полина Ионовна некоторое время жила у Натальи Евгеньевны и помогала ей по хозяйству. Это не мешало ей работать где-то еще. Она была неутомимой.

Мы должны быть благодарны тем, кто сохранил письма Н.Я. Мандельштам в Воронеж и сделал их нашим достоянием.

3 марта 2006 г.

---

¹ *Штемпель Н.* Мандельштам в Воронеже. Воспоминания / Вступ. ст. Д.П. Заславского; Сост. В.Н. Гыдова, П.М. Нерлера; Подг. текста и примеч. В.Н. Гыдова. М., 1992.

² Письма Н.Я. Мандельштам к Н.Е. Штемпель войдут в состав подготовляемой П. Нерлером книги Н.Я. Мандельштам об А.А. Ахматовой. – *Ред.*

³ А.И. Немировский, находившийся в то время в академическом отпуске для написания докторской диссертации, уступил место незнакомой хромой попутчице, Н.Е. Штемпель. Они проговорили всю ночь, и Наталья Евгеньевна пригласила его к себе в гости. – *Ред.*

⁴ Впрочем, такая сага уже написана воронежским моим учеником Владимиром Шаровым. Это первый из его многочисленных романов, носящий название «След в след». Он посвящен Воронежу. Н. Е. – одна из его героинь.

⁵ Идентифицировать этот роман пока, к сожалению, не удалось. – *Ред.*

⁶ *Лекманов О.* Осип Мандельштам. М., 2004. С. 200–209.

⁷ *Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998.

⁸ Письмо от конца мая – начала июня 1965 г. – *Ред.*

«Сохрани мою речь...». Вып. 4. [Ч. 1]. М.: РГГУ,
С 54 2008. 293 с.

ISBN 978-5-7281-1043-9

В четвертый выпуск альманаха «Сохрани мою речь...», ставшего уже традиционным для Мандельшамовского общества, вошли новые материалы к биографии О.Э. Мандельштама и Н.Я. Мандельштам, статьи и публикации отечественных и зарубежных исследователей о жизни и творчестве поэта, стихотворения, посвященные ему, и другие материалы.

Сборник, посвященный памяти М.Л. Гаспарова, предназначен для литературоведов и широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 83.3 (2 Рос-Рус) 6

Научное издание

«Сохрани мою речь...»

Выпуск 4/1

Редактор Т.М. Козлова

Художественный редактор М.К. Гуров

Корректор Н.П. Гаврикова

Технический редактор Г.П. Каренина

Компьютерная верстка Г.И. Гаврикова

Подписано в печать 09.04.2008.

Формат $84 \times 108 \frac{1}{32}$.

Усл. печ. л. 42,4.

Уч.-изд. л. 37,0.

Тираж 300 экз.

Заказ № 100

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
(499) 973-42-00